

ТЕЛЕНС

С. ПАДОВЕР

**ДЖЕФФЕРСОН
ТРЕТИЙ ПРЕЗИДЕНТ
США**

**ДЖЕФФЕРСОН,
ТРЕТИЙ ПРЕЗИДЕНТ США**

С. ПАДОВЕР

ДЖЕФФЕРСОН
ТРЕТИЙ ПРЕЗИДЕНТ
США

Телекс • 1991 • Нью-Йорк

Jefferson
by Saul K. Padover
Translated by V. Hessen

С. Падовер
Джефферсон,
третий президент США
Перевод В. Гессен

Редактор А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ISBN 6-938181-19-X

Copyright © 1991 by TELEX

Первая публикация книги на русском языке
была осуществлена издательством «Фредерик
А. Прегер» (Нью-Йорк) в 1962 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта посвящена выдающемуся человеку. Никогда еще роль этого человека не представлялась большей, чем теперь — 126 лет после его кончины.* Одной из главных особенностей величия Джефферсона, является, конечно, необыкновенная притягательность его личности и неувядающая свежесть его идей.

Джефферсон, сын пограничной Виргинии, воплотивший в себе quintэссенцию американского идеализма и практичности, не похож на других персонажей нашей истории. Ни в нашей стране, ни в каком-либо другом государстве Западного мира не было человека, за исключением Леонардо да Винчи, который мог бы соперничать с Джефферсоном разнообразием своей деятельности, плодотворностью своего мышления и многообразием своих интересов. Просто удивительно, сколько вещей сделал Джефферсон или знал, как их нужно делать. Он был математиком, топографом, архитектором, палеонтологом, просодистом, адвокатом, философом, фермером, скрипачем и изобретателем. Он создал систему образования; он построил университет; он создал большую политическую партию; он помог составить план национальной столицы; он сыграл большую роль в создании американской монетной системы; он удвоил территорию Соединенных Штатов; он изобрел машины и инструменты; он собрал научные материалы в области зоологии, геологии и антропологии; он написал классический трактат о поэзии; он привел в систему законодательство своего родного штата. Всё его интересовало; ничто не было чуждо его уму.

Одни из главных создателей Американской респуб-

* Это предисловие написано к английскому изданию книги, появившемуся в 1952 году. *Прим. переводчика.*

лики, Джефферсон занимал почти все наиболее ответственные в стране посты и обогатил их своим умом, человечностью и демократическим духом. Он был членом Конгресса, губернатором своего штата, послом, государственным секретарем, вице-президентом и дважды президентом. В качестве автора Декларации независимости и знаменитого Статута об установлении религиозной свободы в Виргинии и основателя Демократической партии, Джефферсона следует рассматривать как своего рода политического поэта в действительности.

Но поверх своих интеллектуальных интересов и политической деятельности высится значение Джефферсона, как философа и теоретика Американской демократии — пожалуй, наиболее значительного в этой области. В блестящих по содержанию письмах (корреспонденция Джефферсона состоит из 18.000 писем), в очерках, в речах, в разговорах, в заседаниях, — Джефферсон формулировал свои идеи о прогрессе, о демократическом правительстве и о свободе человека с последовательностью, глубиной и прелестью, которые редко были превзойдены. Подобно Аврааму Линкольну, которого он внешне и умственно очень напоминал, Джефферсон был страстным борцом за права, мир и достоинство человека. Он посвятил всю свою жизнь распространению и осуществлению демократических идеалов. И сегодня еще слова его продолжают сверкать и воодушевлять.

«Я поклялся на алтаре Бога», говорил Джефферсон, «быть вечно враждебным любой форме тирании над разумом человека». И эту клятву он сдержал до конца.

ЮНОСТЬ

(13 апреля 1743-1759)

Когда Томасу Джефферсону было семьдесят семь лет он написал на листке бумаги, для сведения своей семьи, несколько автобиографических заметок:

«Согласно традиции в семье отца, предки его приехали в эту страну из Уэлса и из района горы Сноудон, высочайшей в Великобритании. Однажды я заметил в судебных отчетах из Уэлса человека с нашей фамилией. Он был не то истцом, не то — ответчиком. Другой, носивший нашу фамилию человек, был секретарем Виргинской компании. Эти два случая были единственными, когда я встретился с упоминанием нашего имени в этой стране... Первая достоверная информация о предках касается моего дела... Он имел трех сыновей: Томаса, который умер молодым, Филда, обосновавшегося у вод Роанока и оставившего после себя обширное потомство, и моего отца Питера, устроившегося на землях, которыми я всё еще владею. Называются они Шедуэл и граничат с моей нынешней резиденцией. Отец родился 29 февраля 1707/08 г. и в 1739 г женился на Джейн Рандольф, которой было 19 лет... Родословная их (семья Рандольф) уводит далеко в историю Англии и Шотландии и выбор моего отца заслуживает всяческого уважения».

Отец Томаса — Питер Джефферсон был предприимчивым человеком, проложившим дорогу в необитаемые края. Обладал он удивительной физической силой и мог одним рывком поднять с по-

ла и держать одновременно над головой две наполненные табаком бочки весом в 1.000 фунтов. Томас Джефферсон любил рассказывать своим детям, как три сильных раба тщетно пытались сорвать при помощи каната старый навес и как отец его схватил этот канат и в момент справился с навесом.

Согласно великой американской традиции, Питер Джефферсон был всем обязан самому себе. Был он самоучкой. В интеллектуальном и физическом отношении он «совершенствовал себя» всю свою жизнь, подобно своему сыну, которому посчастливилось унаследовать большое состояние. Питер одолел практическое искусство землемера и стал помощником контролера в графстве Албемарл. В 1751 году Джефферсон и профессор математики колледжа Уильяма и Мэри Джошуа Фрай составили «Карту незаселенных районов Виргинии». К этому времени Питер Джефферсон превратился в богатейшего и наиболее чтимого помещика в графстве. Он стал преемником Фрая на посту комиссионера графства и членом законодательного собрания.

Богатство, которое означало много земель и рабов, было добыто Питером Джефферсоном тяжелым трудом. Он очищал поля, наблюдал за целинными землями, рубил лес. Земля была дешева в пограничной Виргинии.

Питер Джефферсон добился высокого социального положения. Когда ему шел 31 год — он женился на представительнице Виргинской аристократии. Он встретил Джейн, дочь Инэма Рандольфа, когда ей было семнадцать лет. Получив обещание от Джейн Рандольф выйти за него замуж, Питер Джефферсон подъехал к густому лесу и очистил от деревьев 1.000 акров земли вдоль берега реки Анна (Риванна). В течение двух лет он привел в порядок свою ферму и построил дом.

Затем он вернулся в Дондженесс, на левом берегу реки Джемс, и заявил свои права на невесту.

Мать Томаса Джефферсона — Джейн Рандольф — происходила из очень знатной семьи. Всю свою жизнь Томас Джефферсон, боготворивший и восхищавшийся отцом, очень редко упоминал о своей матери. Она была очень любезной лэди, у которой было десять детей. Многие умерли очень рано.

2

2 апреля (13-го по новому стилю) у Джейн Рандольф Джефферсон, которой было 23 года, родился сын Томас. Он был ее третьим ребенком на протяжении трех лет. Первые два — были девочками. Точное место, где родился Томас Джефферсон — неизвестно. Предполагаемое место отмечено памятником. В поместье, где родился Томас — Шедуэл — имелся большой деревянный фермерский дом, в полтора этажа вышины, с красным, установленным снаружи дымоходом. Ферма была расположена в графстве Албемарл, примерно в пяти милях на восток от Шарлоттсвилля.

Семья Джефферсонов тяжело работала, была богобоязненной и кроткой. Питер Джефферсон был мягким и сердечным человеком. Дом его был всегда открыт для друзей и для разбросанных на большом пространстве соседей, часто приезжавших к нему за советом и пользовавшихся его гостеприимством. Даже индейцы, недоверие которых к белому человеку не было лишено оснований, обрели друга в Питере Джефферсоне и на пути в столицу колонии Вильямсбург, останавливались в Шедуэл. Спустя много лет Томас Джефферсон, унаследовавший щедрость и мягкость, вспоминал этих посещавших отца индейцев и рассказывал о том неизгладимом впечатлении, которое они производили на него.

Свободные от работы и приемов часы, Питер Джефферсон посвящал чтению. В библиотеке его можно было обнаружить зачитанные тома «Спектатора», Шекспира, Свифта и Попа.

Питер старался сделать своего единственного сына похожим на себя. Внешне, лицом и фигурой, сын очень напоминал отца. Питер Джефферсон развил в молодом Томасе чувство дисциплины и приучил его к тяжелой работе. Отец научил сына читать и писать, вести счета и систематически работать. Питер имел обыкновенные говорить: «Никогда не проси другого сделать для тебя то, что ты сам можешь сделать».

Отец показывал также хороший пример своим времяпровождением и физической работой под открытым небом. Томас научился верховой езде, стрельбе, поездкам в челноке по Риванне и охоте на оленя и индюка. Его стройное молодое тело было на редкость здоровым и закаленным.

Однако, Том не только ездил верхом, охотился и проводил время в поездках на челноке, — он очень усердно учился. Его образование соответствовало обычной классической программе того времени.

Том очень легко овладел классическими и новыми языками. Во время поездок на лодке вниз по Риванне он читал Гомера и, лежа под дубом, наслаждался Вергилием.

УЧЕНИК

(1760-1767)

Питер Джефферсон скончался, когда Томасу было четырнадцать лет. Томас оказался единственным взрослым мужчиной в семье, состоявшей, кроме него, из малолетнего мальчика и семи женщин, матери его и шести сестер.* Много лет спустя Томас вспоминал, что после смерти отца «все заботы легли полностью на меня и рядом не было ни одного родственника или друга, способного дать мне совет или руководить мною».

Согласно установившейся американской традиции, молодой Томас решил, что пойти в колледж было наилучшим путем для развития своих умственных способностей и укрепления характера. Колледж тогда олицетворялся Уильямом и Мэри в г. Вильямсбурге, особенно для виргинца Томаса Джефферсона, с его социальным положением.

В декабре 1759 года Томас попрощался со своей семьей в Шедуэл и пустился в дальний путь в Вильямсбург. Расстояние составляло примерно 120 миль. На пол пути между Шедуэлом и Вильямсбургом на берегу реки Памунки находилось маленькое местечко, называвшееся ХанOVERом. Сегодня ХанOVER настоящая «метрополния» с 75

* Младшему брату Томаса Джефферсона Рандольфу было два года, когда умер отец. Хотя Рандольф Джефферсон прожил до 60 лет (1755-1815), — ему не суждено было выдвинуться.

жителями. В 1760 году он был, вероятно, не на много больше, хотя и славился судом и таверной (Шелтон, прославленной Патриком Генри, женившимся на дочери содержателя таверны). В Хановере находился дом полковника Натана Дандриджа и молодой студент из Шедуэла провел в этом доме Рождественские праздники.

После праздников, «длинный Том», как любя называли его друзья, оставил Хановер для еще более веселого Вильямсбурга.

Том производил обычно прекрасное впечатление на мужчин и женщин. Назвать его красивым было нельзя. Но этот юноша из лесов Западной Виргинии был ростом больше шести футов, выглядел худым, костлявым, загорелым и одновременно исключительно гибким. У него была длинная и тонкая шея, а лицо его, подобно волосам, имело красноватый оттенок и напоминало цвет родного графства. Щеки были впалыми, а челюсть четырехугольная и решительная. Был он курносый и было в том что-то женственное и пылливое. Насмешливые серые глаза сидели глубоко и были обрамлены заросшими висками. Он грациозно танцевал и походка его имела легкость человека, выросшего в лесу. Он имел очаровательный голос, который избегал повышать и был этот голос очень мягким, подобно его глазам, и удивительным по своей чистоте.

Расположенный на узком выступе земли между реками Йорк и Джемс, Вильямсбург находился всего в нескольких милях от того места, где широкий Чесапик вливается в Атлантический океан. Город был небольшим, но для юноши из Шедуэла это была настоящая столица. Названный в честь Вильяма Третьяго и сделанный в последний год семнадцатого столетия столицей Виргинии, Вильямсбург, когда туда попал Джефферсон, имел

примерно двести одноэтажных домов и население в 1.000 человек, белых и черных. Столица королевской колонии не могла похвастаться еще тротуарами или водосточными трубами. Трава росла на полдюжине улиц.

Несмотря на свой крошечный размер, город этот был политическим, социальным и культурным центром верхнего Юга. Жизнь была веселой и приятной. Главной артерией была улица Герцога Глостерского. Несколько красивых домов были на этой улице, включая таверны, представлявшие соединение бара-отеля-ресторана, здание суда и приходская церковь Брутон, ныне старейшая епископальная церковь во всей стране. Во главе улицы герцога Глостерского уютно примостились три или четыре здания, известные под общим названием колледжа Уильяма и Мэри. В конце улицы находилось, невидное из колледжа, здание капитолия. Рядом помещался дворец губернатора. Колледж, капитолий и дворец представляли узкий треугольник, связанный социальными узами и, как Тому стало быстро известно, заключали в себе очень оживленный мир.

2

Из реестров следует, что Томас Джефферсон поступил в Уильям и Мэри 25 марта 1760 года.

В то время колледж, если цитировать одного из его историков, был «полон расхождением и недовольством». Объяснялось это, очевидно, тем, что политику смешали с богословием. Наглядным тому примером являлся священник Томас Доусон. За двести фунтов стерлингов годового оклада, священник Доусон объединил в своей персоне посты председателя колледжа, комиссара, члена Совета и настоятеля церкви Брутон. Коллеги обвиняли его в том, что он являлся подставным

лицом гениального Фокье, исполнявшего обязанности губернатора колонии. Это было очень правдоподобно. Хотя священник Доусон не был постоянно пьян, — он не скрывал этой слабости от дирекции колледжа. Губернатор Фокье, однако, охотно защищал пристрастие к спиртным напиткам председателя и пытался оправдать нападки интригами внутри колледжа.

Среди преподавательского персонала было много священников. Во главе индейской школы стоял священник Эмануил Джонс (в 1754 году из 75 учеников колледжа восемь были индейцами). Священник Вильям Престон преподавал философию морали. Священник Джон Камм учил богословию. Священник Ричард Грэм поучал естественной философии. Но по счастью для Джефферсона в колледже имелся один профессор — естественной философии и математики — который не был священником. Этот человек — Вильям Смолл, высоко образованный шотландец и друг Эразма Дарвина, появился в колледже почти одновременно с приездом Джефферсона. Доктор Смолл заметил, что жажда знаний рыжего юноши соответствовала его собственной, а любознательность не имела границ. Несмотря на разницу в годах и в положении, между ними завязалась тесная дружба. Эта дружба молодого Джефферсона с пожилым человеком принесла ему огромную пользу. Европейский профессор ознакомил жаждущего знаний юношу из американских лесов с широким миром науки и со своей эрудицией и наставил его на путь либеральных мышлений, свободных от предрассудков. Доктор Смолл имел продолжительное влияние на Джефферсона. Спустя много лет Джефферсон говорил, что «Смолл, вероятно, определил судьбу моей жизни».

Доктор Смолл не только ознакомил своего про-

теже с волнующим миром идей. Не менее важным оказалось то, что он познакомил юношу с избранным кругом друзей. Наиболее выдающимся среди этих людей был, вероятно, 35-летний Джордж Уайт, профессор права при колледже и крупнейший юрист Виргинии. Уайт был человеком классического склада ума, вдумчивый, добросовестный, высокой нравственности и, что было особенно важно, сторонник республиканской формы правления. Современники называли его «справедливый Аристотель». Молодой Джефферсон говорил о нем, как о своем «верном и любимом учителе». Через четырнадцать лет после встречи с юношей из Шедуэла, Уайту выпало на долю скрепить своим именем документ, названный «Единоголосной декларацией тринадцати объединенных штатов Америки». Документ этот был составлен его рыжим учеником и другом.*

Блестящий и сладкоречивый молодой человек произвел столь сильное впечатление на Уайта и Смолла, что они представили его третьему человеку — главной персоне в городе и во всей колонии — Фрэнсису Фокье, исполнявшему обязанности губернатора Виргинии. Оба профессора были «особенно почетными друзьями» губернатора. Когда они ввели в свою компанию 18-летнего юношу, они превратились в неразлучную “*partie quar-tée*”. (Это выражение принадлежит Джефферсону).

Губернатор Фокье содействовал образованию молодого Джефферсона. Губернатор был одновременно светским человеком и ученым. Сын директора Английского банка, он предостерегал Питта против деспотической колониальной политики Великобритании, предвидя сопротивление

* Имя Джорджа Уайта возглавляло список виргинцев, подписавших Декларацию независимости.

со стороны Американских колоний. Лондон не обращал внимания на Фокье, но Джефферсон прислушивался с возрастающим интересом к его разговорам на тему о колониальной политике. Ибо Фокье был свободомыслящим джентльменом восемнадцатого столетия, заинтересованным в новых идеях и их обсуждении. Он любил пожить в свое удовольствие и особенно увлекался картами. Полвека спустя, великий демократ Джефферсон вспоминал роялиста-джентльмена губернатора Фокье, как «способнейшего человека, когда-либо занимавшего эту должность».

Смолл, Уайт и Джефферсон вместе с доктором Смитом, профессором математики, обращавшимся с молодым студентом, «как с отцом», часто обедали с губернатором и слушали камерную музыку в губернаторском дворце. Эти обеды навсегда остались радостными воспоминаниями. Они означали тесную дружбу, служили напоминанием о прекрасной еде, светских манерах и, что было важнее всего, зажигательных разговорах. Молодой Джефферсон впитывал всё, что видел и слышал. Было похоже на то, что судьба намеренно соединила вместе трех или четырех блестящих людей с целью обогатить ум молодого человека, рожденного для великих дел.

Много лет спустя Джефферсон писал: «На этих обедах я слышал больше здравого смысла, больше разумных и философских рассуждений, чем за всю свою остальную жизнь. Это было в буквальном смысле слова высшее общество. Губернатор был также очень музыкальным человеком и прекрасным артистом. Он познакомил меня с двумя или тремя любителями на своих еженедельных концертах».

3

Но колледж не заключался только в музыке и разговорах. Джефферсон учился с большим прилежанием. У него хватало силы заниматься пятнадцать часов в день и затем, в целях упражнения, пробегать одну милю из Вильямсбурга и обратно. Часто он поднимался на рассвете и погружался в книги, книги, книги, просиживая до двух часов утра. Уильям и Мэри никогда не видели такого студента. Его всё интересовало и ничего не было чуждо ему. Его ум так же быстро воспринимал греческую грамматику, как и физику Ньютона. Математику он одолел с такой же легкостью, с какой одолел испанский язык. Он научился читать Платона по-гречески, Цицерона по-латыни, Монтескье — по-французски. Чтобы добраться до корней английского обычного права, он изучил англо-саксонский язык. Для чтения Оссиана («этот неотесанный бард Севера является величайшим когда-либо существовавшим поэтом») он научился гэльскому языку. Кроме классиков — он предпочитал греческих мыслителей римским — он читал английских романистов Стерна, Филдинга, Смоллетта. Он читал также Мармонтеля, Ле Сажа и дважды прочел «Дон Кихота» Сервантеса. Среди поэтов, его любимцами были Шекспир, Милтон, Драйден и Поп.

Джефферсон был нормальным юношей, любившим гимнастику, верховую езду, пение, танцы. Он ухаживал также за девушками, и очень им нравился. Их привлекали живость и доброта, светившиеся на этом веснушчатом, угловатом и открытом лице. Одно время он фатовато одевался. По случаю какого-либо приема он напяливал на себя цветистую жилетку и шелковые чулки, а в руке держал украшенную кружевами шляпу. Подобный костюм был явно экстравагантным и вызывал да-

же угрызения совести. Порою случалось, что в порыве отчаяния, он просил своего опекуна вычестить эти расходы на одежду из причитающейся ему доли отцовского состояния, но постоянно слышал в ответ: «Нет, нет; если в этом заключается ваша страсть, Том, то семья может выдержать эти расходы».

Хотя Джефферсон не обладал большой склонностью к юмору, он оживлял собрания своим смехом и игрою на скрипке. Его серые глаза загорались, когда он слышал смешное или нелепое, но сам он редко рассказывал комичные истории. Одним из любимых его анекдотов был рассказ об Артуре Ли, имевшем страсть постоянно противоречить. Однажды Ли, услышав, как кто-то сказал, что сегодня пасмурный день, тотчас же возразил: «Пасмурно, сэр; но не очень пасмурно». Джефферсон думал, что это очень смешно.

Общество Вильямсбурга было «легкомысленным». Молодые люди (да и пожилые тоже) любили петушинные бои, карточную игру, пьянство, игру на скачках и проституток. Участие молодого Джефферсона в этих увлечениях было очень сдержанным. Правда, он так же хорошо ухаживал, как и играл на бильярде. Но его чувство морали и отвращение к бездельничанью уменьшало удовольствие, которое юноша мог получить от беспутного образа жизни. Однажды, после попойки с другими студентами, он сделал с похмелья следующую меланхолическую запись:

«Минувшую ночь я провел в Апполо в очень веселой и приятной компании и много танцевал с Беллидой. Но я никогда не предполагал, что после восхода солнца буду чувствовать себя таким несчастным, каким я чувствую себя теперь!.. В колледже У. и М. царит полная неразбериха. Уокер, Мэк-Клург и Ват Джонс временно исключены или, как более мягко выразился Хоррокс, удалены на месяц.

Луис Бурзуэлл, Уорнер Луис и один из Томпсонов бежали, чтобы избежать порки».

Несмотря на отсутствие реальной опасности, что обладавший живым умом сын Питера Джефферсона превратится в увлекающегося скачками и карточной игрой виргинского джентльмена, следует признать, что молодая компания Тома была очень «неважной». Много лет спустя сам Джефферсон удивлялся тому, что не превратился в никудышного человека. С присущей ему скромностью он говорил, что спасли его от этого не внутренние качества, но пример его больших друзей Смолла и Уайта (третий друг — губернатор Фокье сам был заядлым игроком), которым он всячески стремился подражать.

4

По истечении двух лет и одного месяца Джефферсон оставил колледж. В казначейской книге Уильяма и Мэри имеется запись, сделанная Джоном Блэйр: «Джефферсон говорит, что оставил колледж 25 апреля» (1762 г.).

Оставление колледжа не означало, однако, прерыва в занятиях, заведенной рутины или перемены знакомств. Ибо Джефферсон решил остаться в Вильямсбурге и избрать профессию юриста. Девятнадцати лет он поступил в адвокатскую контору своего друга Джорджа Уайта и, несмотря на свое отвращение к праву и юридическому языку, над которым он постоянно подсмеивался, проработал в этой конторе целых пять лет.

О его прилежных занятиях и ревностном чтении свидетельствует «Тетрадь для заметок», в которую он бегло заносил, а иногда полностью суммиро-

вал прочитанные им тома и записывал свои мысли, пришедшие ему на ум после этого чтения.*

Однажды, весной 1764 года, он впервые пережил истинное патриотическое вдохновение. Джефферсон присутствовал в сессии Виргинского законодательного собрания во время обсуждения постановления британского парламента об обложении налогами американских колоний. Внезапно поднялся один из делегатов, старый друг Тома, и оказался настолько красноречивым, что воодушевил всё собрание. «Цезарь», говорил Патрик Генри, «имел своего Брута, Карл Первый — Кромвелла, а Георг Третий...» Из рядов делегатов раздались возгласы: «Измена! Измена!» Но Генри закончил свою фразу — «может воспользоваться их примером. Если *это* измена, да воспользуется он ею». Речь Генри произвела огромное впечатление на Джефферсона, не обладавшего даром красноречия. Несмотря на то, что он считал Генри неуклюжим и необразованным обитателем лесной глуши, Том признал, что в данном случае оратор был «великолепен». «Мне показалось», сказал Джефферсон, «что Патрик Генри говорил так, как писал Гомер».

В это время молодой Джефферсон выбрал для себя девиз — «Восстание против тиранов — это послушание Богу».

* «Тетрадь для заметок Томаса Джефферсона: перечисление его идей о правительстве» с предисловием и примечаниями Джилберта Чинарда (1926 г.). Из 905 записей в Тетради не меньше 550 были написаны, когда Джефферсон был студентом или молодым адвокатом. Эти записи касаются технических вопросов права. Записи о феодальном праве, по политической экономии, о Монтескье и Беккариа были написаны между 1774 и 1776 годами, до Декларации независимости.

5

Много занятій и удовольствия молодости перемежались одни с другими. Знакомство с феодальным правом, англо-саксонскими догматами, процедурой королевского суда не превратили Тома в скучного молодого человека. Он продолжал танцевать, играть на скрипке и ухаживать за красавицами. И к этому флирту он был очень чувствителен.

Одним из первых его увлечений была Ревекка, дочь Лунса Буруэлла, председателя виргинского совета. Она была красива, проказлива, не очень умна, но сводила мужчин с ума. Том носил ее портрет — «мою дорогую картинку» — в часах и благоговеио любовался ею много раз на день.

Влюбленный по уши юноша не находил отклика у девушки, которую он поэтически переименовал в Белинду. На одной из своих книжек Том написал:

«Джэйи Нельсон сладкая девушка
Бетси Пэйдж милая девушка,
Ревекка Буруэлл — черт;
Если не черт, то один из его отпрысков».

Он не принадлежал к числу смелых любовников. Вместо того, чтобы предложить свое сердце Белинде, он мечтал, хандрил и брюзжал и, в качестве типичного интеллигента, обсуждал свое увлечение в бесконечной переписке со своим другом Пэйдж. В одном из писем, написанных из Шедуэла в январе 1763 года, Джефферсон спрашивал Пэйджа:

«Как поживает и что поделявает Р. Б.? Должен ли я остаться здесь и ничего не делать или приехать к вам и делать еще меньше?.. Я склоняюсь к тому, чтобы поехать, выслушать мой приговор и не быть больше в неизвестности. Но ум подсказывает: если

ты поедешь и попытка твоя окажется неудачной, ты будешь в десять раз несчастнее, чем теперь».

Джон Пэйдж посоветовал своему тосковавшему другу откровенно и открыто объясниться с девушкой. Том был напуган этим предложением:

«...ты рекомендуешь мне немедленно приехать и приступить к открытой осаде. ...О, нет, Пэйдж. Какие бы заверения своего уважения я ей не сделал бы... они должны остаться тайной. ...я не могу также перенести мысли долго оставаться в неопределенном положении... Если Белинда отвергнет мое сердце, оно не должно принадлежать никому другому... а она его отвергнет, она никогда не подавала мне надежду».

Джефферсон хотел, чтобы Пэйдж переговорил вместо него с Белиндой, так как у него не было решимости. Когда он встречал Белинду, — он начинал волноваться и лишался дара слова. Как-то вечером, было это в октябре 1763 года, он танцевал с Белиндой в зале Аполлона таверны Ралей и от волнения не мог говорить. Позднее он признался Пэйджу, что мог выговорить только «несколько неправильных фраз, высказанных в полном беспорядке». Отчаянно заикаясь, он поведал ей о своих планах, но не имел смелости сделать девушке предложение. «Я не ставил никаких вопросов, на которые требовался бы категорический ответ».

Но в разгаре этих юношеских сердечных увлечений, Джефферсон искал уже философских утешений. Если Ревекка ему откажет, это пойдет только на пользу. «Я полагаю», заключал 20-летний философ, «что Бог не собирался награждать одно из своих созданий в этом мире совершенным счастьем». Здравый смысл Тома помог ему преодолеть свою первую любовь. Когда Белинда сообщила, что собирается выйти замуж за Джэ-

келнна Амблера, реакция Джефферсона оказалась вежливо холодной. «Я был настолько ленив», писал он своему другу через несколько месяцев после памятного танца в зале Аполлона, «что не видел ее с октября... Да благословит ее Господь!..»

6

В 1767 году, через три года после увлечения Белиндой, Джефферсон был принят в адвокатское сословие. Он провел пять лет, готовясь к этому у Джорджа Уайта, своего «наиболее близкого друга», как он его называл. Именно Уайт ввел его «в практику права на скамьях генерального суда».

Джефферсону было 24 года и был он один из богатейших холостяков Виргинии. Он имел также репутацию самого образованного и любознательного молодого человека во всей колонии. Ему хотелось всё знать. Какая-то женщина в письме из Вильямсбурга писала в то время, что «никогда не знала другого человека, задававшего столько вопросов, сколько задавал Томас Джефферсон».

АДВОКАТ

(1767-1774)

Когда, в возрасте 24 лет, Томас Джефферсон стал заниматься юриспруденцией, он был блестяще подготовлен, но плохо приспособлен для этой профессии. Занятие это его не привлекало. Его легко представить ученым, исследователем, изобретателем, архитектором, ботаником, но — не адвокатом. Ум его был слишком любознательным, слишком пытливым и, прежде всего, слишком преданным идеям, имевшим мало общего с юриспруденцией.

Литературный вкус Джефферсона не мирился с юридическим языком. Человек с врожденным чувством стиля, питал отвращение к сухому напыщенному юридическому многословию с повторяющимися «поскольку» и «принимая во внимание» и подчеркнутой софистикой. Он часто издевался над этими «выкрутасами».

Всё, что делал Джефферсон, — не могло быть ничтожным. Не следует удивляться поэтому, что он стал очень успешным адвокатом. Ему не потребовалось много времени, чтобы занять одно из первых мест в среде виргинской адвокатуры и его эрудицией скоро воспользовались пэры. Среди его клиентов были знаменитые Бурэллы, Бирды, Ли, Нельсоны, Пэйджи, Рандольфы. Выдающиеся адвокаты искали советов Джефферсона. Лидеры сословия, подобно Уайту, Пендлтону, Патрику

Генри и Роберту Картеру Николас платили дань уважения молодому Джефферсону, назначив его своим советником. Он, со своей стороны, часто обращался к Уайту и Пендлтону, когда нуждался в помощи. Отношения между этими адвокатами были превосходными.

Число клиентов Джефферсона быстро увеличилось. В 1767 году он вел 68 дел. Четыре года спустя, в 1771 году, он имел уже 430 дел. Практика его была настолько большой, что когда Роберт Картер Николас ушел на покой и предложил Джефферсону перенять его практику, последний «вынужден был отказаться от этого предложения». Приходная книга молодого адвоката свидетельствует о том, что деятельность его была прибыльной, несмотря на тяжелое экономическое положение колонии. «Все доходы» Джефферсона в 1767 году составили 293 фунта стерлингов 4 шиллинга. Они возросли до 421 фунта стерлингов 5 шиллингов в 1770 году. В течение своей восьмилетней адвокатской практики Джефферсон зарабатывал в среднем 3.000 долларов ежегодно. В то время это было хорошим заработком.

2

Адвокатская деятельность не поглощала полностью Джефферсона. Он попрежнему продолжал много читать и делать внимательные наблюдения надо всем, что оказывалось в сфере его неутолимого любопытства. Между судебными делами и наблюдением за плантацией, он продолжал вести приятную светскую жизнь представительного холостяка, особенно когда наезжал в Вильямсбург. «Я был вскормлен законами», сказал он однажды Джону Бернаруду во время своего президентства, «и это дало мне представление о темной стороне

человечества. Тогда я читал поэзию, чтобы сгладить это впечатление и ознакомиться со светлой стороной».

На третьем году своей адвокатской практики, Джефферсон стал носиться с мыслью осуществления своей юношеской мечты: постройки для себя дома на высшем пункте своего поместья. В 1769 году он начал выравнивать вершину холма, известного под именем Монтиселло (580 футов высоты) и сажать множество разнообразных фруктовых деревьев на склонах. Он никогда не изучал архитектуры, но прочел все попадавшиеся ему книги по этому предмету и фактически знал всё, что только можно было знать. До сих пор сохранилось еще несколько сот его архитектурных чертежей.

Дом на Монтиселло рос подобно дереву: медленно, солидно и грациозно. Джефферсон был одновременно архитектором, строителем, инженером, главным рабочим, столяром, планировщиком. Все материалы за исключением скобяного товара (кроме гвоздей) и стекла делались на плантации. Потребовалось четверть века, чтобы закончить постройку дома на холме.

Через несколько месяцев после окончания, в маленькую постройку из красных кирпичей (сегодня они совершенно выцвели и заросли густым плющом) переехал ее собственник. Место рождения Джефферсона и резиденция его семьи — Шедуэл сгорела до тла в начале 1770 года. В огне погибли все книги, бумаги и записи. Уцелела одна только скрипка. Для семьи Джефферсона ничего не оставалось делать, как переехать в Монтиселло, постройка которого была еще не закончена. Мать его и сестры разместились в доме надсмотрщика за работами.

Огонь уничтожил ценнейшее имущество Джеф-

ферсона — его книги. Библиотека его представляла тогда целое состояние. В письме Пэйджу Джефферсон оценил «стоимость сгоревших книг в 200 фунтов стерлингов». Он не мог жить или работать без книг. Через три года он располагал уже новой библиотекой, насчитывавшей 1.254 тома.

Составлять такую библиотеку, увеличивавшуюся в течение всей жизни Джефферсона, было дорогим занятием. Оно дорого обходилось даже для такого землевладельца, каким был Джефферсон, унаследовавший 1.900 акров, но вынужденный содержать семью, состоявшую из 34 человек и 83 рабов. Следует напомнить, что плантация не приносила дохода. Рабство становилось непродуктивным — рабы поглощали все доходы плантации. Продажа Джефферсоном урожая табака приносила ему ежегодно не больше 200 или 300 фунтов стерлингов. Эта статья вместе с адвокатскими заработками подняла годовые доходы Джефферсона примерно до 5.000 долларов. Он покупал приблизительно 400 книг ежегодно и если каждая книга обходилась ему только в 3 доллара, — это значило, что Джефферсон тратил на книги одну четверть своих заработков.

3

В 1770 году, когда Джефферсону было 27 лет, он встретил и влюбился в красивую вдову — брюнетку двадцати-одного года. Объектом его любви была Марта Уэйлс Скелтон, объединившая в своей стройной фигуре много неотразимых качеств. Она происходила из хорошей семьи, была красивой, хорошо образованной, сердечной, грациозно танцевала, прекрасно понимала музыку, была остроумной и богатой.

Ее отец — Джон Уэйлс — был состоятельным адвокатом Вильямсбурга, которого Джефферсон

знал по судебным делам и с которым часто встречался в обществе. Уэйлсу принадлежала дюжина плантаций и 400 рабов. Дом его — «Форест» — на окраине Вильямсбурга был центром веселья и музыки. Джефферсон был там частым гостем.

Марта не обескураживала робкое ухаживанье Джефферсона, но долгое время он не играл роль фаворита среди ее многочисленных ухажеров. Джефферсона, однако, не покидала надежда. Через год после встречи с Мартой, он признался своему другу: «В каждой схеме счастья она занимает первое место на картине, в качестве главной фигуры. Уберите ее и на картине для меня ничего не останется».

К концу 1771 года Марта Скелтон согласилась выйти замуж за Джефферсона. Свадьба была отпразднована в «Форест» в День Нового Года (1772) и явилась одним из главных торжеств этого сезона. Друзья и родственники съехались из близких и далеких мест и на свадьбе царил большое веселье. Представителям духовенства (англиканской церкви) жених уплатил каждому по 5 фунтов стерлингов, 40 шиллингов было заплачено за разрешение на брак и 10 шиллингов Джефферсон дал скрипачу. Очевидно, у него было мало наличных денег, потому что в день венчания, когда он заплатил священнику Кауттсу 5 фунтов стерлингов, — он занял у него же 20 шиллингов. Слугам пришлось больше двух недель дожидаться подарков. Каждый из них получил по 5 шиллингов.

В месяц свадьбы в Виргинии выпало рекордное количество снега. В некоторых местах снежный покров достигал трех футов глубины. Несмотря на снежную бурю, новобрачные отправились в Монтиселло, находившееся на расстоянии 100 миль от Вильямсбурга. Молодые люди путешествовали в фаэтоне, в который были запряжены

две лошади. В пути фаэтон сломался и за починку пришлось уплатить 50 шиллингов. Свадебное путешествие оказалось не очень комфортабельным, но молодая жена Джефферсона отнеслась к этим приключениям с легким сердцем. Много лет спустя старшая дочь Джефферсона, Марта, рассказывала:

«В конце концов они вынуждены были бросить фаэтон и продолжали путешествие верхом. Они сделали короткую остановку в Бленхейме, где жил только один надсмотрщик. С восходом солнца они пустились в путь и выбрали горную тропинку, покрытую снегом, достигавшим от 18 дюймов до 2 футов глубины. По этой тропинке им пришлось проехать 8 миль до Монтиселло».

Поздно ночью они добрались на переутомленных лошадях к засыпанной снегом крутой дорожке, которая вела на холм, где в первой стадии постройки находился дом Джефферсона. Для жилья пригодна была только однокомнатная сторожка. Ночь выдалась холодной и мрачной и Джефферсон со свойственной ему предупредительностью не имел желания беспокоить прислугу. Он сам пристроил лошадей в конюшне и ввел свою жену в их новый «дом». Там он зажег камин и нашел на полке бутылку вина. Молодожены чокнулись и принялись хохотать от избытка счастья.

Молодая чета Джефферсонов была безмерно счастлива и дел у нее было по горло. Несмотря на свою молодость, Марта Джефферсон умела управлять плантацией и была веселым и любящим товарищем. Муж отвечал ей тем же самым. Жизнь их была богатой и наполненной. У них было шестеро детей, из которых трое умерли в раннем детстве. Остальные пережили мать. Дом на холме всё еще находился в процессе постройки, обра-

батывались сотни акров земли, нужно было заботиться о рабах и заниматься юриспруденцией и политикой. Было много развлечений и приемов. Но Джефферсон постоянно находил время для чтения и занятий.

Примерно через год после брака, скончался отец Марты Джефферсон и оставил ей одну треть «завидного состояния», которое, как выразился Джефферсон, «вдвое увеличило наши возможности». Точнее говоря, Марта унаследовала от своего отца 40.000 акров земли и 135 рабов.* В результате Джефферсоны очутились в разряде крупнейших виргинских землевладельцев и получили возможность покупать предметы роскоши, вроде импортированных вин и ликеров.**

До сих пор Джефферсон не занимался много политикой. Он слыл за сторонника просвещенного либерализма и был образованным человеком, богатым и терпимым. В ранних его письмах имеется мало указаний на необходимость социального прогресса. Его карьера была полной противоположностью того, что сказано в знаменитой эпиграмме Лорда Честерфильда по адресу сына: «Тот, кто не является радикалом в 16 лет, не имеет сердца; тот, кто не является радикалом в 60 лет, не имеет головы». Джефферсон не был радикалом в 16 лет, но был радикалом в 60 и имел и сердце и голову. Не подлежит сомнению, что и в молодости, он был потрясен существовавшими несправедливостями и возмущался преследованиями. Но тогда у него не

* Большая часть земли, однако, была продана. Джефферсон сохранил примерно 10 000 акров.

** Еще до получения женою наследства, Джефферсон имел небольшой запас вин в своем погребе. Из его счетной книги на 1772 г. видно, что он имел 3 галлона рома, около 12 галлонов мадейры и много бутылок портвейна и пива. Он пил вино во время еды, но в очень ограниченном количестве.

было мотивировки для действий, — он находил утешение в своих философских воззрениях и был счастлив в своей личной жизни. Потребовались годы развития, революционные потрясения и личная трагедия, чтобы заставить Джефферсона выйти на арену, где люди сражаются и иногда умирают за свои идеалы.

Образованный виргинский землевладелец 18 столетия не мог избежать политики. Это совершенно исключалось для помещика из Монтиселло, унаследовавшего от отца пост мирового судьи. Было принято, что помещик представлял свое графство в законодательном собрании. В 1769 году Джефферсон выставил свою кандидатуру и был, конечно, избран. Его предвыборные методы были столь же просты, как и одежда его соседей, на голоса которых он рассчитывал. Молодой сын полковника Питера Джефферсона посетил своих соседей в графстве и пригласил их в Шедуэл на стакан вина. Они приехали, выпили и затем тихо проголосовали за образованного адвоката, сына покойного полковника.

Такие выборы были в порядке вещей. Были они дешевыми и не трудными. В 1771 г. Джефферсон был переизбран. Он щедро потратил на это 4 фунта 19 шиллингов 3 пенса, что соответствовало примерно 25 долларам. Съеденные будущими избирателями пироги, которые они запивали пуншем, обошлись Джефферсону в 45 шиллингов. Во время кампании 1774 года он потратил только 24 шиллинга на «6 дюжин пирожных». Благодаря пирожным и рому он продержался в законодательном собрании Виргинии до начала революции.

Сперва Джефферсон не был очень заметным членом собрания. Это объяснялось отчасти тем, что у него не было никакой программы. Кроме того, он не обладал большой решимостью. В

1773 году, на пятый год пребывания в законодательном собрании, Джефферсон получил предложение от Пендлтона составить ответ на обращение губернатора. Предложение это преследовало цель дать возможность выдвинуться молодому человеку. По причине ли волнения или неопытности, ответ этот вышел неудачным и его пришлось переделать. Джефферсон был подавлен. Позднее он искренно признавался: «Будучи молодым человеком и молодым членом собрания, — это произвело на меня впечатление, соответствовавшее чувствительности моего возраста».

5

Американские колонии начинали постепенно ссориться с королевским правительством в Лондоне. Когда правительство Георга Третьего принялось проводить всё более и более деспотическую политику, сопротивление американцев заметно возросло.

Американские колонии стали занимать боевые позиции и общественное мнение приняло определенные формы. В 1773 году группа молодых членов виргинского законодательного собрания сделала большой шаг в направлении сопротивления метрополии. В результате большой политической проициательности молодые виргинцы выковали орудие мощной ударной силы — Корреспондентский Комитет, предназначенный для поддержания связи и, в конечном счете, объединения, между отдельными колониями Севера и Юга. Джефферсон был одним из организаторов этого Комитета.

После его создания взбунтовавшиеся виргинцы оставили Вильямсбург, чтобы провести осень и зиму 1773-74 года дома, в мире. Участие в Кор-

респондентском Комитете явилось первым важным политическим актом Джефферсона.

На самом деле помещик из Монтиселло всё еще оставался лояльным подданным Георга Третьего и земельные поместья Джефферсона находились под защитой британских законов, а сам он был джентльменом, воспитанным в английской традиции. Его нельзя было причислить к мятежникам или открытым религиозным диссидентам. Не видел он также ничего предосудительного в монархическом образе правления. Из книг, которые он читал накануне Американской революции, можно сделать определенные заключения. А читал он в это время произведения лорда Кэймса, сэра Джона Дальримпль, замечательный памфлет Джемса Вильсона — «Рассуждения о натуре и размере законодательной власти британского парламента», Локка, Вольтера, Гельвеция и многих других конституционных историков.

6

Весною 1774 года, город Бостон, в котором никогда не был Джефферсон и большинство его коллег-законодателей Виргинии, подал сигнал. Группа мятежников из Массачусетса выбросила за борт судна груз чая* и британское правительство распорядилось закрыть бостонский порт с 1 июня 1774 года. Радикальное крыло Виргинского собрания тотчас же постановило поддержать свою северную сестру-колонию против британской короны.

* Происшествие это произошло в декабре 1773 года. Участники организации «Сыны свободы» выбросили в море, прибывший в Бостон груз чая, принадлежавший британской Ост-Индской компании. *Прим. переводчика.*

Руководство Виргинского законодательного собрания оказалось в руках Патрика Генри, обоих Ли и Джефферсона. Их поддержали Джордж Мейсон и Джордж Уайт, хотя последний проявлял исключительную осторожность. При помощи зажигательного оратора Генри и способного Джефферсона, радикальная группа превратилась в политическую силу большого значения. Искусные в политических маневрах и опытные в парламентских делах, молодые люди не совершили ошибки и не настроили против себя консерваторов. Как Джефферсон позднее объяснял: «Мы замедлили наш шаг, чтобы дать возможность нашим менее рьяным коллегам итти нога в ногу с нами; а они... несколько ускорили свою походку... и таким образом укрепили нашу фалангу, которая наступала на мощь Великобритании».

Чтобы взбудоражить общественное мнение, молодые радикалы прибегли к пропагандной хитрости и назначили день поста и молитв. Это должно было играть роль тревожного сигнала и заставить население сосредоточить свое внимание на том, что происходило в колониях. Генри, оба Ли, Джефферсон и несколько других законодателей умело подготовили на тайном совещании день поста.

Легислатура была распущена губернатором Дунмором. Но неустрашимые виргинцы встречались в зале Аполлона таверны Ралей, примерно в ста шагах от капитолия. Они реорганизовались под председательством Пейтона Рандольфа и решили предложить Корреспондентским Комитетам других колоний ежегодно встречаться на объединенном Конгрессе в каком либо удобном для всех делегатов пункте. Они осудили также действия британского правительства и, что было особенно важно, заявили, что «нападение на лю-

бую колонию будет рассматриваться, как нападение на все». Затем они предложили всем графствам избрать депутатов, которые 1 августа должны были собраться в Вильямсбурге для выборов представителей в Конгресс.

В те жаркие дни июля, во всей Виргинии свободные люди были заняты избранием делегатов, которые должны были представлять их на съезде в Вильямсбурге. Графство Албемарл избрало Джефферсона. Графство ХанOVER голосовало за Патрика Генри. От графства Фэйрфакс был избран Джордж Вашингтон. 1 августа 1774 года Вильямсбургу довелось увидеть одно из самых выдающихся политических собраний за всю свою историю.

7

До того, как покинуть Монтиселло и поехать в Вильямсбург, делегат Джефферсон привел в порядок свои мысли и занес их на бумагу. Он пришел к убеждению, что поскольку Америку населяют свободные люди, она должна управляться свободными американцами, а не какой-либо иностранной властью. Он быстро записал свои соображения, не пользуясь при этом никакими источниками, а исключительно неисчерпаемым кладом своих знаний. В рекордное время он составил доклад, содержащий шестьдесят-пять сотен слов, которому предназначено было прозвучать во всех колониях и Великобритании. Джефферсон, с присущей ему скромностью, надеялся, что составленный им пробный доклад «с рядом неопределенных мест и неправильностей» послужит в качестве инструкции делегатам, которых предстояло выбрать в Вильямсбурге для участия в Континентальном конгрессе. С доклада он сделал две копии.

Джефферсон назвал свой доклад просто —

«Инструкции». Позднее он был напечатан под названием — «Общий взгляд на права британской Америки» и под этим названием известен потомству. «Общий взгляд» является вехой в американской истории и точным отражением позиции Томаса Джефферсона летом 1774 года. Этот памфлет был первым звеном в цепи, связавшей Джефферсона с действительной судьбой своей страны. Он явился также матрицей Декларации независимости, но оказался на два года старше ее и длиннее на пять тысяч слов. В этом памфлете сын Питера Джефферсона открыто заявил английскому королю, что он не имеет право навязывать свою волю Америке, построенной пионерами, а не пэрами.

В «Общем взгляде» есть полные сарказма фразы и мягко выраженные требования. Знакомясь с ним, приходишь к убеждению, что автор его был способен выразить возмущенный протест и обратиться с тактичным призывом. Доклад является мастерским образцом английской прозы:

«Может ли здравый разум понять, почему 160 000 избирателей на острове Великобритании должны повелевать четырьмя миллионами в штатах Америки, каждый гражданин которых равен каждому англичанину по своим способностям, пониманию и физической силе? Если мы примем это за должное, вместо того, чтобы быть свободным народом, как мы до сих пор полагали, и подчинимся создавшемуся положению, мы сможем неожиданно очутиться рабами и не одного, а 160 000 тиранов...

Но может ли его величество... пренебречь всеми законами? Может ли он создать власть, превосходящую той, которая создала его самого? Он добился многого силой, но да помнит он, что сила не поконится на праве.

...к этому сводятся наши жалобы, которые мы доводим до сведения его величества, с той свободой

в выражениях и с теми чувствами, которые принадлежат свободному народу, настаивающему на своих правах, вытекающих из законов природы и которые нельзя рассматривать в качестве подарка своего главного управителя. Пусть льстят те, кто боятся, но это не в характере американцев... Они знают... что короли — слуги, а не собственники народа.

Мы не высказываем желания отделиться от нее (Великобритании) и это не отвечает нашим интересам. Мы готовы, с нашей стороны, пожертвовать всем, что только является разумным для восстановления... спокойствия... Да будут они готовы, со своей стороны установить единство на великодушных основаниях... Пусть они не думают, однако, исключить нас с... других рынков... Еще менее они могут помышлять об обложении налогами нашей собственности на нашей территории или управлять нами. Это право принадлежит исключительно нам.

Бог, давший нам жизнь, дал нам одновременно и свободу; сила может уничтожить, но не разобщить нас. Это, ваше величество, является нашим последним и окончательным решением».

Джефферсон не попал на съезд в Вильямсбурге. На пути туда он заболел сильным приступом дизентерии и вынужден был вернуться домой. Посланец отвез копии его «Инструкций» в Вильямсбург и передал одну копию Патрику Генри, а другую — председателю собрания Пейтону Рандольфу. Копия Генри исчезла. Виргинский Демосфен потерял ее или ее уничтожил. «Мне не удалось узнать», рассказывал Джефферсон, «отнесся ли Генри отрицательно к занятой мною позиции или просто не прочел моего доклада по лени (я никогда не знал более ленивого человека, когда речь шла о чтении). Во всяком случае о моих «Инструкциях» он никому ничего не сказал». Рандольф добросовестно представил свою копию на рассмотрение Конвента. Она была оглашена и вы-

звала большое удивление и даже страх среди делегатов. Большинство нашло ее «слишком смелой для текущего положения вещей».

Смелые идеи Джефферсона были обсуждены на Конвенте, но делегаты Виргинии приняли другие «Инструкции», куда более мягкие по содержанию. Проект Джефферсона, однако, удостоился особой чести и был напечатан в форме памфлета, под названием «Общий взгляд». Появление этого памфлета в возбужденном политическом мире было равносильно взрыву бомбы. Он быстро попал в Лондон, где им тотчас же воспользовался красноречивый ирландец по имени Эдмунд Бурке и использовал его для нападок на британское правительство. «Общий взгляд» выдержал много изданий и заставил британский парламент занести имя Джефферсона в список лиц, подлежащих проскрипции.

БУНТОВЩИК

(1774-1776)

Ораторы, адвокаты и плантаторы из тринадцати колоний встретились в Филадельфии 4 сентября 1774 года для обсуждения положения, созданного различными мероприятиями британского парламента. Среди делегатов не было Джефферсона. Он находился в Монтиселло, оправляясь после болезни. Ему было известно, что Виргиния была хорошо представлена в Филадельфии семью выдающимися сынами. Там находился Ричард Генри Ли, сухой антиклерикал Джон Бланд, грузный Бенджамен Гаррисон, стройный и красноречивый Эдмунд Пендлтон, бурный Патрик Генри, образованный и аристократический Пейтон Рандольф (избранный председателем Конгресса) и, наконец, высокий человек с холодной внешностью и обостренной застенчивостью Джордж Вашингтон.

Делегаты, взгляды которых были очень различны и соответствовали той колонии, которую они представляли, не созрели еще для создания единого союза. После обсуждения многих вопросов, они объявили перерыв до будущего мая. В Великобритании граф Четэм* восхвалял их практический ум и умеренность.

* Питт — Вильям Старший, граф Четэм (1708-78), выдающийся государственный деятель. С 1766 по 1768 гг. — первый министр. Настаивал на необходимости уступок сев.-амер. колониям. *Прим. переводчика.*

Виргиния, тем временем, готовилась к сопротивлению британскому правительству и учредила независимые административные единицы, известные под названием Комитетов безопасности. Комитеты эти в отдельных графствах переняли правительственные функции, включая призыв новобранцев и вооружение добровольцев. Джефферсон был избран председателем Комитета безопасности в своем графстве Албемарл.

2

В мае 1775 года в городе Братской любви* собрался, как было предусмотрено, Второй Континентальный конгресс. На Севере только что произошло Лексингтонское сражение и последствия этого «инцидента» сильно повлияли на умы всех тех, кто, подобно Джефферсону, не были еще склонны к оперативному вмешательству в области политики. Джефферсон чувствовал отвращение к кровопролитию и свойственную джентльмену антипатию к насилию. События в Лексингтоне смущали его. «Этот инцидент», утверждал он, «лишил нас последней надежды на примирение... Весьма печально, что единственная посредническая сила (король)... должна преследовать поджигательную цель и еще больше разжигать пламя».

На Конвент Виргиния послала тех же самых делегатов, что и в прошлом году с одним исключением — Джефферсон поехал в качестве заместителя Пейтона Рандольфа, который, как ожидалось, будет избран председателем собрания.

Джефферсон отбыл в Филадельфию в легком 4-колесном экипаже, открытом с боков, но с кры-

* Так называлась Филадельфия. *Прим. переводчика.*

шей наверху, защищавшей его от дождя и солнца. Подобно всякому предусмотрительному путешественнику, он имел резерв — двух запасных лошадей. Ехал он медленно. Трудно было переезжать через реки и проезжие дороги тонули в грязи. Джефферсон избрал короткий путь на Фредериксбург и затем повернул на восток. Чтобы добраться до Аннаполиса, он переехал через Потомак в узком месте, где-то поблизости от нынешнего Вашингтона и уплатил гиду за переправу через реку. Затем он миновал Чесапик и поехал прямо на север к Вильмингтону. Между Вильмингтоном и Филадельфией дорога оказалась очень плохой и Джефферсону снова пришлось воспользоваться услугами гида.

Путешествуя, Джефферсон с присущим ему любопытством внимательно наблюдал за флорой, фауной, погодой и деньгами, находившимися в обращении. Путешествуя по Мэриленд, он обратил внимание и занес в свою записную книжку удивительное разнообразие циркулировавших монет — пистарин, шиллингов, долларов, гиней и т. д. Финансовый беспорядок был полный и это было очевидно для всякого здравого ума.

Через десять дней после отъезда из Вильямсбурга, Джефферсон приехал в Филадельфию. Расстояние составляло примерно триста миль и это значило, что он ежедневно делал по 30 миль. Если мы предположим, что он ехал с утра до захода солнца — с перерывом в два часа на завтрак — Джефферсон покрывал в среднем не больше трех миль в час.

В Филадельфии он остановился у плотника, в красивом доме на Честнат Стрит и пошел пообедать в городскую таверну.

На следующий день — 21 июня — Джефферсон вошел в зал Конвента и занял место уважае-

мого Пейтона Рандольфа, председателя собрания: Появление знаменитого ныне автора «Общего взгляда» произвело настоящую сенсацию. Его репутация «блестящего писателя», обладателя «мастерского пера», предшествовала ему и вызвала поэтому любопытство к его персоне.

И было на что посмотреть. Джефферсон был мускулистым и стройным человеком, с длинными ногами, загорелой кожей и ярко рыжими волосами. Своим высоким ростом он выделялся среди делегатов, большинство которых были маленькими и полными. Был он самым молодым по возрасту в собрании зрелых людей. На лице его светила доброжелательность и отражался большой ум. Агрессивным он никогда не был и не отличался ораторским талантом, но легко привлекал к себе людей и внушал им полное доверие. Маленький вспыльчивый Джон Адамс,* человек большого ума, скоро обнаружил исключительные способности у молодого делегата от Виргинии и воздал ему должное, отметив свое восхищение и привязанность. «Он всё схватывал на лету», говорил Джон Адамс, «отличался искренностью, ясностью и решительностью в комиссиях и разговорах и превзошел в этом отношении даже Сэмюэля Адамса. Поэтому он скоро завоевал мое сердце».

Репутация Джефферсона, как выдающегося публициста распространилась очень быстро и, через пять дней после появления его в Конвенте, он был назначен членом одной из комиссий для составления декларации о причинах, заставивших американцев взяться за оружие против Великобритании. Другим членом комиссии был Джон Диккинсон, консервативный филадельфийский адвокат,

* Джон Адамс (1735-1826) — второй президент Соединенных Штатов Америки от 1797 до 1801 г. *Прим. переводчика.*

считавшийся сторонником примирения и противником революции. Диккинсону не понравился проект Джефферсона, а Джефферсону — проект Диккинсона. Джефферсон, как можно было предвидеть, уступил.

Примирительный проект Диккинсона, неохотно одобренный Конвентом, содержал четыре параграфа, составленные Джефферсоном.

Написанные Джефферсоном пламенные фразы заканчивались слабым призывом Диккинсона к Великобритании о «примирении на разумных условиях». Конвенту, однако, не понравилась идея о примирении. В ушах делегатов еще отчетливо звучали слова Патрика Генри — «джентльмены могут говорить о мире, но мира — нет. Война началась!.. Наши братья уже на позициях! Почему мы тут бездействуем?»

Через несколько дней после неудачного сотрудничества Диккинсона с Джефферсоном, Конвент назначил другую комиссию для обсуждения примирительного предложения лорда Норта. Члены этой комиссии были избраны, а не назначены. По числу полученных голосов Джефферсон оказался только позади Франклина, но впереди всех остальных кандидатов, включая Джона Адамса и Ричарда Генри Ли. Коллеги снова предложили Джефферсону составить проект ответа. И в ответе этом снова прозвучали звучные фразы с призывом неповиновения королю и парламенту. В конце июля Конвент принял резолюцию молодого делегата от Виргинии и прервал свои занятия.

В августе Джефферсон вернулся домой таким же способом, каким приехал в Филадельфию — в экипаже. Чувства его, вызванные знакомством с выдающимися коллегами, представлявшими другие колонии, были смешанными и ясности в его мы-

слях не было. Несмотря на свои пламенные порывы, он не желал отделения или войны с Великобританией. Однако, он считал себя истинным американцем и одно сознание о существовании какой-то деспотической власти, находящейся еще притом на расстоянии трех тысяч миль, затрагивало и раздражало его честь. Мысль об иностранной державе, претендовавшей на превосходстве над американцами — одно слово «колониальный» — вызывала враждебное чувство и была совершенно неприемлема для Джефферсона. Кем был этот потомок германских принцев в Лондоне или его продажное окружение, пытавшиеся распространить свою деспотическую власть над свободными сынами свободных пионеров?

3

В январе 1776 года в Америке появился пламенный памфлет. Он занимал 47 страниц, продавался за 2 шиллинга и назывался «Здравый смысл». Автором его, как выяснилось позднее, был англичанин, проживший всего год в Филадельфии. Торговал он корсетами, был журналистом по профессии, и пропагандистом — по призванию. Звали его Томас Пэйи. В течение трех месяцев было продано 120.000 экземпляров «Здравого смысла», а затем тираж его достиг полумиллиона.

«Здравый смысл» храбро провозглашал то, что думали, но еще не говорили многие американцы. Слова Пэйна были ясными и четкими, подобно выстрелу из мушкета. Пролетарий-самоучка, пострадавший в Великобритании, Пэйи разделял со многими американцами презрение к монархии и ненависть к тирании. Его слова разжигали страсти в умах колониальных американцев.

«Здравый смысл» восхищал не-аристократических, свободных американцев своими нападками на королей, как «коронованных головорезов» и на Георга Третьего, прозванного «королевским чудовищем». Памфлет призывал американцев порвать с продажной тиранией Британской империи и создать страну свободы.

«На свободу охотятся вокруг света. В Азии и Африке она больше не существует. В Европе смотрят на нее, как на иностранца, Англия предложила ей покинуть страну. Примите беглеца и приготовьте во время убежище для всего человечества».

Памфлет этот встречал сочувствие у тысяч людей. На аристократов, вроде генерала Чарлза Ли, он производил впечатление своим страстным красноречием и они считали его «мастерским, неотразимым достижением». Холодные головы, на подобие Джорджа Вашингтона, были захвачены этим памфлетом. Генерал восхищался его «страстными аргументами», его «здоровой доктриной» и «неопровержимыми рассуждениями».

И Джефферсон относился с большим уважением к Томасу Пэйну. «Не было писателя», говорил Джефферсон много лет спустя, «который превзошел бы Пэйна в легкости стиля, в пронзительности выражений, в четкости разъяснений, и в простоте и непритязательности языка».

4

В январе 1776 года Джефферсон находился в Монтиселло, когда королевский губернатор Виргинии, вспыльчивый лорд Дунмор, сжег Норфолк и вызвал этим вооруженное восстание в колонии. Джефферсон сидел дома с больной матерью и на-

ходился вдали от Конвента, заседавшего в Филадельфии, и назревавшего революционного движения на Юге. В марте соседняя колония — Северная Каролина — постановила провозгласить свою независимость от Великобритании. В том же месяце скончалась мать Джефферсона. Вот, что он написал в своей записной книжке: «31 марта 1776 г. Сегодня около 8 часов утра скончалась моя мать на 57 году жизни».

В начале мая он спешил на Север, в Филадельфию, где остановился в 3-этажном кирпичном домике на Маркет Стрит, между Седьмой и Восьмой улицами. Джефферсон занимал второй этаж, состоявший из приемной и спальни и платил 35 шиллингов (примерно 8.50 долларов) в неделю. «В этой приемной я обычно писал», рассказывал Джефферсон позднее.

13 мая он занял свое место в Конвенте. Джефферсону был устроен радушный прием со стороны тех, кто точил свой скальпель, чтобы перерезать пуповину, соединявшую их со страной-матерью.

Джефферсон не был лидером Виргинской делегации в Конвенте, но, вероятно, ее самым образованным членом и, несомненно, ее лучшим публицистом. В возрасте 32 лет, как замечает один из его ранних биографов, он был в состоянии «произвести в мгновение ока расчет, управлять помещьем, остановить кровотечение, составить проект постройки, выступить в суде, укротить лошадь, танцевать менуэт и играть на скрипке».

Несмотря на это обилие талантов, Джефферсон не отличался красноречием. Джон Адамс вспоминает, что «когда я сидел с ним вместе в Конвенте, я никогда не слышал трех, произнесенных Джефферсоном одна за другой фраз». Но репутация

его, как высоко образованного человека, была столь же солидна, как и безупречна дикция. Все восхищались его «особой меткостью выражений». Когда дело касалось составления резолюций или деклараций, выбор всегда падал на Джефферсона.

В пятницу 7 июня 1776 года коллега Джефферсона, Ричард Генри Ли, взошел на трибуну Конвента и внес сенсационную резолюцию:

«Эти объединенные колонии являются и имеют право быть свободными и независимыми государствами, они освобождаются от всякой зависимости британской короне и всякая политическая связь между ними и государством Великобританией является и должна быть окончательно ликвидированной».

В Конвенте начались страстные прения, продолжавшиеся в субботу, понедельник и вторник.

Окончательное голосование резолюции Ли было отложено до 1 июля. Тем временем была выбрана комиссия из пяти человек для составления Декларации независимости.

В комиссию входили Томас Джефферсон от Виргинии, Джон Адамс от Массачусетса, доктор Бенджамен Франклин от Пенсильвании, Роджер Шерман от Коннектикута и Роберт Л. Ливингстон от Нью-Йорка — умелый выбор людей, представлявших южные, северные и средние колонии. Им было поручено составить декларацию, поясняющую причины, вызвавшие необходимость «принятия нами столь решительной резолюции».

В заседании комиссии было единогласно постановлено поручить Джефферсону составить проект декларации.

5

Когда Джефферсон поднялся в свою приемную на втором этаже кирпичного домика на Маркет Стрит, чтобы набросать проект, — он не чувствовал важности возложенного на него поручения и не предвидел, что миссия эта обеспечит ему бессмертие. В своей «Автобиографии», он лаконично замечает: «Комиссия по составлению Декларации независимости выразила желание, чтобы эта задача была выполнена мною. Это было соответственно сделано».

Большую часть времени между 11 и 28 июня Джефферсон провел за маленьким импровизированным столом в душной приемной и без усталости скрипел гусиным пером. Над документом он просидел семнадцать дней, отделявая и полируя слова. У него был тонкий, ясный и четкий почерк, обнаруживавший изящную точность его научного и поэтического ума, считавшегося со значением каждого слова.

Но вдохновение, двигавшее гусиным пером, не принадлежало ему. Он был только автором этого произведения, а выраженные в нем чувства принадлежали всему человечеству. Джефферсон всегда подчеркивал, что в Декларации независимости он выразил то, что чувствовали его соотечественники. Он был только инструментом, но не создателем этого документа. Почти столетия после составления Декларации независимости он говорил: «Она предназначалась для выражения американских стремлений и не должна была отражать оригинальных принципов или чувств. Не была она также скопирована с какого-либо ранее появившегося произведения».

Но слова имели крылья, а фразы — назойливую красоту.

«Когда в ходе человеческих событий
становится необходимым для народа
порвать политические связи,
которые связывали его с другим народом,
и занять
среди народов на земле
отдельное и равное место,
на которое человеческие
и божеские законы
дают ему право,
следует из уважения к другим народам
объяснить причины,
побудившие его на отделение».

Джефферсон находился на знакомой ему почве. Те, кто имели представление о Локке и Мильтоне — а какому образованному человеку о них не было известно? — не собирались оспаривать принципа добровольного расторжения политических связей.

Вторая фраза Джефферсона была начинена динамитом.

«Мы считаем эти истины
самоочевидными:
что все люди созданы равными,
что они наделены Создателем
неотъемлемыми и* неотчуждаемыми правами,
среди которых — право
на жизнь, на свободу и на стремление к счастью».

Последние три слова явились декларацией веры — бессмертный вклад Джефферсона в американскую жизнь. Утверждение, что стремление к счастью являлось одной из причин существования правительства, было совсем новым в истории политической доктрины. Тронца политических ценностей состояла обычно из жизни, свободы и собственности. Заменяв слово «собственность» слова-

* Конгресс выбросил слова «неотъемлемыми и» и заменил их «определенными».

ми «стремление к счастью», Джефферсон порвал с традиционным понятием и заложил фундамент единственной в своем роде республики справедливости, свободы и безопасности.

И он заключал:

«Поэтому мы,
представители Соединенных Штатов Америки,
собравшиеся на Генеральный Конгресс,
от имени облачившего нас властью
народа этих штатов
отвергаем и не признаем
вассальную зависимость и подчинение
королям Великобритании
и всем другим,
кто после этого предъявят свои притязания;
мы окончательно порываем
всякую политическую связь,
которая до сих пор существовала
между нами
и народом и парламентом
Великобритании;
и, наконец, мы провозглашаем,
что колонии эти становятся свободными
и независимыми государствами,
и что
в качестве свободных и независимых государств
они пользуются правом
вести войну,
заключать мир,
вступать в союзы,
вести торговлю
и пользоваться всеми остальными правами,
какими пользуются независимые государства.
Для поддержки
этой декларации,
каждый из нас обязуется
принести в жертву
свою жизнь,
свое состояние,
и свою священную честь».

6

Джефферсон показал свой проект Франклину и Адамсу, которые внесли несколько незначительных исправлений. «Всего», говорит Джефферсон, было два или три исправления и сделаны они были устно». Затем Джефферсон тщательно переписал весь проект, включая вставки Франклина-Адамса, и представил его комиссии. Он был единогласно утвержден и 28 июня на одобрение Конгресса поступила «Декларация представителей Соединенных Штатов Америки, собравшихся на Генеральный Конгресс».*

Опытные адвокаты Конгресса взялись за произведение Джефферсона с таким жаром, что заделали за живое чувствительного автора. Беспощадная критика продолжалась три дня, вычеркивались слова и целые фразы, как будто они представляли взрывчатое вещество. Из 1.800 слов члены Конгресса выбросили 460 или примерно одну четверть всего текста. Они заменили две дюжины слов другими и сделали две вставки в заключительной части — ссылки на «верховного судью» и «божественное провидение». В этом месте Джефферсон пренебрег ссылкой на Бога, хотя дважды упоминал Его до того.

Прения явились для Джефферсона мучительным переживанием. Он молча сидел и был, как говорил впоследствии, «пассивным слушателем», но страдал больше, чем ему разрешало показать собственное достоинство. Вся тяжесть защиты лежала на плечах корсакиста, наносившего меткие удары, Джона Адамса, который, по словам благодарного Джефферсона, «бесстрашно сражался за каждое

* Первоначальное название декларации. 19 июля Конгресс изменил название: «Единогласная декларация тринадцати объединенных Штатов Америки».

слово». Потеря каждого слова являлась для Джефферсона безжалостным грабежом его произведения и заставляла его содрогаться. Несмотря на свою гордость, ему не удавалось постоянно контролировать свои эмоции.

7

Декларация независимости была одобрена 2 июля. На следующий день Конгресс приступил к обсуждению первой резолюции Ричарда Генри Ли от 7 июня и сосредоточил свое внимание на главном пункте, гласившем, что «эти объединенные колонии являются и должны быть по праву свободными и независимыми государствами». Джефферсон отметил, что в этот день температура была 76 градусов по Фаренгейту — не жаркий день для июля в Филадельфии. В тот же день Джефферсон истратил 103 шиллинга. Он купил термометр за 3 фунта 15 шиллингов, дамские перчатки за 27 шиллингов, а остаток пожертвовал на благотворительность.

День 4 июля выдался относительно прохладным и был весь посвящен прениям в Конгрессе. Джефферсон не выступал и делал только заметки. Он не был, однако, настолько поглощен своим занятием, чтобы не отметить температуры в своей записной книжке. На своем новом термометре, за который уплатил 19 долларов, он проверил температуру по меньшей мере четыре раза. В то время, как государственные деятели новорожденной нации горячо спорили между собою, Джефферсон хладнокровно отмечал температуру воздуха: «4 июля, 6 часов утра — 68 градусов, 9 часов утра — 72 с четвертью градуса, 1 час дня — 76 градусов, 9 часов вечера — 73 с половиной градуса». Вечером прения были закрыты и все присутство-

вавшие члены Конгресса, за исключением Джона Диккинсона, подписали Декларацию независимости.*

Джефферсон обождал, пока «Статьи конфедерации» не поступили на рассмотрение Конгресса и затем отказался от своего мандата. В начале сентября он покинул Филадельфию и поспешил домой.

* Многие не присутствовали и подписали позднее.

ЗАКОНОДАТЕЛЬ

(1776-1779)

Примерно через месяц после приезда Джефферсона домой, счастливо проводившего свое время с тремя маленькими дочерьми и увлекавшегося полевыми работами, до него дошли сведения, что Конгресс в Филадельфии назначил его и великого доктора Франклина специальными уполномоченными для ведения переговоров о заключении договоров с Францией Людовика Шестнадцатого. Джефферсон отклонил эту честь. Сделал он это не только из-за болезни своей молодой жены, с которой не считал возможным расстаться надолго и уехать за границу, но и по причине множества работы в Виргинии. «Центр забот находился дома», утверждал Джефферсон.

Ибо у него тихо созрел план добиться демократии в своем родном штате. После продолжительного обдумывания, он пришел к заключению, что демократическое (он использовал слово «республиканское») общество, в его понимании, не может быть заложено на монархическом фундаменте. Было недостаточно, по его мнению, избавиться от короля, но было столь же необходимо разрушить все королевские учреждения. Для Джефферсона казалось совершенно нелогичным отбросить монархию в лице британского короля и одновременно сохранить ее парадный мундир. За исключением названия, Виргиния всё еще была роялистским государством.

Никто не знал лучше Джефферсона, что в любом цивилизованном обществе весь комплекс социальных отношений содержится, подобно сложному плетенному изделию, в своде законов. Измените закон и вы измените социальную систему; если вы измените социальную систему, — вам придется приспособить законодательство. Имущественные отношения и личный статус покоились на собраниях законов, увековечивавших собственность и закреплявших привилегии в руках небольшой и сплоченной правящей кучки людей. То обстоятельство, что Джефферсон по наследованию, женьтибе и своему положению принадлежал к этой кучке людей, не меняло положения и не могло отразиться на его взглядах. Он не видел противоречия в обладании тысячами акров вспахиваемой рабами земли и в требовании равенства. Понятие демократии покоилось для Джефферсона не на равной собственности, а на равных возможностях. Целью закона, являлась, по его мнению, не защита специальных привилегий человека, но его различных социальных свобод — свободы совести, слова, собраний, деятельности. Всякий свод законов, провозглашавший привилегии и замораживавший личный статус — был плохим сводом. Всякий закон, обеспечивавший граждан равными возможностями и защищавший их «неотъемлемые» свободы — был хорошим законом.

В социальном и даже экономическом отношениях Виргиния управлялась наследственной аристократией. Джефферсон неотступно придерживался пути, в основе которого лежала вера в неотъемлемые права человека на жизнь, свободу и стремление к счастью. Свобода не могла сосуществовать с привилегированной аристократией и нельзя было обрести счастье, если разрешалось сосредоточить огромные богатства в руках немногих людей.

В Виргинии имелось множество феодальных по-

местий и некоторые из них насчитывали 50.000 акров земли. Черные рабы обрабатывали эти акры и создавали богатство, дававшее возможность аристократии вести королевский образ жизни. Среди аристократов имелось несколько семей с титулом баронета. По закону о первородстве поместья переходили из поколения в поколение к старшему сыну и не подлежали отчуждению или разделу. В результате, как пишет Джефферсон, создалось следующее положение:

«Передача этого имущества из поколения в поколение привела к созданию определенного числа семей, которые, пользуясь привилегиями закона о накоплении своего богатства, образовали патрицианский орден, отличавшийся блеском и роскошью своей жизни».

Эта перманентная аристократия представляла постоянную угрозу самоуправлению. Для создания и сохранения свободной власти, являвшейся идеалом Джефферсона, было необходимо уничтожить основы аристократии. Он объяснял:

«Для создания справедливого республиканского порядка представлялось совершенно необходимым уничтожение этой привилегии и превращение аристократии богатства, представлявшей большой вред и опасность, чем пользу, в аристократию достоинств и талантов, ядро которой разумно руководило бы интересами всего общества и заботилось о положении всего населения».

2

В начале октября 1776 г. Джефферсон приехал в Вильямсбург для участия в осенней сессии виргинского законодательного собрания. Как только были созданы и приступили к своей деятельности

различные комитеты, Джефферсон перешел в наступление. Он надеялся, что революция будет мирной и осуществлена законодательным путем. «В насилии», заявлял он, «не было необходимости так же, как и в лишении естественных прав».

Это явилось первой крупной политической акцией Джефферсона и стратегия его заслуживает особого внимания. Он проявил себя хорошим организатором за сценой и неутомимым плановиком в маленьких комитетах. Без политической партии, он умел внушать свои идеи другим и заставлять их думать по своему, как будто они сами были авторами этих идей. За 33-летним делегатом от Монтиселло, человеком с мягким характером при полном отсутствии агрессивности, последовали люди, не всегда отдававшие себе отчет в том, что они делали. В результате не редко случалось, что партия Патрика Генри, популярного вождя без программы, поддерживала некоторые законопроекты Джефферсона, имевшего только программу.

Сила Джефферсона объяснялась еще одним обстоятельством. Он удивительно умел дружить с людьми и исходившая от него теплота привлекала интересных людей. В момент, когда он собирался переделать Виргинию мирным путем и готовился к труднейшему сражению за всю свою карьеру, он мог твердо рассчитывать на лояльность и привязанность трех человек, каждый из которых стоил очень многих. Без этих преданных людей, ему вряд ли удалось провести свои законы, так как в законодательном собрании не было единения по основным социальным вопросам.

Первым по своему значению был друг и учитель Джефферсона Джордж Уайт. Джефферсон постоянно говорил о нем в выражениях, близких к обожанию.

Другим «усердным руководителем прений» в защиту Джефферсона был Джордж Мейсон, один из

самых стойких демократов Америки. Слава его должна быть больше, чем она есть на самом деле.

И, наконец, третьим — был тихий, маленький человек, лет 25-ти, с большим юридическим образованием, сухим юмором и невероятной работоспособностью. Звали его Джемсом Мадисоном. Простая внешность этого человека скрывала его исключительный ум.

Джефферсон штурмовал траншеи старой олигархии при помощи умело составленных биллей, из которых каждый преследовал цель превращения королевской колонии в демократическую республику. Виргинцы называли их «духом уравниения». Потребовались годы, чтобы добиться уравниения. В конце концов, оно было достигнуто четырьмя постановлениями: отменой порядка наследования земли без права отчуждения, уничтожением принципа о первородстве, свободным обучением населения и отделением церкви от государства.

Первый билль имел невинное название, но содержание его было очень значительным. Он наносил удар по порядку наследования, разрешая землевладельцу распоряжаться своей землею, как ему заблагорассудится.

3

Для одержания своей первой крупной законодательной победы и принятия билля об отмене порядка наследования земли без права отчуждения, Джефферсону пришлось внести предложение о пересмотре всего свода законов. Предложение было принято и назначена комиссия из пяти «ревизоров» для осуществления этой задачи. Состав комиссии свидетельствовал о победе Джефферсона: он был сделан председателем, а два его друга — Уайт и Мейсон — членами. Противная сторо-

на была представлена Пендлтоном и Томасом Л. Ли. Виргинские законодатели собрались в Фредериксбурге в январе 1777 года для выработки плана действий. При первой же встрече стороны обменялись, ко всеобщему изумлению, своими традиционными ролями. Консервативный адвокат Пендлтон высказался в пользу новой и полной законодательной системы; бывший радикальный адвокат Джефферсон выступил только за изменения в существующем своде законов.

Причины проявленного Джефферсоном консерватизма были столь же искусны, сколь и причины неожиданного радикализма Пендлтона. Оба были исключительно находчивыми людьми, с даром прозорливости, способным заглядывать в будущее. Джефферсону поэтому тотчас же стали ясны замыслы Пендлтона. Он сразу понял, что для совершенно нового свода законов, с непроверенными принципами и непривычными понятиями, потребуется не только очень много времени, но, что будет он находиться на усмотрении тех людей, которым будет поручено толкование законов, т. е. судей. А Джефферсону было известно, что судьи являются консервативным элементом, решительно склоняющимся в сторону собственности, прецедентов и классов. Больше того, Джефферсон считал необходимым оставить старые легальные понятия нетронутыми, чтобы быть уверенным, что связанные прецедентами судьи будут ступать по проложенной тропе и не соблазняются искушением зайти слишком далеко в своих собственных предрассудках. По этим соображениям, реформа была предпочтительнее революции.

Мейсон и Уайт согласились с председателем. Когда дело дошло до раздела работы, Мейсон и Ли отказались принять в ней участие по той причине, что не были адвокатами. Вся тяжесть поэтому

пришлась на долю Джефферсона, которому помогали Уайт и Пендлтон. Джефферсон взял на себя обычное право и уложение до 1607 г., Уайт — законодательство от 1607 до 1776 гг. и Пендлтон — законы колониальной Виргинии.

Джефферсон работал два года над сводом законов. Это была огромная задача, явившаяся, по мнению Мадисона, «пожалуй, труднейшей из всех его общественных работ». Но она пришлась по вкусу Джефферсону, потому что дала ему возможность использовать все способности, которыми он был одарен: дисциплинированным мышлением, огромными знаниями и ясным способом выражения.

«В процессе моей работы я полагал существенным не менять выражений старых уложений путем их модернизации и не давать повода для новых вопросов в результате появления новых выражений. Толкование этих уложений настолько совершенно и определено многочисленными решениями, что редко когда вызывает вопросы в наших судах. Я полагал также полезным, во всех новых проектах переделать стиль последнего британского уложения и актов нашего собственного Собрания, которые, пытаясь своим многословием, своей тавтологией, своим наворачиванием случая на случай, скобками внутри скобок и путем приведения слов «сказал» и «ответил», «или» и «и», объяснить содержание, делают его не только менее понятным для обыкновенного читателя, но и для самих адвокатов».

После 2-летней подрезки мертвых ветвей старого законодательства и выпрямления нового уложения, Джефферсон в начале 1779 г. встретился с двумя другими ревизорами в Вильямсбурге. Они критически сравнили свою работу, «фразу за фразой, внося поправки и изменения», пока не достиг-

ли полного согласия. После этого они разъехались по домам и переписали свою работу начисто. Пересмотренный кодекс состоял из 126 биллей, настолько сжато составленных, что умещались они на 90 страницах.

Пересмотренный кодекс был не только «Примером технического совершенства и вразумительной краткости», как назвал его Джеймс Мадисон. Он содержал принципы новой демократии. Один из составленных Джефферсоном биллей предусматривал отмену первородства, чтобы сделать возможным передачу недвижимого имущества всем наследникам. Это было ударом по верхним классам и Пендлтон заявил протест. Ввиду того, что протест его не был поддержан другими ревизорами, Пендлтон предложил компромисс, в основу которого был положен древний еврейский принцип о даровании старшему сыну двойной порции. Но Джефферсон, решивший покончить с малейшим проявлением неравенства, высказался против какого-либо компромисса. Он сухо заявил своим коллегам, что «если старший сын сможет съесть вдвое больше или сделать двойную работу, то право его на двойную порцию станет совершенно естественным; но, обладая равными возможностями и желаниями со своими братьями и сестрами, на долю его должна приходиться равная часть родового поместья».

Другим достижением в направлении идеала Джефферсона о создании просвещенного общества, состоящего из свободных людей, явились его три законопроекта об образовании: «о более широком распространении знаний», «об изменении устава Колледжа Уильяма и Мэри» и «о создании публичной библиотеки». Эти билли содержали демократически-революционное утверждение, что в

обязанности государства входит бесплатное обучение бедных. Подобного рода народные школы должны были обучать чтению, письму и арифметике и знакомить учеников «с греческой, римской, английской и американской историей». В предисловии к первому биллю содержится классическое заявление о необходимости образования при демократии:

«Так как... опыт показал, что... те, кому вверена была в свое время вся полнота власти, превратили ее в тиранию; и ввиду того, что самым верным средством для предупреждения этого является просвещение, по мере возможности, всего народа в целом...

И так как не подлежит сомнению, что счастливейшим народом является тот, законы которого — наилучшие и который имеет умное и честное правительство; поэтому является целесообразным... чтобы те лица, которых природа наградила гением и талантами, получили бы либеральное образование, независимо от своих средств, происхождения или других случайных условий или обстоятельств; принимая во внимание, что значительное число граждан лишено возможности получить образование и обеспечить его своим детям, — необходимо, чтобы это было сделано за общий счет для распространения счастья на всех без исключения граждан».

Вкратце, Джефферсон смело выдвинул четыре основных принципа: что демократия не может долго существовать без просвещения; что она не может действовать без разумных и честных правителей; что таланты и достоинства, необходимые в свободном обществе, должны иметь доступ к образованию независимо от «богатства, происхождения или других случайных условий»; и, что образование детей бедняков должно происходить за

«общий счет». Этот документ, по существу, не менее важен Декларации независимости и является вехой в эволюции демократической доктрины.

4

Из всех законопроектов, однако, наибольшую сенсацию вызвал законопроект о провозглашении религиозной свободы. В билле этом заключалось всё мировоззрение Джефферсона. Со страстным убеждением он верил в разум и для него являлось аксиомой, что религия или вернее церковные учреждения были врагом свободы и союзником обскурантизма.

Критическое отношение Джефферсона не распространялось на религиозные этические учения, которые он принимал, за исключением политических установок и аспектов. Религия представляла угрозу для свободного общества, когда она превращалась в инструмент государства, как это произошло с лютеранством в Пруссии, или когда она была использована государством для своих жестоких целей, как это случилось с инквизицией в Испании. В истории имелось достаточно доказательств, что союз церкви и государства всегда приводил и должен был привести к тирании и угнетению. «В любой стране и в любое время», утверждал Джефферсон, «священник был врагом свободы. Он всегда находится в союзе с деспотом, поощряя его злоупотребления взамен за собственную защиту». Пока церковь и государство были неразрывно связаны одно с другим, — самоуправляющееся общество, в основе которого лежали справедливость и свобода, являлось иллюзией безумца.

Редко когда Джефферсон был так упорен, как

в вопросе о необходимости религиозной свободы и более тверд в своей ненависти к религиозной тирании. Он пошел дальше тех, кто верили просто в терпимость. Ибо терпимость, по его мнению, была кредо ленивого человека; она означала равнодушие к политическим проблемам, связанным с религиозными вопросами. Терпимости, поэтому, было недостаточно. Чего Джефферсон добивался и чего он, в конце концов, достиг была — свобода, полностью защищенная законом, верить или не верить, в зависимости от желания человека; свобода искреннего протестантского многообразия для человека и его совести заботиться о своей душе по собственному усмотрению.

Религиозная проблема и все связанные с нею социально-политические вопросы долго волновали Джефферсона. В октябре 1776 г., за несколько месяцев до составления Декларации независимости, он занес на бумагу ряд «Заметок о религии»:

«Забота о душе является делом каждого человека. Но что будет, если он пренебрежет этой заботой? А что будет, если он не станет заботиться о своем здоровье или имуществе? Неужели судья издаст закон, чтобы спасти этого человека от бедности или болезни? Законы защищают от несправедливостей, совершаемых другими, но не от своих собственных. Сам Бог не спасет людей против их желания...

«Если судья прикажет мне принести мой товар в общественный склад, — я принесу его, так как он гарантирует меня от убытков, в случае ошибки и потери мною товара; но какое вознаграждение он может выдать за царствие небесное?

«Я не могу вручить руководство мною судье, потому что он знает не больше о пути на небо, чем я сам и меньше меня заинтересован в направлении меня по правильному пути».

Борьба за религиозную свободу велась бесконечно долго. Для создания свободного самоуправляющегося общества следовало одержать победу над укрепившимися силами религиозных установлений и различными церковными интересами. Для Джефферсона это была борьба между наукой и суевериями, между разумом и догматизмом. Он отдавал себе отчет, что укоренившиеся поверья умирают очень тяжело и что потребуются огромных усилий, чтобы пробить трещину, через которую проникнет свет разума. О компромиссе не могло быть и речи. В своих «Записках о Виргинии» Джефферсон снова коснулся со всей своей страстностью этой проблемы. Высказывания его до сих пор сохранили свою силу:

«Права совести мы никогда не подчиняли и не можем подчинить. Мы отвечаем за них перед Богом. Законная власть правительства распространяется только на акты, являющиеся предосудительными для других. Но я не наношу вреда моему соседу, утверждая, что существует двадцать богов или вообще нет бога. Это не протыкает моего кармана и я не ломаю себе ногу...

Подчините мнение принуждению: кого вы сделаете вашим инквизитором? Подверженных ошибкам людей; людей с плохими страстями, по причинам частного и общественного характера. И почему прибегать к принуждению? Для единомыслия. Но разве единомыслие желательно? Не больше внешнего сходства. Введите прокрустово ложе и сделайте всех людей одного размера, подрезав одних и растянув других, потому что всегда будет существовать опасность, что большие люди расправятся с маленькими...

Достижимо ли единообразие? Миллионы невинных мужчин, женщин и детей были сожжены, замучены, оштрафованы и брошены в тюрьмы после

появления христианства; а мы всё еще не приблизились даже на один дюйм к единообразию.

В чем выразился результат насилия? В том, что половина мира — дураки, а другая — состоит из лицемеров. Для поддержки мошенничества и заблуждений повсюду на земле...»

Таковы были некоторые из мыслей Джефферсона при составлении «Статута об установлении религиозной свободы». В июне 1779 года этот законопроект вместе с пересмотренным сводом законов был передан Джефферсоном и Уайтом законодательному собранию. Он ошеломил большинство депутатов и вызвал возмущение в олигархических кругах. Весь кодекс подвергся жестокой критике — «бесконечным уверткам, софистике, передержкам, оскорблениям и отсрочкам со стороны адвокатов и полу-адвокатов», как описывал эту процедуру Джефферсон, и это привело к тому, что кодекс временно поставили на полку.

Но Джефферсон со своими последователями, среди которых особенно отличался Джеймс Мадисон, никогда не ослабляли борьбы. Их сердца предчувствовали победу и они могли позволить себе быть терпеливыми. Дождаться им пришлось не долго. В течение шести лет весь кодекс был одобрен законодательным собранием. Эту заслугу благодарный Джефферсон приписывает главным образом «неутомимым усилиям» Мадисона.

Принятый с небольшими изменениями «Статут об установлении религиозной свободы», предусматривавший отделение церкви от государства, открыл новую эру свободы и терпимости в американской истории. Ввиду того, что Виргиния была самым заселенным и, вероятно, самым влиятельным штатом Союза, билль Джефферсона явился

своего рода образцом для остальной страны. Сам Джефферсон больше гордился этим биллем, чем всеми высокими постами, включая пост президента, которые ему привелось занимать.

«Мы — законодательное собрание Виргинии — постановляем, что нельзя заставить человека посещать или поддерживать какой-либо религиозный культ, место богослужений или священнослужителя; человек не подлежит также насилию, ограничениям, оскорблениям, какому-либо обложению или другим гонениям за свои религиозные убеждения или веру; все люди пользуются свободой исповедания и имеют право высказывать свои взгляды по религиозным вопросам и обстоятельство это ни в коей мере не может уменьшить, расширить или отразиться на их гражданских возможностях».

В задачи билля входила защита свободы совести всех граждан, независимо от расы или вероисповедания. Цель его, как объяснял Джефферсон, сводилась к тому, чтобы «поставить под его защиту, еврея и язычника, христианина и мусульманина, индуса и неверующего любого направления».

5

Джефферсону и его последователям потребовалось девять лет, чтобы превратить Виргинию в демократическое сообщество. Это была бескровная революция, тщательно продуманная и спокойно осуществленная молодым философом-плантатором, руководившим своими силами с холодным блеском, на редкость искусно и твердо. «Я рассматриваю 4 из этих биллей, принятых или поступивших на одобрение», вскользь замечает Джефферсон, «как единую систему, при помощи кото-

рой будут уничтожены старая или будущая аристократии; и будет заложена основа для истинно республиканского правительства».*

Начатый Джефферсоном процесс «выравнивания» нельзя было уже остановить и окончательным его результатом явилось то, что предвидел и запланировал Джефферсон: конец власти и раздел поместий аристократии.

* Отмена порядка наследования земли без права отчуждения предупредила «накопление и сохранение богатства». Упразднение первородства уничтожило феодальные различия, делавшие «одного члена каждой семьи богатым, а всех остальных — бедными». Установление религиозной свободы освободило бедный народ от налогов на поддержку «религии богатых». И, наконец, билль о всеобщем образовании помог бедным ознакомиться со своими правами и дал им возможность «принять разумное участие в самоуправлении», объяснял Джефферсон.

ГУБЕРНАТОР

(1779-1781)

Весною 1779 года, когда Джефферсон закончил пересмотр кодекса, освободинся пост губернатора Виргинии.

Сто тридцать плантаторов и фермеров-табаководов, входивших в состав легислатуры (законодательное собрание — прим. переводчика), выдвинули трех кандидатов. Одним из них был Джон Пэйдж, друг Джефферсона по студенческим дням в Вильямсбурге, другим — генерал Томас Нельсон, подписавший Декларацию независимости. Джон Адамс вспоминает о нем, как о «толстом человеке... живом и подвижном для своего веса». И, наконец, третьим кандидатом был Джефферсон, которому было 36 лет и который надеялся уйти на досуг от политики и воспользоваться этим для улучшения «своих философских познаний», постоянно его привлекавших.

Демократические силы видели в Джефферсоне естественного вождя в борьбе за политические свободы и социальные реформы. После Патрика Генри, автор Декларации независимости был наиболее видной фигурой в законодательном собрании Виргинии.

Джефферсон согласился стать кандидатом на пост губернатора больше из желанния доставить удовольствие своим сторонникам, нежели из жажды доходов и власти. Положение его было щекотливым, потому что он должен был быть со-

перником Пэйджа, друга своего отрочества, к которому относился, как к брату. «Мне стоило много здоровья», говорил он Пэйджу, «что в результате чрезмерного рвения наших друзей, мы оказались на положении соперников. Меня утешило, однако... что это было их соперничество, а не наше». Пэйдж любезно заверил своего друга, что переживает это так же, как и Джефферсон.

При первом голосовании Джефферсон вел с 55 голосами против 36 — за Пэйджа и 32 — за Нельсона. Во втором голосовании, когда Нельсон снял свою кандидатуру, Джефферсон получил явное, но незначительное большинство: 67 голосов против 61 за Пэйджа. Таким образом, он достиг первой крупной ступени в своей политической карьере.

2

В то время быть философу губернатором было не легко. Война с Великобританией — Американская революция — велась уже четвертый год и конца ей не было видно. До сих пор борьба велась на севере. Но Джефферсону не повезло и когда он стал губернатором произошли существенные перемены в международной обстановке и в британской стратегии. Франция Людовика XVI, заключившая союз с Соединенными Штатами в 1778 году, решила принять, наконец, активное участие в конфликте и обстоятельство это склонило чашу весов в пользу молодых американских штатов. Тогда британцы изменили свою тактику и перенесли войну на юг, который имел открытое побережье, незначительное число поселений и был поэтому очень уязвим для нападения. На долю сердца Юга — Виргинии пришелся главный натиск врага.

Виргиния не имела оборонительных сил. Для

защиты своего уязвимого и открытого побережья, Виргиния располагала флотом из четырех маленьких судов (на них имелось 60 пушек) и тремя вооруженными лодками. Нигде не имелось достаточно мощных укреплений для оказания сопротивления отважным британским фрегатам. Что касается военных сил, то они состояли из плохо вооруженной, необученной и недисциплинированной милиции. Короче говоря, военное положение штата губернатора Джефферсона было ниже всякой критики.

В экономическом отношении дела обстояли не на много лучше. Звонкой монеты в штате не было, а бумажные деньги изо дня в день теряли свою ценность.* Штат, административную машину которого нельзя было назвать образцом эффективности, прибегал с отчаяния к той же мере, к какой штаты прибегали с незапамятных времен: он вводил все новые и новые налоги. Но население было слишком бедным и дезорганизованным, чтобы платить эти налоги. Весною 1780 года из 60 графств меньше половины уплатили свои налоги, а девять не потрудились даже сообщить о причитающихся с них сборах. Расчеты, к тому же, делались очень неудовлетворительно. Армейские комиссары и занятые набором офицеры жили за счет «явных хищений».

Проблемы, стоявшие перед молодым губернатором истощенного войною штата и находившегося под угрозой нападения, были новы и не имели прецедентов. Мирлобивый, склонный к компромиссам, преданный порядку и конституционной процедуре, Джефферсон был психологи-

* Ценность денег настолько упала, что доктор получал за визит к больному 300 фунтов, кура стоила примерно 10 фунтов, а кварта коньяку — 24 фунта.

чески совершенно неподготовлен, чтобы справиться с жестокими реальностями войны. Казалось, что он не отдавал себе отчета в серьезности создавшегося положения. Когда легислатура предложила резкое сокращение расходов и уничтожение ряда военных учреждений в штате, губернатор не возражал и Виргиния оказалась менее защищенной, чем была когда-либо. Возможно, что закоренелый оптимизм Джефферсона внушал ему надежду, что Виргинии удастся избежать бедствий вражеского вторжения.

Губернатору следовало снабжать армию Вашингтона на Севере и войска Гэйтса — на Юге. Ему приходилось поддерживать контакт с многочисленными командующими на фронте — Стюбеном, Нельсоном, Грином, Мюленбергом, Лафайетом — потому что Виргиния была ведущим штатом. Ему нужно было заботиться о британских и немецких военнопленных. Ему необходимо было думать о сапогах и формах, о продовольствии и вооружении, — в ответ на обращения обеспокоенных генералов. (Генерал Вашингтон писал ему: «Чрезвычайно важно, чтобы были приняты все меры для снабжения войск одеждой, особенно сапогами, чулками и бельем»). И, наконец управляя огромной территорией, простиравшейся на Западе до Миссисипи, а на Севере — до Великих озер, губернатору приходилось защищать свой обширный штат от индейцев, которых подстрекали англичане.

Главной заботой губернатора были, однако, деньги и материальные ресурсы, которых у Виргинии не было. Несмотря на всю свою изобретательность, Джефферсону не удавалось найти подходящую замену деньгам. Конфискация продовольствия не допускалась конституцией и была фактически неосуществимой, принимая во вни-

манне бедность и изнуренность штата. Сам Джефферсон предоставил в распоряжение армии всех имевшихся в его поместье лошадей и отдал повозки. Примеру его последовали другие патристически настроенные фермеры. Это добровольное снабжение оказалось не только недостаточным, но нарушило также продуктивность отдельных ферм. Тем временем англичане наводнили Северную Каролину и угрожали раздавить всю страну, зажав ее в клещи. Все взоры и отчаянные призывы были обращены в сторону центральной расположенной Виргинии.

Обеспокоенный судьбою своего родного штата и обескураженный бедностью своих войск, генерал Вашингтон не меньше двух раз в месяц обращался с призывами о срочной помощи к своему собрату-виргинцу в Ричмонде, жалуясь и умоляя. Эти письма свидетельствуют об исключительно тяжелом положении главнокомандующего, которому приходилось бороться против пораженчества и полного отчаяния.

Тяжесть жалоб Вашингтона была направлена не против Джефферсона, а против всей американской системы ведения войны — с недостатком солдат и с недостатком продовольствия. Независимые граждане молодой демократии не подлежали призыву в войска и их нельзя было силою облачить в военную форму, подобно пруссакам и гессенцам. Мелких американских землевладельцев приходилось соблазнять и привлекать всякого рода премиями и тогда они соглашались подписать договор о военной службе, по обычку — на короткое время. После окончания срока, а часто и раньше, они все бросали и возвращались домой. Эти «дезертиры» (некоторые из них были действительно настоящими дезертирами) приводили в бешенство генерала Вашингтона.

Генерал Вашингтон продолжал настаивать на призыве на полугодовой срок. Если бы ему удалось обеспечить себе армию на срок больше года, он смог бы выработать план кампании и добиться, может быть, победы. Но стоило ли это делать, если солдаты его таяли, подобно снегу на солнце? «Призывы на короткий срок», жаловался он в своих письмах Джефферсону, «доставили нам столько разочарований, обошлись нам так дорого и явились такой опасностью для наших свобод, что приводят меня в настоящий ужас».

Положение губернатора было не на много лучше генерала и Джефферсон мог выразить Вашингтону лишь свои симпатии.

3

Губернатору не хватало не только денег. У штата не было войск для наземной защиты, не было крепостей в широких устьях рек и не было вооруженных судов для защиты растянутого на сотни миль побережья. На каждые пять милиционеров приходилось по одному ружью, а на каждого милиционера приходилось по квадратной миле территории; не хватало пороха и совершенно не было патронташей. Если бы враг ворвался в Виргинию, — он не встретил бы никакого сопротивления.

И враг пришел. 30 декабря 1780 года вражеский флот в составе 27 кораблей был замечен у входа в Чесапикский залив, у мысов Виргинии. Находившийся в Ричмонде губернатор Джефферсон был немедленно осведомлен об этом событии. Он послал вниз по реке генерала Нельсона с приказом «призвать милицию в этом районе».

В Ричмонде никто не имел представления о происхождении или цели находившегося у мысов вражеского флота, так как в распоряжении губернатора не было фактически никаких органов разведки. Джефферсону потребовалось три дня, чтобы выяснить, что неприятельский флот поднимается по реке Джемс, что на нем находится несколько сот вооруженных британских солдат и что флотом командует американский изменник — генерал Бенедикт Арнольд. Встревоженный Джефферсон приказал милиции занять позиции и долго совещался с командующим войсками в Виргинии генералом Стюбеном. Легислатура разошлась по домам. Губернатору приходилось одному воевать с англичанами.

Когда Бенедикт Арнольд приблизился к Ричмонду, Джефферсону стало ясно, что целью врага был захват столицы штата. Ричмонд не имел укреплений. Джефферсон поспешно приказал эвакуацию всех общественных учреждений. Работа продолжалась всю ночь напролет. В 1 час ночи на 6 января губернатор покинул столицу и поспешил к находившимся в Тукахое, своей жене и маленьким детям, чтобы доставить их в безопасное место. Он отвез их на 8 миль вверх по реке, оставил у друзей, а сам вернулся в Манчестер, расположенный против Ричмонда на другом берегу реки. Он ехал верхом 36 часов и его изнуренная лошадь упала на виду у побежденной столицы. Джефферсон перебросил седло на спину и добрался до фермерской усадьбы, где ему удалось получить пистолет. Когда он попал в Манчестер, он увидел, что находившийся на другом берегу реки Ричмонд находился уже в руках англичан. Наблюдая, он заметил пожары в столице. Арнольд и его солдаты сжигали общественные здания и склады продовольствия и таба-

ка. Затем они ушли той же дорогой, какой и пришли.

Через два дня после набега, Джефферсон вернулся в Ричмонд и принялся подсчитывать убытки. Потери оказались не такими тяжелыми, как удар по репутации губернатора и по всему престижу штата.

Экспедицией Арнольда были сожжены только девять зданий, но оказалось достаточно дыма, чтобы очернить репутацию губернатора.

4

Последующие месяцы были самыми мрачными в американской истории. В железной хватке англичан очутилось все морское побережье и казалось, что им удастся постепенно покончить с американскими защитниками. Когда британский командующий — лорд Корнуаллис — вторгся весной 1781 года в Виргинию, весь штат казался потерянным. Повсюду царило отчаяние. Даже Джефферсон, обычно сохранявший спокойствие, потерял веру и обратился с призывом к генералу Вашингтону спасти свой родной штат.

По соображениям стратегического порядка, генерал Вашингтон не мог покинуть Севера. Лорд Корнуаллис проник далеко на запад Виргинии до реки Анны (Риванны), примерно в 50 милях от поместья Джефферсона.

Джефферсон и легислатура бежали в Шарлоттсвилль. Корнуаллис решил попытаться захватить в плен губернатора и легислатуру. Он поручил одному из своих офицеров «леопарду-охотнику» полковнику Тарлетону быстро ринуться с отрядом кавалерии на Шарлоттсвилль, чтобы захватить виргинских законодателей и оттуда направ-

виться в находившееся рядом Монтиселло и взять в плен губернатора.

Тарлетон со своим отрядом добрался до крошечного городка Луиза,* расположенного примерно в 45 милях от Шарлоттсвилля, а американцам все еще не была ясна цель вражеской операции. По счастью нашелся один находчивый американец — капитан Джон Джуэтт. Остановившись на ночь в таверне «Кукку» в Луизе, он выглянул в окно и увидел скакавшую в западном направлении неприятельскую кавалерию. Между Луизой и Голубыми горами находился только один значительный город — Шарлоттсвилль. От капитана Джуэтта не требовалось поэтому большой сообразительности, чтобы догадаться, куда направлялись англичане. Капитан немедленно вскочил на свою лошадь и поскакал в Монтиселло, чтобы предупредить губернатора. Его «Принц Чарли» считалась «лучшей и самой быстрой лошадью в семи графствах». Джуэтт, на котором был красный плащ и шляпа с пером, гнался за Тарлетоном по горным тропинкам, знакомым только немногим уроженцам Виргинии. В 4.30 часов утра, проскакав 5 с половиной часов по дикой горной местности, Джуэтт достиг Монтиселло.

Разбуженный стуком копыт, Джефферсон вышел из дому, чтобы посмотреть, что происходит. Офицер подъехал к лестнице, соскочил с коня и сообщил свою новость его превосходительству. Джефферсон пригласил Джуэтта в дом, угостил бокалом лучшей мадейры и послал его вниз по дороге к Шарлоттсвиллю, чтобы разбудить законодателей, которые спали в таверне «Лебедь». Губернатор поднял свою семью и гостей,

* Население Луизы в 1950 году составляло всего 344 человека.

среди которых были спикеры обеих законодательных палат и несколько членов легислатуры. Они спокойно позавтракали и поехали в Шарлоттсвилль, где на кворуме было решено отправиться в Стаунтон, расположенный в 35 милях к западу. Джефферсон отправил свою больную жену и детей в коляске вниз с горы, а сам остался в Монтиселло, чтобы собрать бумаги и привести все в порядок. Его любимая лошадь, оседланная и заново подкованная, стояла в намеченном месте на дороге.

За несколько миль до Шарлоттсвиля, полковник Тарлетон выделил маленький отряд под командованием капитана МакЛида и послал его в Монтиселло, чтобы схватить Джефферсона и использовать поместье губернатора в качестве наблюдательного пункта. Из Монтиселло открывался вид на 12 графств. Пока Джефферсон паковал бумаги, а слуги его сносили в подвал ценные вещи, приехал верховой с новостью о приближении англичан. Губернатор тотчас же отправился к месту, где находилась его лошадь. Перед тем, как сесть на нее, Джефферсон посмотрел в телескоп на Шарлоттсвилль. Город казался спокойным и губернатор, избегавший излишней спешки, решил, что сообщение о британской оккупации было преувеличено. Он пошел по направлению к дому, но по дороге взглянул еще раз в телескоп, и на этот раз увидел, что улицы Шарлоттсвиля были заполнены английскими драгунами. Он повернул обратно и сел на лошадь.

Пять минут спустя солдаты МакЛида окружили Монтиселло. Они овладели поместьем, но вели себя очень корректно. Тарлетон дал Мак-Лиду «строгий приказ... следить за тем, чтобы никто и ничего не пострадало». В Монтиселло они пробыли 18 часов и затем покинули поместье, в ко-

тором, согласно Джефферсону, «все осталось нетронутым». Они точно так же вели себя и в Шарлоттсвиле, где полковнику Тарлетону удалось захватить семь членов легислатуры. «Но жителям города», рассказывает Джефферсон, Тарлетон «причинил мало вреда».

5

Утомленные бегством и обеспокоенные за будущее, члены легислатуры усердно искали козла отпущения и нашли его. Кто был виноват во всех этих бедствиях? Губернатор. Кто был ответствен за незащитность штата? Глава штата. В момент кризиса штат нуждался, как утверждало значительное число законодателей, в диктаторе, а не в демократе.

События показали, доказывали эти люди, что демократическое правительство не годится для военного времени, а, может быть, не годится вообще. Они настаивали на приостановлении действия конституции и передаче всей полноты власти одному человеку (по возможности Патрику Генри или какому-нибудь генералу). Предложение это было совершенно неприемлемо для Джефферсона. Если правительство оказалось ничемным во время кризиса, то, следовательно, оно никуда не годится. Для проверки его работоспособности нужны были именно чрезвычайные обстоятельства. «Партия за диктатора» твердо решила покончить с правительством, доказав, что оно не работоспособно. Тогда его место займет диктатор и «спасет» штат.

Друзья и сторонники Джефферсона объединились в легислатуре, чтобы дать его противникам решительный бой. Голосование о диктаторе носило секретный характер и едва не собрало боль-

шинства голосов. «Всего несколькими голосами» победа досталась демократии.

«Диктаторская партия» не сложила оружия. 12 июня 1781 года, когда срок пребывания Джефферсона на посту губернатора подходил к концу, молодой член легислатуры — Джордж Николас — произнес свою первую речь и потребовал официального расследования деятельности Джефферсона. Друзья Джефферсона не имели возможности протестовать против этого предложения из опасения быть обвиненными в боязни смотреть правде в глаза. И легислатура единогласно постановила, что «на следующей сессии будет произведено расследование деятельности губернатора штата за последние двенадцать месяцев».

Несмотря на то, что легислатура не могла поступить иначе, Джефферсон отдавал себе отчет, что постановление это было, тем не менее, не имевшим прецедента оскорблением. Он занял свою должность с одобрения народа, а теперь, два года спустя, покидал ее при сгустившихся над ним тучах. В тяжелом состоянии Джефферсон вернулся домой и предложил Джорджу Николасу, который был его соседом и позднее преданным другом, передать ему список тех обвинений, которые будут выставлены против него осенью, чтобы иметь возможность подготовиться к защите. Николас согласился и Джефферсон ответил на каждый содержащийся в обвинениях пункт. А обвинения эти касались, главным образом, нападения на Виргинию Арнольда и Корнуаллиса и поведения в то время Джефферсона.

6

Когда наступила осень, соседи Джефферсона в графстве Албсмарл единогласно выбрали его в легислатуру, чтобы дать ему возможность защищать себя в качестве официального лица. Сам он поклялся подать в отставку и навсегда оставить политику, как только ему удастся себя реабилитировать.

После своего приезда в Ричмонд, Джефферсон к своему удивлению заметил, что легислатура была не только примирительно, но дружественно настроена. В знак особого почета, а, может быть, по причине нечистой совести, легислатура назначила Джефферсона членом важных комиссий и избрала его членом Конгресса в Филадельфии. От почести этой Джефферсон отказался. Тем временем, комиссия из пяти человек занялась рассмотрением обвинений Николаса и ответов Джефферсона.

К середине декабря доклад комиссии был закончен. Джефферсон поднялся со своего места и спокойно заметил, что готов ответить на все обвинения. Он огласил те же ответы, которые в свое время передал Джорджу Николасу. Никто из присутствовавших не задал вопросов и не последовало никаких возражений. Затем председатель комиссии пяти полковник Джон Банистер передал свой доклад законодательной палате. Заключение доклада были ясны и заострены: «никакой информации и доказательств по существу обвинения передано не было, за исключением некоторых слухов», при чем «слухи эти были лишены всякого основания». Вслед за этим законодательное собрание единогласно одобрило резолюцию с выражением благодарности бывшему губерна-

тору за его стойкое поведение и тем самым реабилитировало Джефферсона:

«Постановило: что законодательное собрание должно выразить искреннюю благодарность нашему бывшему губернатору Томасу Джефферсону за беспартийную, стойкую и добросовестную администрацию во время своего пребывания на посту... собрание считает поэтому необходимым подчеркнуть и провозгласить свою веру в способности, прямоту и честность Т. Джефферсона на посту высшего чиновника и тем самым публично признать несостоятельность будущих и имевших уже место незаслуженных обвинений».

Друзья и сторонники Джефферсона в легислатуре и во всем штате отпраздновали его реабилитацию. Избиратели и соседи в графстве Албемарл устроили ему по возвращении торжественный прием. Толстокожий политикан считал бы этот инцидент неприятным, но преходящим событием, на котором не стоило бы долго задумываться, раз он благополучно закончился. Политик-интриган составил бы себе на вынесенной легислатурой реабилитации целый капитал. Джефферсон не был таким человеком. «Для меня», сказал он однажды Франсису Хопкинсону, «небольшое обвинение, даже необоснованное, хуже, чем удовольствие от похвалы». Он не мог забыть, что ему пришлось стоять обвиненным перед депутатами, а был он, на самом деле, человеком честнейшим и с наилучшими намерениями. Никогда больше, говорил Джефферсон своим друзьям с горечью в голосе, он не вернется к общественной жизни. Это был очень тяжелый период в жизни Джефферсона, когда его покинул врожденный оптимизм.

В дурном настроении он оставался больше го-

да. Это стало раздражать его друзей, даже такого преданного, каким был Джемс Мадисон. Подобного рода мелочность, приемлемая, правда, при некоторых обстоятельствах, была, по их мнению, недостойна человека, калибра Джефферсона.

Один из учеников Джефферсона, 23-летний Джемс Монро уведомил бывшего губернатора, что общественное мнение осуждает его за эгоистичное поведение, выразившееся в отказе от участия в общественной жизни. В длинном ответе, Джефферсон признал, что после стольких жертвенных лет общественной службы, расследование законодательством его поведения явилось для него ужасным ударом. Только смерть может залечить рану, нанесенную его духу:

«Я мог бы успокоиться на том, что осуждение исходило от имеющих добрые намерения, но плохо осведомленных лиц, но поведение их избранных явилось для меня шоком, которого я не предвидел... Меня заподозрили... в глазах всего мира, без малейшего на то намека... и это обстоятельство не удержало их от предположения, что меня осуждают за измену сердца, а не только за слабость рассудка; и я почувствовал, что эти оскорбления... нанесли рану моему духу, которая может быть вылечена только всенселяющей могилой».

ФИЛОСОФ

(1781-1783)

Когда Джефферсону было 38 лет он был уверен, что никогда больше не соблазнится общественной деятельностью. Политика казалась ему мало привлекательной. Он не находил в ней ничего созидательного.

Джефферсон полагал, что родина не нуждается больше в его услугах, особенно после того, как военное положение определенно повернулось в пользу Америки. Летом 1781 года, почти одновременно с отставкой Джефферсона, французский флот появился у берегов Америки и стал пробивать британскую блокаду. В сентябре 1781 года французский адмирал де Грасс разбил британский флот у Чесапика. Шесть недель спустя пришло сенсационное сообщение о сдаче лорда Корнуоллиса со всей своей армией генералу Вашингтону у Йорктауна. Британскому владычеству был положен конец и обеспечена независимость Америки.

Джефферсон чувствовал, что теперь он может посвятить себя жизни, о которой постоянно мечтал, т. е. жизни образованного помещика, который был бы одновременно и ученым, и крупным фермером, и философом.

Его дом, Монтиселло, куполообразный и построенный в итальянском стиле, стоял на вершине холма в гордом одиночестве, посреди кустов

и цветов и имел окна, смотревшие во все стороны света. Они пропускали каждый ветерок, дувший с покрытых дымкою Голубых гор и с темно-зеленых окружавших дом холмов. Дом был не только светлым и наполненным свежим воздухом, но исключительно просторным и на редкость комфортабельным. «Мистер Джефферсон», заметил посетивший бывшего губернатора французский аристократ, «является первым американцем, использовавшим изобразительные искусства для укрытия себя от погоды». Этот гость, маркиз де Шастеллюкс, провел весной 1782 года четыре чудесных дня в Монтиселло. Наблюдательный француз был поражен умом и гостеприимством своего американского хозяина:

«Представьте себе мужчину, которому нет еще сорока лет, высокого, с мягким и приятным выражением лица, ум и понимание которого с легкостью возмещают отсутствие внешней привлекательности. Американец, который, не покидая своей страны, превратился одновременно в музыканта, умелого художника, геометра, астронома, философа, законодателя, и государственного деятеля... Мягкая и прелестная жена, очаровательные дети, о воспитании которых он сам заботится...

Сперва он показался мне серьезным и даже холодным человеком; но по истечении двух часов мы были уж так близки, как будто провели всю жизнь вместе; прогулки, книги, но важнее всего — беседа, всегда разнообразная и интересная».

Примерно в то же время, другой француз — маркиз де Барбэ-Марбуа, секретарь французской дипломатической миссии в Филадельфии, обратился к Джефферсону с просьбой снабдить его данными о штате Виргиния. Французское правительство стремилось ознакомиться со своим американским союзником, и дипломатическая миссия

в Филадельфии обратилась с просьбой о материале ко многим штатам. Виргиния очень охотно выполнила это ходатайство.

Собрать и рассортировать информацию о своем родном штате, — пришлось особенно по вкусу Джефферсону. Его записные книжки были заполнены наблюдениями об явлениях природы, а ум его представлял неиссякаемый кладезь знаний. Ему ничего не оставалось, как занести все это на бумагу. Но он сделал больше: он не представил свой доклад в виде перечисления сухих фактов, а в виде законченного литературного произведения. В течение месяцев он работал над своими «Записками о Виргинии». И представляли они ряд прекрасно написанных этюдов на самые разнообразные темы, начиная от палеонтологии и истории, зоологии и богословия, антропологии и экономики и, кончая географией и ботаникой. Он не пользовался при этом никакими книжными источниками, а только своими собственными наблюдениями и памятью.

Два года «Записки о Виргинии» пролежали в виде манускрипта, пока Джефферсон не попал в Париж. Там он заказал 200 копий и заплатил за них 1.254 франка. Копии эти были розданы старательно подобранным друзьям, с настойчивой просьбой обращаться с ними строго конфиденциально.

2

Уединившемуся в Монтиселло философу не суждено было насладиться своим одиночеством. У его хрупкой и красивой жены Марты родилось за десять лет пятеро детей. Трое из них умерли. В мае 1782 года, в возрасте 33 с половиной лет, нежная и болезненная Марта родила шестого ре-

бенка.* Эти роды окончательно подорвали здоровье Марты и она серьезно заболела. А была эта женщина все для Джефферсона и он не мог представить своей жизни без нее. Четыре месяца муж безотлучно провел у подножья кровати жены, нежно ухаживая за больной.

Управляющий плантацией Джефферсона Эдуард Бэкон утверждает, что умиравшая Марта добилась от мужа обещания, что дети ее никогда не получат мачехи. «Мистер Джефферсон, сообщает Бэкон, дал ей торжественное обещание не жениться вторично». Принимая во внимание страстную и безоблачную любовь супругов, — история эта вполне правдоподобна.

«Состоянию страшной неизвестности», как пишет Джефферсон, в сентябре пришел конец. Марта умирала на его глазах и он потерял сознание. Джефферсона привели в чувство и сестра его, г-жа Карр, вывела его из комнаты. Несколько моментов спустя Марта скончалась. Четыре месяца она умирала на руках Джефферсона, но он оказался совершенно неподготовленным к этому удару. С ним снова приключился обморок, который продолжался мучительно долго. Три недели он не покидал своей комнаты, молчал и горю его не было предслов. День и ночь он шагал взад и вперед по комнате, в полном одиночестве со своими безумными мыслями и, казалось, потерял рассудок. Когда, наконец, он вышел, то сел на лошадь и поскакал в горы. Он бесцельно взбирался по уединенным горным тропинкам, — этот одинокий человек, оплакивавший свою возлюбленную. И прогулки эти повторялись изо дня в день. Изредка Джефферсона сопровождала его 10-летняя дочь и была молчаливым свидетелем

* Спустя два года этот ребенок (девочка) скончался.

«многочисленных приступов горя». В течение полугода он был один со своею скорбью, избегал людей и ни с кем не поддерживал переписки.

Постепенно скорбь стала утихать и Джефферсон взял себя в руки. Отец трех девочек-сирот, — он не имел права довести себя до сумасшествия. Старшей дочке Марте было десять лет, Мэри — четыре года, Луси — была младенцем. Все они нуждались в заботе. Джефферсон взял детей в Амтхилл — резиденцию Арчибальда Кэри, и привил им там оспу. Он исполнял роль «главной сестры милосердия» при детях.

Джефферсон остался в Амтхилле, не зная, что с собою делать. Смерть Марты нарушила его планы — удалиться от дел. Монтиселло было для него слишком тесно связано с десятью годами «безоблачного счастья» и он не мог себе представить жизнь там без Марты. Решение о судьбе Джефферсона было принято его друзьями, которых никогда не покидала надежда, что он снова вернется к политической деятельности, где ему, по их мнению, было место.

Конгресс в Филадельфии готовился в тот момент к миру с Англией. Это дало идею друзьям Джефферсона. Кто-то в Конгрессе, возможно, что это был Джеймс Мадисон, внес предложение о назначении Джефферсона полномочным министром для ведения переговоров о мире. Это предложение было единогласно одобрено. Новость об этом назначении дошла до Джефферсона в ноябре и, к удовольствию своих друзей, он не отклонил эту миссию.

Джефферсон попрощался со своими младшими дочерьми, которых оставил у тетки — Франсис Еппес, а старшую дочь Марту взял с собою

в Филадельфию. Там он определил ее в частную школу. В Европу он должен был отплыть из Балтимора на французском фрегате «Ромул», но Джефферсона продолжали преследовать неудачи. «Ромул» был затерт во льдах и отплытие фрегата было отложено на неопределенный срок. Кончился старый год и начался новый, а корабль все еще не мог сдвинуться с места.

В конце января 1783 года в Филадельфии было получено известие, что «Ромул» может освободиться от ледяного зажима и пуститься в плавание из Балтимора. Джефферсон со своим секретарем — майором Франкс — поспешили на юг, чтобы поймать судно. Это было ужасное путешествие, продолжавшееся пять дней. Обслуживание паромов различных рукавов Чесапик никуда не годилось. Двум путешественникам приходилось дожидаться в грязных постоянных дворах, чтобы получить возможность переправиться через ледяные воды.

Но «Ромул» не отплыл. Капитан его, кавалер де Вилльбрэн, был уведомлен, что небольшой британский флот в составе семи кораблей (268 орудий) устроил засаду у мысов Чесапик, чтобы перехватить французское судно с американским посланцем. С присущей ему скромностью, Джефферсон удивился использованию англичанами «столь значительной силы для незначительного объекта», каким он считал себя самого.

Сам он, однако, попал в неловкое положение. Он не мог вернуться с чувством исполненного долга в Филадельфию или с честью отказаться от своей миссии. Подобно фрегату «Ромул», полномочный представитель оказался в ловушке — посланник, который не может добраться до своего поста, отец, который не может вернуться к своей семье.

Пока Джефферсон томился, не зная, что предпринять, из Европы пришло известие о подписании договора о мире. Тогда Джефферсон решил вернуться в Филадельфию. В середине марта было получено сообщение с подтверждением о мирном договоре и Джефферсон предложил Конгрессу освободить его от возложенной миссии. В конце концов решено было уведомить «достопочтенного Томаса Джефферсона... что Конгресс считает для него излишним продолжать свое путешествие, принимая во внимание успехи, достигнутые в области возложенной на него миссии».

За перенесенные в течение трех месяцев беспокойства и неприятности, Джефферсону была выражена любезная благодарность. Конгресс поблагодарил Джефферсона за «готовность... принять на себя поручение». В мрачном и нелюдимом настроении Джефферсон вернулся в Монтиселло. Произошло это тогда, когда ему исполнилось сорок лет. Впервые за все время, — жизнь ему казалась бесцельной.

Со временем он стал возвращаться к своим нормальным занятиям. Как только стало известно, что Джефферсон свободен, легислатура Виргинии избрала его своим делегатом в Конгресс, в котором он должен был занять место в ноябре.

Конгресс заседал в Аннаполисе и в середине декабря Джефферсон приехал туда. Работал он без шума, с удвоенной энергией, принимал участие в каждом важном комитете, составлял доклады и пытался сглаживать несогласия. Его мастерство находить успокаивающее слово было удивительным; его примирительный тон не имел себе подобных. Тихий делегат от Монтиселло считался наиболее влиятельным членом Конгресса.

Шесть месяцев спустя он возглавлял уже

наиболее важные комиссии и составлял проекты государственных документов. Некоторые из этих документов превратились в краеугольные камни Американской республики. В числе их имелось классическое предложение о создании единой долларовой единицы и нынешней монетной системы Соединенных Штатов.

ПОСОЛ
(1784-1787)

В мае 1784 года Конгресс снова назначил Джефферсона на иностранный пост. Он был сделан полномочным министром и ему были преподаны инструкции — в сотрудничестве с Джоном Адамсом и Венъямином Франклиным — вести переговоры о заключении торговых договоров с европейскими государствами.

Джефферсон направился в Филадельфию за своею дочерью Мартой и оттуда вместе с ней поехал на север в поисках уходящего в Европу корабля. Им потребовалось 18 досужих июньских дней, чтобы покрыть расстояние между Нью Йорком и Бостоном.

5 июля они отплыли на корабле «Серес». Переход оказался быстрым и приятным. Вышедший из Бостона корабль через 19 дней пришел в британский порт Каус. Дочка Джефферсона описала это путешествие в письме к своим друзьям в Филадельфии: «Мы совершили чудесный морской переход на красивом новом корабле, который до этого совершил только одно плавание. На нем было всего шесть пассажиров, папа их всех знал, и всю дорогу светило солнце, а море своим спокойствием напоминало реку».

2

Когда американцы стали переезжать Атлантический океан, — Париж приводил их постоянно в восторг. Джефферсон не представлял исключения. Он никогда не видел города больше Филадельфии с ее населением в 25.000 человек, а теперь очутился в крупнейшей столице христианского мира. Париж произвел огромное впечатление на восприимчивого плантатора из Виргинии.

Французская столица имела возможность удовлетворить вкусы и привычки человека, подобного Джефферсону, хотя он никогда не научился любить забитых народом улиц или близость многочисленного пролетариата. Париж, со своими пастелевого цвета облаками, красивыми бульварами, мостами и парками, дворцами и набережными, являлся сном художника и раем джентльмена. Население города составляло примерно 600.000 человек. Некоторые были жирны, как свиньи, а другие, много других, жили в ужасных условиях и умирали с голоду. Около одной пятой населения не имело работы. Угрюмые и голодные лица этих людей были видны повсюду, на 1.300 улицах города. А над этими беспокойными массами бедняков, которые должны были вскоре привести к революции, находился пласт исключительного рафинирования, необыкновенной роскоши и изысканных манер. Люди с образованием и вкусом часто встречались, говорили на очень высокие темы и читали серьезные книги. Сходились также светские мужчины и женщины, сплетничали, флиртовали и совращали друг друга. Джефферсон внезапно очутился в волнующем и соблазняющем мире.

Его первым шагом в Париже явился визит к Венъямину Франклину, жившему в Пасси. Затем

он снял квартиру. Нашел он ее на нынешней улице Тэтбу, около теперешнего бульвара Осман. Позднее он переехал в дом на углу Елисейских Полей и улицы Нев де Берри, где прожил до конца своего пребывания в Париже.

Джефферсон определил Марту в аристократический монастырь — королевское аббатство Пантемон — «наилучшую и самую аристократическую школу Парижа». Эта школа была рекомендована Джефферсону «аристократической подругой» Лафайета.

Молодой французский герой Американской революции был одним из наиболее лояльных сторонников Джефферсона. Лафайет фактически дал возможность своему американскому другу ознакомиться с французским обществом. Любой человек, рекомендованный и принятый маркизом де Лафайетом, который сам был связан с наиболее аристократическими французскими семьями, мог быть уверен, что все двери для него в Париже будут открыты. Благодаря Лафайету Джефферсон познакомился со значительным числом представителей высшего общества и дом Джефферсона на Елисейских Полях превратился в место встречи утонченных мужчин и женщин. Он сам регулярно обедал вне дома и посещал лучшие салоны столицы.

Жизнь в Париже очень нравилась Джефферсону, но он страдал от климата. Его худоба при высоком росте была плохой защитой против парижских дождей. Джефферсон чувствовал себя превосходно в родной Виргинии, отличавшейся сухим климатом, а парижская сырость немедленно отразилась на его здоровье. Большую часть

первой зимы он провел взаперти и чувствовал себя отвратительно.

Весною он оправился и возобновил свой обычный образ жизни: вставал рано и ежедневно совершал прогулку верхом или пешком, покрывая несколько миль. Было ему тогда 42 года и он мог ежедневно, во время своих прогулок пешком, покрывать 7 или 8 миль. Однажды он поскользнулся, упал и сломал правое запястье. Оно плохо срослось и гибкость правой руки никогда не была восстановлена полностью. Джефферсон научился очень хорошо писать левой рукой. Много лет спустя, когда он был пожилым человеком, с Джефферсоном произошел опять несчастный случай: он снова упал и сломал левое запястье. Писать после этого превратилось для него в настоящее мучение.

По утрам он читал, занимался и писал. В 1 час дня он отправлялся на прогулку. В послеобеденные часы он часто бродил по парижским улицам, заходил в лавки и останавливался у ларьков. Это времяпрепровождение доставляло ему большое удовольствие.

То время было отмечено прогрессом и новыми изобретениями. Джефферсон, подобно изобретательному доктору Франклину, полагал, что наступит время, когда человек сможет летать на машинах и уподобится птицам. Но больше всего Джефферсона интересовали книги. Он ходил по книжным лавкам, копался на полках, отыскивал редкие и страшные книги и превратился в яростного библиофила.

3

Официальные обязанности Джефферсона не были тяжелы, хотя временами они были утомительными. Он был только полномочным представителем, миссия которого сводилась к подготовке торговых договоров. Пост посла занимал Веньямин Франклин, — человек, пользовавшийся огромной популярностью и славившийся своим умом. Весною 1785 года Франклин, подал в отставку и преемником его был назначен Джефферсон. Как раз тогда стало известно острое словечко Джефферсона, убедившее французов, что он достоин занять место, которое столь долго принадлежало Франклину. Когда французский министр иностранных дел граф де Верженн спросил Джефферсона — «вам поручено заменить господина Франклина?», — тот ответил: «Никто не может его заменить, сэр: я только его преемник».

4

Во Франции Джефферсон ознакомился со всеми недостатками плохого управления и вытекающими из неравенства бедствиями. То, что он увидел в Европе, еще больше убедило его в правильности его взгляда, подтвержденного впоследствии историей, что будущее принадлежит Америке. В письме к Монро, Джефферсон писал:

«Я искренно хотел бы, чтобы вы нашли возможным приехать сюда. Удовольствие от путешествия будет меньше того, которое вы ожидаете, но польза значительно больше. Это заставит вас обожать свою страну, ее землю, ее климат, ее равенство, свободу, законы, народ и привычки. Боже мой! как мало моих соотечественников отдают себе отчет в

тех благ, которыми они располагают и которых не имеет ни один народ на земле. Должен сознаться, что я сам не имел об этом ни малейшего представления. В то время, как мы видим много европейцев, приезжающих на жительство в Америку, я берусь утверждать, что никому из живущих ныне людей не удастся увидеть американца который решился бы переселиться в Европу и остаться там навсегда».

Во время своих длинных и частых поездок по Франции, Джефферсон останавливался и беседовал с крестьянами и землепашцами и слышал горестные рассказы, наполнявшие скорбью его сердце. Однажды он поехал в Фонтенебло и по дороге встретил жену рабочего, которая подробно рассказала ему о своем ужасном существовании. Из этого разговора он составил себе представление о бедственном положении в дореволюционной Франции. В письме к священнику Джемсу Мадисону, Джефферсон писал:

«Это... вызвало у меня размышления о неравном разделе имущества, который приводит к бесчисленным несправедливостям, наблюдавшимся мною в этой стране и... повсюду в Европе. Собственность в этой стране находится в руках немногих людей... Они пользуются цветом этой страны в качестве своих слуг (некоторые... имеют до 200 человек прислуги)... наиболее многочисленным из всех классов является класс бедняков... они не могут найти работу. Я неоднократно задавал себе вопрос, почему стольким людям, желающим работать, приходится нищенствовать, когда в стране имеется такое количество необработанной земли..? Я убежден, что равное распределение имущества неосуществимо. Но последствия этого огромного неравенства вызывают такую нищету среди человечества, что законодатели не имеют возможности найти много средств для борьбы с этой бедностью... Земля принадлежит человеку для обработки и жизни на ней... И настал

момент, когда необходимо добиться, чтобы как можно меньше людей находились хотя бы без небольшого участка земли. Небольшие землевладельцы являются самой ценной частью государства».

Прекрасная прославленная Франция, ядро европейской цивилизации, не произвела впечатления на «дикаря с американских гор», как иронически называл себя Джефферсон. Он сравнивал Европу с Америкой и эти сравнения были обычно не в пользу Европы. Если бы ему предложили высказать свои возражения в одной короткой фразе, он бы наверно ответил: Нищета внизу и злоупотребления наверху. «Европа», по мнению Джефферсона, «была адом».

Он считал неприемлемой всю социальную и политическую систему, на основе которой было построено европейское общество. Кастовый и пораженный нищетою мир, хотя и принял его с уважением и гостеприимством, был не для Джефферсона и еще менее для его соотечественников по другую сторону Атлантического океана! Через год после приезда во Францию, в письме на имя своего итальянского друга Беллини, Джефферсон суммировал свои впечатления:

«Я нахожу здесь судьбу человечества весьма плачевной. Правильность заявления Вольтера, что каждый человек здесь должен быть молотом или наковальней, — подтверждается на каждом шагу».

Неужели в Европе не было ничего хорошего? Конечно, кое-что было. Джефферсон охотно признавал, что земляника, вишни, сливы, крыжовник и груши Франции были лучше американских. Виноград был тоже лучшего качества. Были лучше также манеры французов, их искусство и их архитектура. Джефферсон завидовал трезвости

французов, вспоминая о распространении пьянства в его собственной стране. Он завидовал и европейскому искусству, особенно музыке, которой постоянно поклонялся.

Он надеялся, что американцы не поедут в Европу, чтобы жить там и учиться. «Приезжающий в Европу, чтобы учиться, американец, писал он, теряет свои знания, свою мораль, свое здоровье, свои привычки и свое счастье».

5

В марте 1786 года Джефферсону представился случай посетить Англию и укрепить свои впечатления об европейской цивилизации. Джон Адамс пригласил его в Лондон, чтобы помочь вести переговоры о договоре с приехавшим министром из Триполи. Джефферсон провел в Англии семь недель и вместе с послом Адамсом был официально представлен ко двору короля Георга Третьего. Визит этот оказался мало приятным. Его величество чувствовал вполне понятную неприязнь к «мягежникам» и, возможно, что прочел даже Декларацию независимости, в которой его безжалостно называли тираном. Когда ему были представлены оба американца, его величество быстро от них отвернулся. Оскорбление это относилось в большей мере к Джефферсону, чем к Адамсу. Автор Декларации независимости тотчас же понял, что не является желанным гостем в Англии. «Было невозможно», рассказывает он с чувством горечи, «быть менее вежливым, чем оказалось их (короля и королевы) поведение по отношению к мистеру Адамсу и ко мне. Я тотчас же заметил, что от ограниченного ума этого упрямого существа ничего нельзя было ожидать по отношению к моей персоне».

Некоторые из британских министров последовали примеру своего монарха и тоже очень грубо обошлись с Джефферсоном. Решив, что не стоит тратить времени на ухаживание за политиками, Джефферсон посвятил много времени осмотру достопримечательностей Лондона и его окрестностей. За исключением садов и машин, земля его предков не произвела на него большого впечатления.

6

Вскоре после возвращения из Англии, Джефферсон влюбился. Роман этот оказался коротким и неудачным. Мария Цецилия Косуэй была художницей-миниатюристкой. Ее муж — Ричард Косуэй был тоже миниатюристом. Они были англичанами и долгое время прожили на континенте. Джефферсон, вероятно, познакомился с г-жей Косуэй в одном из парижских салонов.

Об отношениях Джефферсона с Косуэй известно очень мало. Не исключена возможность, что ничего серьезного не произошло. Тем не менее есть все основания полагать, что Джефферсон был сильно увлечен. После смерти жены, он постоянно подавлял свои чувства, но на этот раз справиться с собою ему не удалось. Когда г-жа Косуэй покинула Париж, Джефферсона охватило сильное волнение, высказанное им в длинном послании. С психологической точки зрения документ этот является бесценным. В письме к г-же Косуэй содержится конфликт между чувством и разумом человека. У Джефферсона чувство редко выходило победителем.

«Моя дорогая госпожа, — Исполнив мою последнюю обязанность и посадив вас в карету... и видя колеса, которые пришли в движение, я повернулся

и направился, более мертвый, чем живой, к подъезду моего дома... Меня донесли домой. Сидя у каминна, одинокий и грустный, я был свидетелем следующего диалога, который имел место между моей Головою и моим Сердцем:

Голова. Мой друг, вы попали, очевидно, в хорошую переделку.

Сердце. Я, конечно, наиболее пострадало из всех земных созданий. Подавленное горем, каждая моя фибра раздувается сверх естественных размеров, и я охотно пойду на любую катастрофу, которая избавит меня от чувства и страха.

Голова. Это — вековые последствия вашей сердечности и поспешности...

Сердце. О, друг мой! Теперь не момент укорять меня за слабости. Я превращен в осколки силою моего горя!»

Письмо продолжалось в том же духе. В одном месте Джефферсон признавался, что «мой разум тяготится... постоянно вашим отъездом», но ни разу не упомянул о своей любви.

Находясь в Париже, г-жа Косуэй всячески поощряла ухаживания Джефферсона, но после своего отъезда решила, по каким-то причинам, покончить с этим романом. Ее ответ на письмо Джефферсона, написанное на 18 страницах, содержал только четыре строчки.

«Ваши четыре строчки», написал он ей после этого письма, «свидетельствуют по крайней мере о том, что вы еще думаете обо мне, правда немного». Но и это «немного» скоро прекратилось.

На третий год своего пребывания в Париже Джефферсон решил ознакомиться с другими частями Франции и с Европой. Ему хотелось выяснить, чего достигла Европа в области искусства, ремесел и земледелия и затем ознакомить Америку с ее достижениями.

В марте 1787 года Джефферсон покинул Париж и в течение трех месяцев путешествовал по южной Франции и северной Италии. Поездка оказалась не только памятной, но и ценной, принимая особенно во внимание, что он разъезжал с записной книжкой в руках, в которую заносил свои впечатления о фабриках, кузницах, мостах, машинах, садах, дымоходах, дорогах, насосах, т. е. фактически обо всем новом и практичном. Многому из того, что видел и занес он на бумагу суждено было сыграть большую роль в Америке. Его «Меморандум» о поездке составляет 54 напечатанных страницы или содержит примерно 21 тысячу слов. «Я не посетил все мануфактуры этого города», писал он своему секретарю Уильяму Шорту из Лиона, «потому что ознакомление с ними будет бесполезно и вытеснит из моей памяти другие вещи, значительно более ценные. Архитектура, живопись, скульптура, земледелие и условия жизни крестьян привлекают все мое внимание».

В г. Нима огромное впечатление произвели на Джефферсона следы римского величия. Историк и архитектору невозможно остаться индифферентным при виде величественных развалин древних римлян. И Джефферсон, подобно историку Эдуарду Гиббону до него, был побежден необыкновенной красотой этих развалин. Из Нима он

написал письмо своему парижскому другу, г-же де Тессэ:

«Здесь я нахожусь, мадам, и целыми часами люблюсь квадратным домом,* подобно любовнику, который не может оторвать глаз от своей возлюбленной».

Юг Франции в конце марта напоминал южную Калифорнию весной. Везде начиналась жизнь под удивительно голубым небом. Джефферсон был в восторге. Его записки и письма наполнены радостью. «Я нахожусь теперь в стране зерна, вина, прованского масла и солнца», писал он Уильяму Шорту. «Чего еще может требовать от Неба человек? Если мне случится умереть в Париже, я попрошу вас отправить меня сюда и положить на солнце. Я уверен, что снова воскресну».

Любознательности Джефферсона не было предела. «Во время моего путешествия», рассказывал он позднее, «я добивался знакомства только с осведомленными людьми и избегал других, чтобы не терять напрасно времени». Когда он добрался до Марселя, — он принялся допрашивать всех о рисе, чтобы ознакомиться с лучшими сортами для выращивания их в Америке. Удовлетворительных ответов он не добился и решил навести справки в северной Италии.

День своего рождения, когда Джефферсону исполнилось 44 года, он провел верхом на муле, перебираясь через Приморские Альпы в Италию.

В Турине Джефферсон отведал нового красного

* С этого здания он сделал набросок, который позднее использовал в качестве модели для своего рисунка здания штатного Капитолия в г. Ричмонде, Виргиния.

вина, которое он нашел «таким же сладким, как шелковая Мадейра, таким же вяжущим пёбо, как Бордо и игристым, как шампанское». Он продолжал охотиться за рисом в Пьемонте, но не нашел его пока не приехал в Верчелли, куда добрался два дня спустя. «От Верчелли до Новара все поля засажены рисом и находятся теперь большей частью под водою». Там он сделал открытие, которого давно добивался: лучшее качество европейского риса по сравнению с американским (Каролинским) объяснялось его разновидностью, а не более усовершенствованными очистительными машинами, используемыми в Италии, как он до этого полагал.

Джефферсон решил забрать с собою сорта пьемонтского риса и выращивать его в Америке. Каково, однако, было его удивление, когда он узнал, что вывезти рис из страны он может только под страхом смерти. За вывоз риса в Пьемонте полагалась смертная казнь. Постановление это показалось Джефферсону настолько диким, что он решил нарушить этот закон. Он наполнил свои карманы рисом и, помимо этого, чтобы быть уверенным в успехе своего предприятия, нанял погонщика мула и поручил ему тайков перебраться через Апеннины и доставить в Геную два мешка с рисом.

В Генуе Джефферсон сел на судно и отплыл в Марсель. Два, проведенных на море дня, он чувствовал себя «смертельно больным». Затем стало легче. На канале Лангедок, он нанял баржу, разобрал свою карету, погрузил ее на буржу и отдал распоряжение тянуть баржу на бечеве в Тулузу.

8

В следующем году Джефферсон совершил еще одно путешествие, посетив на этот раз Нидерланды и Западную Германию. 3 марта 1788 года он выехал из Парижа в экипаже и через четыре дня приехал в Гаагу, где повидался с Джоном Адамсом, который был там американским послом. Джефферсон имел с ним продолжительную беседу.

Из Гааги он поехал в Амстердам, затем в Утрехт, Нимвеген и другие города, лежавшие на востоке. Подобно Петру Великому, совершившему это путешествие на столетие раньше, Джефферсон был поражен инженерным искусством изобретательных голландцев и потратил много времени на зарисовки.

Он описал подробно то, что не успел зарисовать. Он видел и описал машину для перетаскивания пустых судов через дамбу в Амстердаме. Он восхищался мостом через канал, «сделанным из двух шаланд, каждая из которых открывалась в сторону противоположного берега и давала возможность проходить судам». Ему очень понравился другой мост на шарнирах, который передвигался и открывал путь судам. Не мало поразила Джефферсона и шестиугольный фонарь над дверью дома и он нашел эту выдумку блестящей идеей.

Из процветающей Голландии он пересек Рейн и очутился в Германии. Там Джефферсона поразила бедность немцев. Причина была явной. «Почва и климат те же самые», записал он, «но отличаются правительства». Голландцы имели сравнительно свободное и относительно разумное правительство. Немцы такого правительства

не имели. «Вместе с бедностью на лицах прусских подданных был виден страх рабов». Земля была плохо обработана. «Всеобщая и однообразная бедность бросалась в глаза». Домики немецких крестьян, заметил Джефферсон, были сделаны из глины, и покрыты соломой.

В Вестфалии Джефферсон ознакомился с прославленными боровами — «большими, мрачными и с тяжелыми отвисавшими ушами» — из которых делалась прекрасная свинина и ветчина. Кельн поразил его наличием многочисленных торговых предприятий и своей бедностью. Торговля находилась в руках кучки протестантов, которые были настроены против правительства — «католического и исключительно нетерпимого». В районе Кобленца Джефферсон изучал вина, особенно «мозельское». В самом Кобленце, во Дворце выборщиков, Джефферсон впервые увидел изобретение, которому суждено было получить позднее широкое распространение в Америке — центральное отопление.

Между Франкфуртом на Майне и Ганау Джефферсону снова пришлось наблюдать удручающие последствия деспотического правления. Независимый и самоуправляющийся свободный город Франкфурт был очень богат и активен; Ганау был городом духов. «Во Франкфурте все живет, торопится и движется; в Ганау — молчание и спокойствие города мертвецов. На улицах не видно движения, каждая дверь закрыта, не слышно звуков пилы, молотка или других инструментов. Время от времени раздается только барабан или игра на флейте». Таковы были «последствия тирании».

Из Франкфурта Джефферсон поехал в Майнц, затем в Мангейм и Гейдельберг, где восхищался

винами и птичниками. На обратном пути он проехал через Карльсруэ, Страсбург, Нанси и Шато Тьерри.

Во второй половине апреля, почти после 7-недельного путешествия, Джефферсон вернулся на свой пост в Париж.

ЗРИТЕЛЬ

(1787-1789)

Возвращение Джефферсона из поездки по Югу в 1787 году совпало с двумя событиями мирового значения. В Версале, по инициативе находившегося в полном замешательстве и сбитого с толку Людовика XVI, собралась Ассамблея, довела до сведения монарха о печальном положении в стране и занялась пререкательствами, подготавливая общественное мнение Франции к неизбежным крутым мерам. Примерно в то же самое время, в Филадельфии собрались 55 американцев, большинство которых были знакомы Джефферсону, и занялись составлением конституции для тринадцати американских штатов.

Джефферсон был очень заинтересован, как в американском начинании, так и во французской Ассамблее. Далекое расстояние явилось для него помехой принять участие в работах в Филадельфии, а дипломатический пост заставил его воздержаться от прямого вмешательства в деятельность Ассамблеи. От советов, однако, Джефферсон удержаться не мог.

Среди членов Ассамблеи в Версале находился друг Джефферсона — полный энтузиазма Лафайет. Подобно генералу Вашингтону, Джефферсон чувствовал большую привязанность к молодому маркизу, хотя отлично отдавал себе отчет в недостатках француза. Крупнейшей слабостью Ла-

файета, заметил как-то Джефферсон, являлась его «погоня за популярностью и славой».

Совет Джефферсона Лафайету — не подражать Соединенным Штатам, — является наилучшим доказательством исключительной политической проницательности американца. Каждое общество должно следовать своим собственным образцам, говорил Джефферсон, в основу которых следует положить особые предпосылки и свою культуру. Поэтому будет трагедией для Франции — монархии с тысячелетней давностью — стремительно окунуться в антироялистскую революцию. Франция не может так резко порвать с прошлым. Джефферсон пытался доказать Лафайету, что Франция нуждается в постепенных реформах, в медленном и систематическом переходе с одних позиций на другие, а не в стремительной революции. Он предложил Лафайету, превратившемуся в ведущую фигуру нарождающейся революции, постоянно «держаться перед глазами пример соседней страны» и затем «шаг за шагом двигаться к хорошей конституции».

Совет этот исходил от человека, ненавидевшего монархов. Автор Декларации независимости, обозвавший Георга III кровожадным деспотом, указал французу, что от свержения силою абсолютистского короля Людовика XVI страха ничего не выиграет. Было легче подкупить французского короля, к которому Джефферсон не питал особого уважения, чем сражаться против него. «Если можно купить прогресс путем наполнения золотом королевских сундуков, то золото будет хорошо использовано». Но было очень мало шансов, что даже самые лучшие советы приостановят приближение революции.

В то время, как по другую сторону Атлантического океана, группа людей в Филадельфии выковывала новую конституцию для молодой Американской республики, Джефферсон, несмотря на свое отсутствие, не хранил молчания. Он переписывался с такими светилами, принимавшими участие в составлении конституции, какими были Джордж Уайт и Джеймс Мадисон, и с другими влиятельными американцами.

В своих письмах Джефферсон ратовал за республиканские учреждения, разъяснял демократические идеи и отвергал требования аристократов и монархистов. Он превратился, подобно Вольтеру полвека тому назад, в агентство просвещения и демократических мнений. Принимая во внимание отсутствие собственной печати и не имея возможности выступать в защиту своих убеждений с речами, Джефферсону пришлось ограничиться письмами. О демократическом строе в Америке он писал Давиду Гартлей:

«Я уверен, каков бы ни был результат нашего эксперимента, что люди могут управлять сами собою без повелителя. Если будет доказано обратное, то я вынужден буду прийти к заключению, что Бога не существует или Бог окажется зловредным существом».

По поводу слухов, что в Америке имеются сторонники монархии, Джефферсон писал Веньямину Гаукинсу:

«...За 20 поколений не нашлось ни одного короля, стоявшего выше человека со здравым смыслом... Лучшее, что они могут сделать, — это дать воз-

«... возможность управлять своим министрам... Если король вмешивается, — он всегда наносит вред».

Губернатору Южной Каролины Эдуарду Ратледжу он писал в том же язвительно-презрительном тоне об европейском деспотизме:

«В европейских правительствах сидят коршуны над голубями. Наилучшими республиканскими школами являются Лондон, Версаль, Мадрид, Вена, Берлин и т. д.»

Жестокое злоупотребление европейского абсолютизма и революционные настроения Парижа заставили обычно осторожного Джефферсона выступить в защиту принципов восстания. Кровь патриотов и тиранов, сказал он, должна освежить дерево свободы, независимо от того, посажено ли оно в Европе или в Америке. Его письмо к зятю Джона Адамса — полковнику Уильяму С. Смитту является, пожалуй, наиболее радикальным заявлением о революции, когда-либо сделанным ответственным американцем:

«Да не разрешит нам Господь оставаться дольше 20 лет без такого восстания... Какая страна может сохранить свои свободы, если ее правители не предупреждаются время от времени, что народ хранит дух сопротивления? Дайте ему возможность взяться за оружие. Пусть он сам все приведет в порядок. Что означает потеря нескольких жизней за одно или два столетия? Дерево свободы должно быть время от времени освежено кровью патриотов и тиранов. Это является его естественным удобрением».

Человек, на которого особенно сильно повлиял Джефферсон, был Джеймс Мадисон, один из пяти выдающихся представителей Виргинии в Консти-

туционном Конвенте в Филадельфии.* Преклонение Джефферсона перед постоянно одетым в черное небольшим Мадисоном, отличавшимся сухим юмором, уступало только привязанности Мадисона к нему. Доверие это было полностью оправдано, особенно во время решительной борьбы в Конституционном Конвенте, когда невзрачно выглядевший Мадисон оказался одним из величайших политических умов своего времени.

После 16-недельной напряженной деятельности и неизбежных компромиссов, Конвент закончил свою работу в Филадельфии. 17 сентября 1787 года проект был подписан «с единогласного согласия присутствовавших штатов». Теперь проекту предстояло пройти суровое испытание публичного обсуждения в тринадцати штатах.

В ноябре Джефферсон ознакомился в общих чертах с отдельными пунктами конституции. Его первая реакция оказалась неблагоприятной, но он решил обождать возможности более детального ознакомления для вынесения своего суждения. Во второй половине декабря он получил копию конституции. Он подверг этот документ детальной критике в письме, адресованном Мадисону. Джефферсона особенно возмутило то, что конституция не содержала Билля о правах.

В своем письме Мадисону, Джефферсон объяснял, что ему не нравится в конституции. Он одобрил раздел власти на законодательную, судебную и исполнительную. Ему понравилось по-

* О качествах виргинских представителей можно судить по их составу. Кроме Мадисона, делегатами этими были: Джордж Мейсон, Эдмунд Рандольф, Джордж Уайт, Джордж Вашингтон, Томас Нельсон, Ричард Генри Ли и Патрик Генри. Некоторые из них отказались, однако, от участия в Конвенте.

становление, предоставляющее legislature право облагать налогами, которое сохранило «нерушимый основной принцип, что обложение налогами принадлежит только представителям, избранным самим народом». Джефферсон был «увлечен компромиссом», который предоставлял большим и малым штатам одинаковое представительство в Сенате. Ему понравилась идея права вето президента. Все это было прекрасно, но не шло достаточно далеко, чтобы удовлетворить человека, который считал, что человеческие свободы являются по меньшей мере столь же важными, сколь и имущественные права. Первый проект конституции не подчеркивал человеческих прав. А для Джефферсона не стоило заносить на бумагу конституцию, не содержащую гарантию гражданских свобод.

Поэтому он принялся за разработку смысла и значения Билля о правах, который следовало включить в конституцию и который не должен был зависеть от пристрастия судей или от прихоти общественного мнения. Народ следовало навсегда защитить от правительства.

«На мой взгляд билль о правах является той защитой, какой должен располагать всякий народ против любого правительства на земле, федерального или штатного и в этом билле не может отказать ни одно справедливое правительство или ограничиться только его подразумеванием».*

Другим недостатком конституции, вызвавшим опасения Джефферсона, являлось то обстоятель-

* После продолжительного обсуждения Билль о правах (первые десять добавлений к конституции) был в конце концов ратифицирован Конгрессом 15 декабря 1791 года.

ство, что она не ограничивала срока пребывания в должностях, особенно на посту президента. Исторический и современный опыт свидетельствовал о том, что при отсутствии ограничения сроков должностных лиц, — они часто прибегали для сохранения своих постов к злоупотреблениям. Джефферсон знал, что власть представляет неотразимое искушение для тех, кому ее удалось однажды отведать. Мудрой конституции следует ограничить сроки пребывания в должностях, в целях сокращения искушения до минимума. Больше того, Джефферсон опасался вмешательства иностранных держав в американские выборы для достижения своих собственных целей. Таков был трагический пример современной Польши, имевшей выборного главу государства и превратившейся поэтому в постоянную добычу своих могущественных соседей. Чтобы избежать этих опасностей Джефферсон высказывался (позднее он изменил свою позицию) за избрание президента на один срок и за запрет избрания его вторично.

Другой, поднятый Джефферсоном в связи с конституцией, вопрос заключался в том, какую властью должно быть наделено правительство. Здесь он сталкивался с неразрешимой дилеммой всякого демократа — свободы против порядка. Он отдавал себе отчет, что сильные правительства были всегда врагами народа, а слабые никогда не были в состоянии его защитить. Больше того, сильные правительства своим превышением власти содействовали восстаниям. Решение вопроса заключалось, по мнению Джефферсона, в уравновешенной демократии со свободным и просвещенным общественным мнением и преобладанием мнения большинства. Ни в каком случае, однако, не следует наделять правительство

чересчур большой властью и выдумывать всякие предлоги, вроде боязни восстаний.

Окончательное отношение Джефферсона к конституции, особенно после того, как к ней был добавлен Билль о правах, оказалось восторженным. Он рассматривал ее, как «бесспорно мудрейший документ, когда либо находившийся в распоряжении людей».

3

14 июля отчаявшиеся парижане овладели оружием, штурмовали массивное здание Бастилии и убили ее губернатора. Той же ночью находившийся в Версале Людовик XVI был осведомлен о беспорядках в Париже. «Это — бунт!» заявил король. «Нет, ваше величество», ответили ему, «это — революция».

Через неделю после падения Бастилии произошел курьезный инцидент, свидетельствовавший об уважении, каким пользовался Джефферсон. 20 июля 1789 года архиепископ Бордо Шампион де Сисэ, назначенный Национальным собранием председателем конституционного комитета, обратился к американскому дипломату, как к эксперту в этой области, с письмом, ходатайствуя о помощи при составлении проекта французской конституции.

Опасаясь, что это предложение скомпрометирует его дипломатический статус, Джефферсон поспешно ответил — на несколько высокопарном французском языке — и просил освободить его от этой обязанности, на том основании, что он — иностранец и не может поэтому участвовать в составлении конституции. Одновременно он выражал комитету свои «самые искренние и горячие пожелания успеха».

При обсуждении конституции в Национальном собрании произошел раскол и наиболее разумные депутаты постановили выждать успокоения страстей. Лафайет знал к кому обратиться. Он написал Джефферсону, испрашивая разрешение приехать к нему с некоторыми депутатами Национального собрания. Джефферсон немедленно согласился и на следующий день к нему пожаловали восемь виднейших депутатов собрания — Лафайет, Дюпор, Барнав, Александр ла Мет, Блакон, Мунье, Мобур и Дагу.

После обеда со стола сняли скатерть, поставили вино и Лафайет занял председательское место. Обсуждение продолжалось с 4 часов дня до 10 часов вечера в присутствии Джефферсона, сочувствующего, но молчаливого слушателя. В своей «Автобиографии» Джефферсон отдает должное патриотизму и красноречию своих гостей, большинству которых суждено было умереть под ножем гильотины.

Эта встреча явилась последней связью Джефферсона с Французской революцией.

4

Свыше года Джефферсон ходатайствовал перед Конгрессом об отпуске, надеясь провести несколько месяцев в Америке и затем снова вернуться «в свою тюрьму». Теперь, после инаугурации Вашингтона, он обратился к президенту с горячей просьбой разрешить ему побывать на родине. Президент Вашингтон быстро удовлетворил его ходатайство и в конце августа Джефферсон получил это приятное известие. Во второй половине сентября он покинул Париж, рассчитывая вернуться через несколько месяцев. Значительное число восторженных и преданных друзей

пришли пожелать популярному дипломату счастливого пути. Джефферсону не суждено было больше увидеть большинство этих людей.

В своей «Автобиографии», написанной тридцать лет спустя, Джефферсон посвящает много трогательного внимания стране, в которой он провел пять лет, богатых дружбой и насыщенным опытом:

«Я не могу оставить эту великую и хорошую страну, не отметив превосходства ее характера над другими земными странами. Я никогда не встречал более благожелательного народа, более теплого и преданного по отношению к своим друзьям. Их доброжелательность и приспособляемость к иностранцам являются непревзойденными, а гостеприимство, вопреки размерам Парижа, превзошло все мои ожидания.* Их научные знания, готовность поделиться ими, вежливость их манер, непринужденность и живость их разговоров, придают особый шарм их обществу, который нельзя найти ни в каком другом месте... Спросите путешественника жителя любой страны — В какой стране хотели бы вы жить? — Конечно, у себя на родине, где находятся все мои друзья, мои родственники и мои самые ранние и дорогие воспоминания жизни. Но каков будет ваш второй выбор? Франция».

8 октября Джефферсоны, отец и красивые дочери (маленькая Полли присоединилась к нему и Марте в Европе в июле 1787 года), отплыли из Гавра в Каус. В Англии обширный багаж Джефферсона, включавший растения и собак-овчарок, был освобожден от таможенного осмотра по специальному распоряжению первого министра Пит-

* В этом отношении Париж подвергся со времен Джефферсона резким переменам. Какими бы достоинствами не обладали парижане XX века, им нельзя приписать особого гостеприимства.

та. Неблагоприятные ветры задержали отплытие Джефферсонов на две недели, которые они провели в осмотре достопримечательностей, главным образом на острове Уайт. 22 октября 1789 года Джефферсоны отплыли из Ярмута и через месяц, после спокойного плавания, высадились на американской земле в Норфолке. После этого Джефферсону никогда больше не пришлось покидать своей родной страны.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

(1790-1793)

Когда Джефферсон 23 ноября 1789 года приехал в Норфолк и развернул газету, то, к своему удивлению, увидел, что назначен на только что созданный пост государственного секретаря. Ему не хотелось верить этому сообщению, так как он имел совсем другие планы: Джефферсон хотел на несколько месяцев вернуться в Париж и затем навсегда удалиться от политической жизни — «окунуться в семью и вернуться к друзьям и посвятить себя изучению более близких моим интересам вопросов», как Джефферсон отмечает в своей «Автобиографии».

Политика, однако, продолжала его преследовать. По пути в Монтиселло, Джефферсоны остановились в Эппингтоне, где жили их родственники — семья Эппес. Туда специальный курьер доставил Джефферсону письмо президента Вашингтона с предложением занять пост государственного секретаря.

Это было очень лестным предложением и Джефферсон не мог остаться к нему равнодушным. То обстоятельство, что генерал Вашингтон, которым он восхищался, выбрал именно его, являлось исключительным комплиментом, и пренебрегать им не приходилось. Но согласие означало новые жертвы, увеличение задолженности и разлуку с семьей. И все же он не мог отклонить

предложение Джорджа Вашингтона. «Было невозможно», сказал Джефферсон своему другу, «ответить категорическим отказом».

Джефферсон обдумал это предложение и спустя несколько дней уведомил президента, что готов принять назначение, если это пойдет на благо страны, и вручал свою судьбу Вашингтону. «Самому человеку не полагается избирать себе пост», писал он президенту.

Предоставив, таким образом, вынесение решения президенту Вашингтону, Джефферсон продолжал свой путь в Монтиселло. За два дня до Рождества путешественники добрались, наконец, до окраин своего поместья. Джефферсон не был у себя свыше пяти лет.

Хозяина и его двух миловидных дочерей ждал необыкновенный прием. Негры узнали о предстоящем возвращении Джефферсона, когда путешественники добрались до Шедуэла, расположенного в четырех милях от Монтиселло. Слуги в страшном волнении бросились навстречу своему господину. Ничего, вплоть до настойчивых просьб Джефферсона, не могло заставить рабов отказаться от своего намерения — выпрячь лошадей и тянуть тяжелую карету по крутой дороге к дому. А когда Джефферсон, тронутый этим отношением, вышел из кареты, рабы окончательно потеряли голову. «Когда открылась дверца кареты», рассказывает Марта, «они подняли его на руки и донесли до дому, целуя ему руки и ноги. Некоторые кричали и плакали от восторга, другие — смеялись. Им хотелось прикоснуться и поцеловать даже землю, на которой он родился».

2

После Рождества Монтиселло посетил очень важный и желанный гость. Это был Джеймс Мадисон, недавно приехавший из Нью Йорка, где он был членом Конгресса. Мадисон, очевидно, обещал президенту Вашингтону лично выяснить отношение Джефферсона к принятию поста государственного секретаря. Мадисон обладал удивительным даром убеждения. Друзья обсудили этот вопрос очень подробно и Мадисону удалось побороть ряд сомнений Джефферсона. Одно из них касалось обязанностей этого поста, затрагивавших как внутренние, так и внешние дела. Джефферсон опасался, что эта ноша окажется ему не под силу.

После разговора с Джефферсоном, Мадисон написал президенту Вашингтону, что друг его склоняется к принятию этого назначения: «Все, с которыми мне пришлось говорить на эту тему, добиваются согласия Джефферсона и я льщу себя надеждой, что люди эти в конце концов не будут разочарованы».

Это письмо дало повод президенту вторично сделать свое предложение и на этот раз подчеркнуть важность поста государственного секретаря. Успех правительства, писал Вашингтон, зависит от способных людей, и, за исключением Джефферсона, он не видит другой лучшей кандидатуры:

«Я рассматриваю пост государственного секретаря исключительно важным по многим соображениям, и я не знаю другого человека, который, по моему суждению, мог бы лучше вас справиться с этими обязанностями. Ваши обязанности, однако, не будут так трудны и сложны, как вам это могло показаться в первый момент».

На Джефферсона производилось давление и из других кругов. Мадисон написал ему из Нью Йорка, что «все волнуются по поводу его решения». «Всеобщее благо» требует того, чтобы наилучшие люди служили молодой республике, а Джефферсон был признан друзьями и врагами одним из выдающихся американских деятелей. Требования оказались настолько настойчивыми, что Джефферсон не считал для себя возможным отказаться от министерского поста. Отказ его, говорил Джефферсон «вызвал бы отвращение, а этого не стоит любой пост». В середине февраля он уведомил, наконец, президента, что в ближайшее время приедет в Нью Йорк и вступит в исполнение своих новых обязанностей.

Нельзя считать напускной скромностью его продолжительное раздумье о занятии выдающегося поста при Джордже Вашингтоне. Объясняется это прежде всего тем, что в тот момент Джефферсону было очень трудно покинуть Монтиселло. Его не было в поместье, за минувшие годы, примерно десять лет и в отсутствие хозяина все пришло в упадок. Поместье занимало 10.000 акров и в нем имелось 200 рабов, но продуктивность очень сильно понизилась. Оклада его на посту государственного секретаря — 3.500 долларов (на 500 долларов больше других членов кабинета) было достаточно только для покрытия его личных расходов. За несколько дней до отъезда в Нью Йорк, Джефферсон обратился с ходатайством к частным банкирам о предоставлении ему займа в 2.000 долларов. «Я всего только фермер», писал он, «и не имею других ресурсов кроме продукции своей фермы». В залог за заем он предложил свою землю и выразил готовность платить 6 процентов.

За неделю до отъезда из Монтиселло, Джеф-

ферсон выдал свою дочь Марту, дородную девушку 17 лет, замуж за двоюродного брата — Томаса Манна Рандольфа из Туккахоэ. «Аристократический» Рандольф и стройная Марта, которую Джон Рандольф как-то назвал «благороднейшей женщиной Виргинии», были блестящей парой. Джефферсон восхищался своим зятем и описывал его, как «молодого гениального джентльмена, умного и с благородным характером».*

3

Джефферсон снова отправился на Север, минуя Ричмонд, Александрию и Филадельфию. Когда он 10 марта приехал в Александрию, мэр и граждане устроили ему торжественный прием.

Сильная снежная буря замедлила его поездку, ежедневно он покрывал две или три мили и Джефферсону понадобилась неделя, чтобы добраться до Филадельфии. Первым делом он посетил «уважаемого и любимого» Франклина, который был болен и лежал в постели. Друзья очень обрадовались этой встрече. 84-летний Франклин, проживший после этого свидания один месяц, очень интересовался тем, что происходило во Франции и расспрашивал о своих друзьях. Несмотря на преклонный возраст и болезнь, он внимательно следил за революционными событиями. Услышав новости о Париже и Версале, Франклин воскликнул: «Они прошли курс учения в Америке и теперь пытаются применить свои знания на родине».

Джефферсону удалось удовлетворить любопытство Франклина о всех его французских друзьях:

* В отсутствие Джефферсона, его зять Рандольф управлял поместьем.

«Он расспрашивал обо всех по очереди, со скоростью и волнением, которые, казалось, превышали его силы». Затем он передал Джефферсону секретные бумаги. Позднее Джефферсон вернул их наследникам Франклина.

21 марта Джефферсон приехал в Нью Йорк. После сердечного приема у президента, он арендовал небольшой дом на Мэйден Лэйн. Перед ним стояли сложные иностранные и внутренние проблемы, а опыта у нового государственного секретаря было мало и еще меньше помощи для облегчения этой тяжелой задачи. Государственный департамент насчитывал пять служащих: ежегодный оклад трех составлял по 500 долларов, двух остальных — по 800 долларов. Средств на новые назначения не имелось. Казалось, что Джефферсону придется посвятить все свои силы и время новой деятельности. Но его успокаивала мысль, что он сможет быть полезен, особенно революционной Франции, вокруг которой выкристаллизовывалась уже стая врагов.

Ньюйоркская атмосфера, как в правительственных кругах, так и в обществе, была настолько антидемократической, что Джефферсон, недавно вернувшийся из борющейся за демократические идеи Франции, испугался за будущее Американской республики. На многочисленных приемах государственный секретарь чувствовал себя единственным демократом среди гостей.

«Я не могу описать удивления и разочарования, которые вызывали у меня разговоры за столом. Главной темой была политика и большинство отдавало предпочтение монархическому, а не республиканскому строю. Я не мог быть отступником и еще менее лицемером. В результате я оказывался единственным сторонником республиканского строя».

Некоторые видные и влиятельные члены правительства были врагами демократии. Для члена Конгресса от Массачусетса и друга Александра Гамильтона Фишера Эймса демократия была равносильна смерти. Он полагал, что простым народом и рабами следует распорядиться. Другим врагом демократии являлся губернатор Моррис, принявший участие в составлении конституции (без Билля о правах). Он высказывался за назначаемых президентом пожизненных сенаторов из богатой и аристократической среды. Председатель Верховного суда Джон Джей скептически относился к способности народа управлять самим собою. Сенатор от Массачусетса Джордж Кабот открыто заявил, что «демократия является самым плохим видом правительства».

Несмотря на свою сдержанность, Джефферсон не мог избежать споров с окружающими его людьми. Мадисон рассказывает, что на одном из приемов, кто-то высказался против избрания президента и в пользу наследственного правителя. Напомнив Людовика XVI, Георга III и других бездарных королей, Джефферсон улыбнулся и сделал следующее уничтожающее замечание: он слышал, что «в каком-то из университетов кафедра математики является наследственной». Этого оказалось достаточно для ликвидации спора.

4

Человек, с которым государственный секретарь столкнулся почти немедленно после своего вступления в должность, оказался вторым по рангу членом кабинета — министром финансов Александром Гамильтоном.

Чересчур молодой для занятия столь ответ-

ственного поста, Гамильтон был человеком, который не мог понравиться и которого не мог понять Джефферсон. С одной стороны он был очень способным и чрезвычайно легкомысленным, с другой — явным карьеристом. Джефферсону не нравилось легкомыслие Гамильтона и он не переваривал его карьеризма.

Политические принципы Гамильтона подверглись перемене после его успешной карьеры в армии и светскому браку. Его взгляды становились все более консервативными и он превратился в неоспоримого представителя высших классов. Он оказался настолько эффективным, что даже Джефферсону пришлось отдать должное своему врагу. Однажды он назвал Гамильтона «гигантом» и «человеком, стоящим многих».

Враждебность Гамильтона к простому народу завела его слишком далеко. Народ был для него «великой бестией». «Человечество», заявил он на одном из съездов, «в общем порочно». Гамильтон презирал бедных и униженных. Он был уверен, что люди руководствуются исключительно собственными интересами или слепой страстью. Большинство людей, по его мнению, не было способно заботиться о себе самих.

Джефферсон имел словцо для молодого Гамильтона. Он назвал его «монархистом». Гамильтон, сказал государственный секретарь, был «не только монархистом, но создан для монархии с прогнившим дном». В то время слову «монархист» придавали то же самое значение, какое сегодня придают слову «фашист». Для Джефферсона, во всяком случае, все политическое зло и морально неприемлемое объединялось под ярлыком «монархист».

В кабинете оба министра поддерживали внеш-

ние отношения, но чувствовали большую антипатию друг к другу и не скупились на обоюдную критику. Джефферсон рассказывает, что однажды пригласил к обеду вице-президента Адамса и министра Гамильтона. Распивая выдержанное вино, эти три наиболее видных из четырех людей страны, завели разговор на политические темы. Они превозносили достоинства британской конституции и Адамс утверждал, что, если убрать некоторые ее недостатки, то конституция эта явится «совершенным документом, когда-либо составленным человеческим умом». Гамильтон с этим не соглашался. Он настаивал, что даже с существенными недостатками, Англия «располагает самым совершенным в мире правительством». Для Джефферсона взгляды эти были бессмыслицей и даже опасной бессмыслицей. Он знал, что в Великобритании было мало драгоценного самоуправления и еще меньше равенства. Англия была олигархией, страной, управляемой богатыми и знатными людьми в интересах тех же самых богатых и знатных людей. Рабочие подвергались гнусной эксплуатации. Большая часть плодородной земли находилась в руках маленькой кучки помещиков. Парламент был подкупным, избранным заведомо мешенническими путями. Печать и общественное мнение не были свободными. Несмотря на все это, вице-президент Соединенных Штатов и министр финансов рассматривали Англию, как страну, имевшую почти совершенное управление! Какие шансы на успех, думал Джефферсон, имеет молодая американская демократия, если во главе ее стоят люди с подобного рода убеждениями?

Государственный секретарь и министр финансов способны были иногда сотрудничать, особенно, когда они встречались на обедах друг у дру-

га. Одна из этих встреч имела чреватые последствия. Молодая республика не решила еще вопроса, где должна находиться ее столица. В те дни, когда люди были больше привязаны к своему родному штату, чем ко всей стране и когда передвижение было медленным и сложным, вопрос о расположении национальной столицы имел решающее значение. Когда Джефферсон приехал в Нью Йорк, в Конгрессе происходили ожесточенные прения по этому вопросу. Конгрессмены с Юга потребовали пересмотра билля о «федеральном городе», который предусматривал, что столица должна находиться «на восточном берегу Потомак». Конгрессмены с Севера отклонили этот билль. В мае 1790 года был достигнут компромисс, согласно которому Филадельфия была сделана временной столицей на срок в десять лет. Недовольство, особенно со стороны южан, было очень сильным. Стали поговаривать о расколе среди штатов.

Примерно в то же время Гамильтон внес билль, предусматривавший перенятие на себя федеральным правительством военных долгов различных штатов. Билль этот был необходим для спасения кредитоспособности Союза, но представители Юга нанесли этому биллю поражение. Обстоятельство это вызвало в свою очередь сильное недовольство Севера. Не считавший себя финансистом и неохотно поддерживавший предложение Гамильтона Джефферсон, счел, однако, необходимым высказаться за этот билль, который был нужен «для спасения нас от крупнейших неприятностей, потери нашего кредита в Европе». Больше того, в Конгрессе существовало слишком много районных предрассудков. С ними следовало покончить в интересах республики. В противном случае Джефферсон опасался «распада на-

шей нации в этой начальной стадии». Почему не добиться компромисса?

Государственный секретарь пригласил Гамильтона и двух виргинских конгрессменов — Ли* и Уайта** к обеду. Во время обеда было заключено соглашение. Гамильтон обещал, что он добьется от представителей Севера в Конгрессе согласия голосовать за учреждение национальной столицы где-нибудь на Потомаке. Взамен виргинцы обещали подать свои голоса за билль Гамильтона о возмещении долгов. Обе стороны выполнили свои обещания. Билль Гамильтона был принят, а Юг добился федеральной столицы у своей границы на Потомаке, «не превосходящей 10 миль в квадрате».

Таким образом, кредит Соединенных Штатов и город Вашингтон родились в одно и то же время.

5

После того, как правительство переехало из Нью Йорка в Филадельфию, Джефферсон снял дом и завел бережливое холостяцкое хозяйство. Финансы его не находились в блестящем состоянии и он вынужден был следить за своими расходами. В первой четверти 1791 года расходы на жизнь превышали его жалованье на 100 долларов ежемесячно. Из ежемесячного жалованья, немногим меньше, чем 300 долларов, Джефферсон тратил 38 долларов на квартирную плату, примерно 32 доллара на лошадей и приблизительно 44 доллара на еду. Всякого рода обслуживание, включая стирку, обходилось ему при-

* Ричард Бланд Ли (1761-1827).

** Александр Уайт (1738-1804).

мерно в 29 долларов, а дрова — около 24 долларов в месяц. Фунт кофе стоил 3 доллара 20 центов и расчетливый Джефферсон высчитал, что каждая чашка кофе с сахаром обходилась ему «в 2 цента». Чай был менее дорог, всего 2 доллара за фунт. Джефферсон занес в свою расходную книгу: «8 марта — чай кончился. Одного фунта хватило точно на 7 недель. Пил шесть раз в неделю; это значит $8/21$ или 0,4 унции всякий раз на одного человека». На основании этого расчета, Джефферсон пришел к заключению, что чашка чаю обходится ему только в 1,6 цента, а чашка кофе стоила 2 цента. В результате он решил угощать только чаем. Сервировал он также вино и французское печенье. Некоторые патриоты возмутились этим не-американским хозяйством в доме автора Декларации независимости. Бывший закадычный друг, а впоследствии политический враг Джефферсона, Патрик Генри осуждал его за пристрастие к ростбифу и называл его человеком, «отрекшимся от отечественной пищи».

6

Далеко не все нравилось Джефферсону. Под агрессивным руководством Гамильтона, финансисты, спекулянты и дельцы, как называл их Джефферсон, оказывали все большее давление на федеральное правительство. Финансовая политика Гамильтона — его билли об акцизе, банках и перенятии долгов — возымели действие. Даже Джефферсон вынужден был признать, что в стране наступила эпоха «невиданного благосостояния». Создавались фабрики и заводы и особенно это было заметно на Севере. Купцы богатели, а финансисты процветали. Тем не менее Джефферсону было не по себе.

И становилось ему неуютно, когда он наблюдал за положением в республике, которая ему представлялась в виде государства, заселенного людьми, вспахивавшими землю. Теперь они стали «продажными» и очутились в руках купцов и спекулянтов. Зарождающийся американский капитализм, особенно типа Массачусетса и Нью Йорка, приводил в ужас Джефферсона. Деловые люди не были заинтересованы в свободе или равенстве. Они хотели помощи правительства для собственного процветания. Несмотря на то, что в стране первое место попрежнему занимало сельское хозяйство, деловые круги, руководимые Гамильтоном, получали то, чего добивались.

Министр финансов Гамильтон был кумиром тех кого позднее было принято называть «представителями особых интересов». Его деятельность в области финансов и экономики, привела Гамильтона не только к тесному сотрудничеству с деловыми кругами, но и с влиятельными членами Конгресса. В результате, он превратился в главу мощной группы, хотя это и не была «партия» в современном смысле этого слова. Эти люди, стремившиеся к общей цели, поддерживали интересы друг друга: ...«все дела совершаются в темных закоулках», жаловался республиканец сенатор Маклей, который не симпатизировал сторонникам Гамильтона. «Мистер Гамильтон всемогущ и все ему удастся».

Успех усилил власть Гамильтона, а власть увеличила его самоуверенность. Министр финансов перенимал на себя все больше и больше обязанностей первого министра и все чаще отдавал распоряжения неподведомственным ему людям. Он вмешивался в дела других министерств. По мере роста презрения к демократии, у Гамильтона увеличивалось пренебрежение к государствен-

ному секретарю. В заседаниях кабинета агрессивный министр финансов постоянно очень горячился и подкреплял свое мнение не допускавшими возражения доводами, в то время, как государственный секретарь всегда выражался мягко и ограничивался спокойными и не-агрессивными аргументами.

В области финансов Джефферсон не мог скрестить шпаги с Гамильтоном. Государственный секретарь, при отсутствии всякого интереса к коммерции и к деловым операциям, не имел естественно никакого опыта в этой области. А Гамильтон был именно экспертом в области финансов и обложения. Неудивительно поэтому, что президент Вашингтон, взгляды которого не были чисто аграрными или полностью коммерческими и который стремился придерживаться среднего пути между своими министрами, одобрял финансовые идеи талантливого министра финансов. Джефферсон не мог предложить приемлемой альтернативы и чувствовал себя поэтому счастливым, когда наблюдал за развитием событий и понимал, что его ожидает в дальнейшем.

7

Разногласия позади внушительного фасада администрации Вашингтона неизбежно должны были дойти до слуха публики. Обе стороны, Южно-аграрная группа, возглавляемая Джефферсоном и торговые интересы Севера, руководимые Гамильтоном, поставили на карту все, т. е. вели борьбу за политическую власть. Победа должна была остаться на стороне тех, кто имел более крупную поддержку населения, а не самую тяжелую артиллерию.

Газеты использовались для того, чтобы провозглашать взгляды тех, кто их поддерживал и обрушиваться на своих противников. Печать проводила партийную линию в политике, была невоздержанной в выражениях, оскорбительной по своему тону и, сверх того, продажной. Рупором Гамильтона была «Газета Соединенных Штатов», размер страницы составлял 17 дюймов на 21, а тираж не превосходил 1.400 экземпляров. Число это, конечно, не было внушительным, но читатели «Газеты» были влиятельными и она отражала взгляды правительства.

Редактором этой филадельфийской газеты был Джон Фенно, сын бостонского торговца кожаными изделиями. Фенно часто находился в затруднении. От банкротства его спас министр финансов Александр Гамильтон. Тот же Фенно был избит Веньямином Франклином Баш, редактором филадельфийского «Дженерал Адвертайзер» (позднее «Аврора»). Между этими двумя, на первый взгляд ничего не имеющими общего, событиями существует определенная связь. Ибо Фенно ненавидел республиканский строй и демократию, а филадельфийская «Аврора» поддерживала и то, и другое. Редактор Фенно являлся сторонником превращения Соединенных Штатов в монархию и надеялся, что его газета станет органом королевского двора. Она и без того придавала себе вид королевского листка. Своим сообщениям в газете Фенно придавал претенциозный вид и подражал напыщенности королевского двора Великобритании: «Нас извещают, что его превосходительство вице-президент, губернатор этого штата и много других лиц будут присутствовать...»

Голос Фенно был голосом Гамильтона. Подобно министру финансов, редактор «Газеты Соеди-

ненных Штатов» относился с ненавистью к демократии. «Уберите прочь троны и короны», писал Фенно, «и наступит скоро конец власти и справедливости». Он утверждал, что в прошлом демократия «немедленно превращалась в анархию». Что касалось его патрона Гамильтона, то редактор превозносил его в высокопарных выражениях, достойных придворного, отзывающегося об его величестве. «Он», говорил Фенно о министре финансов, «подобен редчайшей драгоценности в Колумбийской короне».

Государственный секретарь не видел причины, почему враги республиканского строя должны обладать монополией печатного слова. В начале 1791 года, следуя совету Джемса Мадисона и Генри Ли, Джефферсон предложил место переводчика в государственном департаменте поэту, журналисту и страстному демократу Филиппу Морин Френо. Френо был старым товарищем по университету Мадисона. «Жалованье, конечно», писал государственный секретарь Френо, «очень низкое, всего на всего 250 долларов в год; но дела у вас будет немного и обстоятельство это даст вам возможность заниматься тем, чем вы пожелаете».

Всем было ясно, что имел в виду Джефферсон, когда намекал о возможности для Френо заниматься другим. Государственный секретарь предлагал Френо на самом деле синекуру, чтобы дать тому возможность издавать газету, в которой он мог бы выступать в защиту демократических идеалов, американского и французского образцов. Сперва Френо отказался от этого предложения, но Джефферсон и Мадисон продолжали настаивать. В письме на имя Мадисона, государственный секретарь откровенно объяснил, чего он ожидает от Френо и как он собирается помочь поэту-журналисту:

«Несмотря на значительное число типографских предприятий, я смогу, мне думается, создать для него благоприятную обстановку и обеспечить его успех... Я дал бы ему на ознакомление всю мою переписку с иностранными агентами и иностранные газеты; опубликование листовок и других публичных оповещений моего министерства и печатание законов явилось бы значительной подмогой к его жалованью».

Потребовалось почти полгода, чтобы убедить Френо взяться за эту работу и начать борьбу против Фенно. Летом 1791 года он приехал в Филадельфию и в октябре стал издавать «Национальную Газету», один из первых органов американской демократии. Френо выпускал свою газету по понедельникам и четвергам. В этой газете «поэт революции» взял на себя защиту республиканского строя в Америке и Французскую революцию.

Летом 1791 года, после того, как Френо принялся за редакционные обязанности и избрал своею мишенью Гамильтона, Джефферсон внезапно обнаружил, что в долине Гудзона в Нью-Йорке растут неизвестные ему растения. В компании Мадисона он совершил досужую поездку в штат Нью-Йорк. Но цветы собирать им не пришлось. Они занялись разжиганием костров. На огне этом предстояло сжечь некоторых политических друзей Гамильтона в штате Нью-Йорк на следующих выборах, которые должны были состояться примерно через год.

Нью-Йорк был разбит на две клики. Одна возглавлялась Александром Гамильтоном, другая — Джорджем Клинтонем. Благодаря своей женитьбе, Гамильтон мог рассчитывать на поддержку аристократических семей в штате Нью-Йорк;

Клинтон, через посредство Аарона Берра, пользовался поддержкой общества «Сыновья Св. Таммани» в городе Нью-Йорке. Сторонникам Гамильтона было обеспечено покровительство федерального правительства; сторонники Клинтона надеялись заполучить его тоже.

Джефферсон и Мадисон договорились с Клинтонем и Берром. В результате этого соглашения, Виргиния и Северная Каролина отдали свою поддержку на президентских выборах 1792 года Джорджу Клинтону против Джона Адамса.* Это оказалось многообещающим началом, заложившим основы новой политической партии. Начиная с 1792 года, Юг и Таммани Холл, независимо от разногласий и временных расколов, являлись двумя главными столпами Демократической партии.

Джефферсон, удовлетворенный тем, что ему удалось заложить фундамент своего союза с Нью-Йорком, распространил свои ботанические экскурсии дальше на Север. Он добрался до района озера Джордж и восторгался сахарным кленом, серебряной пихтой, белой сосной, стелющимся по земле можжевельником, дикой жимолостью, бархатной осинной, волнистым кустарником и изобиллем диких ягод.

8

Небольшим кострам, которые Джефферсон зажег в Нью-Йорке, суждено было разгореться спустя несколько лет, но газетная пушка, установленная в Филадельфии тотчас же занялась об-

* Адамс был избран 77 электоральными голосами против 50 — за Клинтона.

стрелом вражеских позиций. Джефферсон и его друзья-республиканцы, считавшие Гамильтона врагом республики, намеревались устранить его от власти и уничтожить его престиж. Джефферсон не сделал на этот раз ошибки, недооценив своего противника. Возможно даже, что он его переоценил.

Редактор Френо воспользовался правильной техникой в своей войне против Гамильтона. Вместо споров с министром финансов или попыток отвергнуть его идеи, — он принялся его высмеивать. Вместо того, чтобы нападать на достойного противника, поэт-редактор пытался превратить Гамильтона в ненавистную фигуру. Френо был мастером насмешек. Его выпады были подобны колочкам, проникавшим под кожу министра финансов. «Национальная газета» Френо глумилась над Гамильтоном и его друзьями и называла их лакеями монархии.

Статьи Френо не являлись забавным чтением для Гамильтона. Они осмеивали его идеи и его персону. Вызов этот не мог поэтому игнорировать Гамильтон. Он был, как сам говорит, «совершенно убежден», что за Френо стоял Джефферсон. Государственный секретарь и его лейтенант Мадисон, возглавлявший виргинцев в Конгрессе, отмечал с досадой Гамильтона, были определено «враждебны ко мне и к моей администрации». А злоба, как известно, является плохим советником и вспыльчивый Гамильтон совершил очень серьезную ошибку. Ужаленный «Национальной газетой», он напечатал анонимный выпад против Френо.

Подписанная псевдонимом «Американец», статья Гамильтона вызвала фурор. Она обвиняла Френо в том, что он являлся орудием Джефферсона, что его оплачивали из правительственных

фондов и что он имел даже слабое представление о французском языке, с которого должен был переводить. Затем статья устремляла свое внимание на Джефферсона и громила его за все политические грехи. Статья называла государственного секретаря врагом правительства, отстаивавшего «национальное разъединение, национальную незначительность, общественный беспорядок и дискредитацию».

Верный своим методам Джефферсон оставил статью без ответа. Но ответил Френо. Он отправился к мэру Филадельфии и под присягой показал, что Джефферсон никогда не нанимал его для издания газеты, никогда ему за это не платил и не написал для газеты ни одной строки. Его собственное поведение, сказал Френо, было «свободным и не подверглось никакому влиянию извне». Всё это было правдой, потому что Френо разделял политические взгляды Джефферсона.

Гамильтон, продолжавший писать под псевдонимом «Американец», отказался поверить данным под присягой показаниям Френо и заявил, что «находящийся на пенсии субъект» является таким же лжецом, как его покровитель Джефферсон. Но Гамильтону так и не удалось найти доказательств, что Джефферсон создал газету Френо, и он вынужден был отказаться от своих обвинений. Это нанесло удар по престижу министра финансов.

Через несколько дней после первого нападения, Гамильтон возобновил борьбу и напечатал серию из шести статей, подписанных псевдонимом «Катулл».* Он повторил старые и добавил новые об-

* Все они были напечатаны в «Газете Соединенных Штатов» Фенно. Первая статья появилась 15 сентября 1791 г., вторая — 19 сентября, третья — 29 сентября, четвертая — 17 октября, пятая — 24 ноября и шестая — 26 декабря.

винения. «Катулл» беспощадно критиковал государственного секретаря, называл его врагом конституции, проводником сомнительных дел и лицемером.

То, что «Катулл» был псевдоним Гамильтона, стало быстро известно и превратилось в большую сенсацию. Нельзя было пройти равнодушно мимо резких нападок члена правительства на своего коллегу, принимая особенно во внимание, что было это очень редким явлением. Инцидент этот особенно огорчил человека, который стоял по своему положению над обоими противниками, и человек этот был — президентом Вашингтоном. Будучи сдержанным и осторожным человеком, президент не мог понять столь страстной полемики, которая велась враждующими газетами. Он был пресыщен политикой, а теперь два его ближайших помощника схватились за книжалы. Президент опасался, что эта вражда может привести к распаду республики.

Вашингтон, которому исполнилось 60 лет и здоровье которого пошатнулось, мечтал уйти на покой. За несколько недель до начала газетной войны, президент вызвал к себе мудрого маленького Джемса Мадисона и обсудил с ним вопрос о возможном преемнике. Вашингтону хотелось выяснить, готов ли государственный секретарь выставить свою кандидатуру на президентский пост. Зная настроение своего друга, Мадисон выразил сомнение. «...что касается мистера Джефферсона», сказал Мадисон президенту, «то, принимая во внимание его крайнее отвращение к общественной жизни, и боязнь обменять ее на свою ферму и философию, представляется весьма сомнительной... возможность получения его согласия; но если даже оно будет получено, не явятся ли мест-

ные предрассудки в северных штатах... препятствием к его назначению».

Президент оказался «весьма неудовлетворенным» мнением Мадисона. Ему не хотелось снова выставлять свою кандидатуру в 1792 году и он надеялся найти преемника, который имел бы шансы быть избранным и мог бы справиться с возложенной на него задачей. Но в Америке не было ни одной видной политической фигуры для замены Вашингтона в тот момент, когда стране грозил раскол. Джефферсон и Гамильтон отдали себе в этом отчет и уговорили Вашингтона выставить свою кандидатуру на второй срок. Непрочное единство республики зависело от жизни одного человека.

Непоколебимое чувство долга заставило Вашингтона пожертвовать своими намерениями и согласиться выставить свою кандидатуру на второй срок. А теперь два талантливейших члена его кабинета вели открытую войну, грозившую стране расколом, во избежание которого и только уступая просьбам тех же самых министров, он согласился выставить вторично свою кандидатуру. Терпению президента пришел конец и он обратился к воюющим сторонам с призывом соблюдать умеренность.

Письмо Вашингтона застало Джефферсона в Виргинии. Он достаточно хорошо знал осторожного президента, чтобы понять, что содержащийся в его письме «совет» был на самом деле выговором. Уязвленный критикой президента, Джефферсон в ответном письме, содержащем почти 3 000 слов, решительно выступил в защиту своей позиции. Политику Гамильтона он подверг резкой критике, обвинил его в коррупции Конгресса и решительно отверг свое участие в подстрекательстве и в воздействии на Френо в связи

с нападками последнего на министра финансов. Ниже приводятся выдержки из письма Джефферсона.

Себя он защищал против обвинений Гамильтона, что он будто настроен враждебно к конституции:

«Обвинение это ложно. Я полагаю, что в Соединенных Штатах нет человека, который одобрил бы все параграфы конституции, но и нет такого, который одобрил больше параграфов, чем это сделал я. И во всяком случае моим обвинителем было меньше одобрено параграфов, нежели мною и большинство неодобренных им параграфов были явно республиканскими. Несколько писем (их, я полагаю, было меньше полудюжины), написанных мною на эту тему, являются лучшим тому доказательством; для моего собственного удовлетворения и оправдания, я попрошу вас ознакомиться с этими письмами по моем возвращении. Тогда вы убедитесь, что моим единственным возражением против конституции явилось желание добавить к ней билль о правах, обеспечивающий свободу совести, свободу слова, свободу от постоянной армии, суд присяжных, неприкосновенность личности. Лозунг Гамильтона сводился к желанию иметь короля и палату лордов. Дух Америки согласился с моими возражениями и добавил к конституции билль о правах, а не короля и лордов».

Он решительно выступил также за защиту свободы печати и упомянул о газетах Френо и Фенно:

«Что касается заслуг и недостатков его (Френо) газеты, то они меня совершенно не касаются. Он и Фенно ведут борьбу за расположение публики. Один использует для этого лесть, другой — осуждение и я полагаю необходимым признать, что один столь же подобострастен, сколь суров другой. Но не нарушается ли достоинство и даже бла-

гопристойность правительства, если один из главных министров выступит в роли анонимного автора в защиту одного из этих людей? Правительство должно обходиться без цензоров и, когда печать свободна, никто не захочет быть ими. Если правительство целомудренно, ему не придется бояться справедливых нападков и защиты. Природа не дала человеку других средств для отсечения правды в религии, законах или политике. Я полагаю, что для правительства весьма достойно не знать или не обращать внимание на своих подхалимов или критиков и совершенно недостойно баловать одних и преследовать других».

Свое письмо он заканчивал указанием на свое желание уйти в отставку, когда окончится срок этой администрации и предупреждал президента, что в качестве частного лица будет считать себя свободным выступить в свою защиту против распространяемой Гамильтоном клеветы. Он слишком высоко ценит свою репутацию, какую он пользуется среди американских граждан, чтобы разрешить марать ее такому человеку, каким является министр финансов:

«Я не потерплю, чтобы мой покой был нарушен клеветою человека, история которого, с того момента, как она стала его снисходительно замечать, заполнена махинациями против свободы страны, не только приютившей и давшей ему хлеб, но осыпавшей его голову почестями. Однако, я еще раз выражаю мою надежду, что мне не придется прибегнуть к этим мерам. Как бы я мало не был знаком народу Америки, я полагаю, что американцы знают меня не как врага республики, или интригана против нее, или растратчика ее доходов, или сторонника мер, содействующих коррупции».

9

30 сентября, т. е. через три недели после отправки письма, Джефферсон посетил Маунт Вернон. Он провел ночь в доме президента на Потомаке. Утром, перед завтраком, два виргинца имели длинный и откровенный разговор. Джефферсон записал этот разговор в своем «Анакс», секретном и временами невоздержанном политическом дневнике.

Президент выразил желание, чтобы государственный секретарь пересмотрел свое решение уйти на покой. Он попытался убедить Джефферсона, что «не видит другого кандидата» на его пост. Ему вполне понятно стремление государственного секретаря покинуть свой пост, принимая во внимание обременительность его обязанностей. «Никто не любит больше церемоний, связанных с выполнением своих обязанностей и он сам, по крайней мере, не испытывает никакого удовольствия от выполнения своих функций».

Но чувство долга, сказал своему гостю Вашингтон, сильнее личных желаний. Поэтому президент не считал возможным уклониться от «жертвы продления срока своих обязанностей». Неужели государственный секретарь не последует этому примеру?

После этого разговор перешел на тему, особенно волновавшую президента, — на конфликт между Джефферсоном и Гамильтоном. Вашингтон подчеркнул, что его удручает тот факт, что политические разногласия между двумя министрами зашли так далеко, что превратились в «личные разногласия» и ему хотелось бы выступить поэтому в качестве «посредника». Не защищая и не критикуя Джефферсона или Гамильтона, прези-

дент сказал, что правительство нуждается в них обоих и что для примирения, он полагает, «необходимо прежде всего считаться с его мнением в административных делах и не дать вещам зайти слишком далеко».

Призыв этот был очень ловким, но Джефферсон заметил, что был смущен монархическими махинациями Гамильтона. Президент тотчас же опроверг существование монархического движения в стране; а если такие настроения и имеются, то многого они не стоят — «он не верит, что те десять человек в Соединенных Штатах, которые разделяют это мнение, заслуживают какого-либо внимания».

Джефферсон возразил, что «таких людей значительно больше, чем президент себе представляет». Он выразил убеждение, что «несмотря на здравый смысл народа, имеются многочисленные поклонники монархии. Одним из этих людей является министр финансов». Он приписал Гамильтону слова, что «эта конституция является неопределенной смесью воды с молоком, что долго существовать она не может и является только хорошим шагом на пути к лучшему». Джефферсон добавил, что в Конгрессе существует влиятельная группа, получившая выгоду от финансовой политики Гамильтона и готовая поэтому «следовать его указаниям».

Президент откровенно признал существование подобной группы в законодательных учреждениях, но выразил сомнение в «возможности правительства» избежать подобного рода явлений. Джефферсон отказался согласиться с этой точкой зрения. «Я сказал ему, что существует большая разница между случайными преследующими

собственные интересы группами людей, неизбежными в каждом обществе, и невозможностью воздействовать на их голоса, и целой организацией заинтересованных лиц, постоянно находящихся в распоряжении казначейства».

Президент признал, что финансовая система Гамильтона имеет много критиков, но высказался за необходимость оставить ее на испытание времени. До сих пор, продолжал Вашингтон, политика Гамильтона была успешной — он пришел к власти, когда «наше положение было отчаянным и наш кредит потерян и затем всё это внезапно переменилось и благосостояние достигло небывалой высоты». Джефферсон воздержался от возражений на эту тему и президент снова «принялся меня убеждать не принимать окончательного решения об уходе на покой».

В тот же день Джефферсон покинул Маунт Вернон и поехал в Филадельфию. Как только он приехал в столицу, он тотчас же исполнил данное Вашингтону обещание и переслал ему копии своих писем о конституции. Это придало еще больше жару, так как явилось доказательством ложности обвинений Гамильтона и содействовало обострению конфликта между государственным секретарем и министром финансов. Президент сделал еще одну попытку уладить этот конфликт. Он написал Джефферсону письмо с выражением глубокого уважения и обратился с трогательной просьбой о примирении с Гамильтоном.

Несмотря на свое восхищение перед президентом и чувство благодарности за выраженное ему доверие, Джефферсон не видел возможности какого-либо компромисса между ним и министром финансов. Гамильтон всё еще продолжал утверждать, что только «монархия может обеспечить

устойчивое и надежное правительство» и намеренно создавал привилегированный класс финансистов и рантье. Членов Конгресса и администрации, подстрекаемых Гамильтоном, соблазняла игра на бирже и спекуляция. И это поведение, со стороны представителей народа, возмутило Джефферсона. Когда его попытались привлечь к этим операциям и предложили заработать деньги в каком-то финансовом предприятии, он ответил:

«Когда я впервые занялся политикой (это случилось 24 года тому назад), я пришел к решению не принимать участия ни в каких операциях для увеличения своего состояния и выставлять себя только за фермера, пока я являюсь должностным лицом. Я ни разу не нарушил этого завета; и я был неоднократно счастлив решать и действовать, как должностное лицо, свободное от всяких интересов, когда другие оказывались в затруднительном положении, в результате их пристрастия и личной заинтересованности. Таким образом я испытал от своего поведения больше удовлетворения, чем от возможного увеличения своего состояния».

Государственный секретарь твердо решил покинуть свой пост, чтобы развязать себе руки для борьбы против политики Гамильтона. В тот момент, однако, восторжествовали призывы президента и Джефферсон временно остался на своем посту. Джеймс Мадисон убеждал его тоже не уходить из правительства. Опытный конгрессмен от Виргинии долго разъяснял Джефферсону опасность ухода в отставку под огнем противника. Мадисон говорил своему другу, что он может «уйти из политической жизни» только тогда, когда возможно будет «оправдать свой поступок в глазах всех хороших граждан и опереться на их

поддержку». Во всех случаях Джефферсон считал Мадисона лучшим своим советником, постоянно заботившемся об его будущем.

10

Осенью 1792 года, когда политические дразги обострились настолько, что старые друзья пересекали улицу во избежание разговоров при встречах, Джордж Вашингтон с большой неохотой выставил свою кандидатуру на переизбрание. Коллегия выборщиков единогласно высказалась за эту кандидатуру. Избрание Вашингтона было знаменательным по целому ряду причин и одной из этих причин явилось появление собственной партии Джефферсона — республиканской, как политической силы национального значения.

В некотором смысле, кампания 1792 года явилась проекцией конфликта Джефферсон—Гамильтон на национальной арене. Республиканцы повсюду вели борьбу против партии федералистов Гамильтона. Обе партии поддерживали кандидатуру Вашингтона в президенты, но вели жестокую войну за пост вице-президента. В конце-концов кандидат федералистов Джон Адамс одержал победу над выбором Джефферсона — Джорджем Клинтонем. За Адамса было подано 77 голосов против 50 — за Клинтоня. Поражение сторонников Джефферсона не оказалось очень серьезным. Они получили большинство в Конгрессе и избрали спикером Палаты Представителей человека, симпатизировавшего их взглядам.* Представля-

* Горожанина Фредерика Августа Конрада Мюлленберга от Филадельфии, бывшего федералиста, превратившегося в конце концов в сторонника Джефферсона.

лось также очень значительным, как особенно показало будущее, что большинство Юга голосовало за кандидата Севера в вице-президенты, выставленного Джефферсоном.*

Избранный президентом Вашингтон не радовался своему успеху. Второй срок пребывания его на посту начался в атмосфере разногласий и даже вражды. Ненависть и злоба одной части населения против другой, одного класса против другого, распространялись по Союзу.

Главным поводом явилась Французская революция. По мере развития событий во Франции (будь то взлеты и падения, в зависимости от точки зрения) — от протеста к бунту и от бунта к резне, потрясенные или восторгавшиеся этими событиями американцы страстно принимали ту или другую сторону. Страсти разгорелись до предела и в те дни, когда не было бейсбола или кино, единственной темой являлась политика.

Французская революция поделила Соединенные Штаты по классовым линиям. Состоятельный класс, особенно коммерсанты и промышленники, были склонны рассматривать французских революционеров, как в наши дни легкомысленные люди говорят о большевиках. Словом «якобинец» (оно часто применялось в отношении Джефферсона) пользовались для тех же целей, для каких пользуются теперь словом «красный». Простые и несостоятельные люди приветствовали Французскую революцию и видели в ней освобождение человечества от ига тирании и угнетения.

* Джордж Клинтон получил 21 электоральный голос Виргинии, 12 голосов Северной Каролины и 4 голоса Джорджии. Только два южных штата голосовали за Джона Адамса — Мэриленд (6) и Южная Каролина (7). Кентукки, принятый в состав Союза в том году, отдал свои 4 голоса Джефферсону (который не был кандидатом).

Раскол в общественном мнении отражался и в правительстве, особенно потому, что Джефферсон был верным другом Франции, французской культуры и ее политики. И вокруг Джефферсона кипела вражда. Он оказался единственным членом правительства Вашингтона, стоявшим на защите новосозданной Французской республики. Пытавшийся занимать примирительный средний курс в иностранной политике президент Вашингтон был, по существу, враждебно настроен к тому пути, который был избран французскими революционерами.

В аристократической Филадельфии «якобинский» государственный секретарь подвергся полному социальному бойкоту. Только три семьи принимали его у себя на дому. Бывшие друзья и знакомые переходили дорогу, когда видели его высокую приближавшуюся к ним фигуру.

По сравнению с замешанными в этот конфликт национальными интересами, личные обиды не имели большого значения. Потому что перед Соединенными Штатами, зависевшими от ввоза и вывоза товаров, стояло решительное испытание в области внешней политики. С 1778 года страна имела выгодное торговое соглашение с Францией; Великобритания, между тем, контролировавшая моря, была недружелюбно настроена к Америке. Политика Джефферсона сводилась к тому, чтобы продлить союз с Францией, независимо от событий в Париже. Влиятельный Гамильтон, однако, всегда стоял за сотрудничество с Англией и готов был даже проявить раболепство; а теперь, когда Франция находилась в руках революционеров, министр финансов оказывал давление на президента Вашингтона о желательности ведения про-британской политики. Гамильтон утверждал, что не видит «серьезных разногласий» между

правителями Англии и деловыми кругами Соединенных Штатов.

У Джефферсона не было возражений против дел с Англией, но для него проблема эта имела скорее политические, чем экономические последствия. Говоря откровенно, ему не нравился британский правящий класс и он был уверен, что этот последний презирает Америку. Но вопрос этот не ограничивался только антипатией. Пробританская ориентация Соединенных Штатов должна была в первую очередь привести к тому, что они бросили бы на произвол судьбы борющуюся Французскую республику в тот момент, когда она была окружена враждебным миром. Это привело бы к союзу с наиболее антидемократическими правящими кругами Европы, которые, контролируя моря и морскую торговлю, были в состоянии диктовать, или, по меньшей мере, повлиять на внутреннюю политику в Америке. Это, вероятно, понравилось бы Гамильтону, восхищавшемуся всем британским, но являлось для Джефферсона настоящим кошмаром.

Но еще сильнее страха Джефферсона перед британским влиянием было его убеждение, что от успеха или провала Французской республики зависит дальнейшее существование американской демократии. Ибо Джефферсон рассматривал политику с мировой точки зрения. В отличие от своих ограниченных современников, он понимал, что живет в революционную эпоху и что весь цивилизованный мир, особенно тот, который лежит на краю Атлантического океана, является единым. Успешная революция во Франции вызовет возбуждение повсюду. Провал революции во Франции нанесет повсюду удар по республиканизму, включая и Соединенные Штаты. Поддержка Джефферсоном республиканского и демокра-

тического строя на родине неуклонно вела его к превращению в чемпиона республиканизма и демократии за границей, особенно во Франции. Он не мог и не решался сойти с этой позиции.

Его вера во Французскую революцию подверглась жестокому испытанию, когда якобинцы захватили власть и принялись уничтожать своих врагов. Несмотря на свое возмущение убийствами, Джефферсона не ослепило отвращение к кровопролитию и он продолжал верить в успех Французской революции. Когда друг и протеже Джефферсона в Париже Уилльям Шорт написал ему горькое письмо о казнях, коснувшихся и его близких друзей, государственный секретарь ответил страстной защитой революции. Он написал — какое значение имеют жизни нескольких людей по сравнению со свободой всего мира? Во многих отношениях, письмо это является одним из самых замечательных, когда-либо написанных Джефферсоном:

«В борьбе, которая была необходима, погибло без суда много повинных людей и вместе с ними некоторые невинные. Этих последних я оплакиваю и буду оплакивать до дня моей смерти. Но я оплакиваю их так же, как оплакивал бы тех, кто погиб на поле сражения. Было необходимо воспользоваться оружием народу, этой машине, которая не так слепа, как пули и бомбы, но слепа до некоторой степени. Незначительному числу искренних друзей народа была уготована судьба его врагов. Но время и правда спасет и сохранит от забвения память о них, а их потомство будет наслаждаться той самой свободой, за достижение которой они, не задумываясь, пожертвовали своими жизнями. Свобода всего мира зависит от исхода этой борьбы и разве можно было достигнуть конечной цели со столь незначительным пролитием невинной крови? Мои личные чувства глубоко ранены судьбою не-

которых мучеников этой борьбы, но я предпочитаю видеть опустошение половины земного пространства провалу Французской революции. Пусть останутся в каждой стране только по Адаму и Еве, но да будут они свободными и это будет лучше теперешнего положения вещей».

11

Зимою 1793 года по Атлантическому океану гуляли штормы и ни одно судно не решалось выйти в море. Три месяца не было никаких известий из Европы. Только в апреле 1793 года, через месяц после избрания Вашингтона президентом, стали приходить корабли и привезли волнующие вести.

От путешественников и из старых европейских газет, американцы узнали, что в минувшем январе французы отрезали голову Людовику XVI. Впервые они узнали также о том, что Франция, их союзница в течение 15 лет, объявила войну Великобритании и Испании. Это приблизило конфликт непосредственно к дверям Соединенных Штатов. Получено было также известие, что французский полномочный посол высадился в Чарлстоне, Южная Каролина, и выехал в Филадельфию, чтобы заменить королевского представителя Де Тернана.

Новым послом Французской республики был легко возбуждающийся молодой человек по имени Эдмон Шарль Женэ. Некоторые историки высказали впоследствии мнение, что Женэ был не то ослом, не то клоуном. Ни тем ни другим он не был. «Гражданин» Женэ — человек аристократи-

ческого происхождения и прекрасного образования — порвал с роялизмом и аристократией, хотя одной из его сестер была написавшая свои воспоминания мадам де Кампан, фрейлина королевы Марии-Антуанетты. Он много путешествовал, имел научные интересы, был другом великих мыслителей, вроде Кондорсе,* и, поверх всего, восторженным республиканцем. В июне 1792 года он заслужил особое признание республиканцев, когда был выслан из России по распоряжению Екатерины II. Тот факт, что царица не одобрила республиканских взглядов Женэ, сделал его приемлемым для всех демократов повсюду.

У гражданина Женэ было много недостатков. Главным недостатком было отсутствие скромности и сдержанности. Для него Французская республика не была только родиной, а была, так сказать, побуждением. Он не рассматривал себя в качестве представителя только своей страны; он был миссионером идеи. А фанатик не нуждался в благоразумии.

Американцы помогли ему разжечь пламя энтузиазма. Из Чарлстона в Филадельфию Женэ ехал по отсталой стране, население которой горячо приветствовало представителя заокеанской дружественной республики. На него глазели, как на великого персонажа и принимали, как героя. Это не могло содействовать уменьшению его тщеславия. Он с восторгом писал, что «живет среди непрекращающихся приемов». «Старый Вашингтон завидует моим успехам и тому энтузиазму, с каким весь город устремляется к моему дому.»

Нужно отдать должное Женэ — он не был пос-

* Антуан-Никола Кондорсе (1743-94) — знаменитый французский математик. *Прим. переводчика.*

лан для исполнения обычных дипломатических обязанностей. Ему была преподана инструкция использовать Соединенные Штаты, как центр операций против Великобритании. Женэ было поручено экипировать капера для нападения на британские суда, набрать войска для захвата находившихся в испанских руках Флориды и Луизианы и добиться активного участия в войне Соединенных Штатов. Правительство поручило ему секретно воздействовать на американское общественное мнение, — «воздействовать путем анонимных изданий».

Когда Женэ направлялся в Филадельфию, чтобы вручить свои верительные грамоты президенту Вашингтону, в правительстве произошел раскол по вопросу о его приеме. Неодобрительно относившийся к Французской революции, особенно после казни короля, Гамильтон высказывался против признания новой республики и приема ее представителей. Министр финансов стоял за разрыв с Францией и за отказ от договора 1778 года, на том основании, что после смерти подписавшего этот договор монарха, — союз не является более действительным.

Гамильтон защищал хорошо знакомую государственному секретарю позицию и Джефферсону не стоило большого труда опровергнуть его доводы. Он сослался на несколько принципов либерально мыслящих политиков. Монарха, указал Джефферсон, нельзя рассматривать, как государство, а только, как его представителя. Источником власти в каждой стране, подчеркнул государственный секретарь, является не преходящий король, а народ, который остается. По существу, монарх только — символ власти. «Поэтому договоры между США и Францией не являются дого-

ворами между США и Людовиком Капетом,* а между двумя государствами — Америкой и Францией». Пока оба государства продолжают существовать, договоры независимо от перемены их правительств автоматически сохраняют свою силу.

Попутно Джефферсон сделал несколько едко-насмешливых замечаний. Американская республика, заметил государственный секретарь, жаждала быть союзницей деспотической Франции, а теперь, когда Франция сама превратилась в республику, — это не правится некоторым американским джентльменам. Неужели эти джентльмены, саркастически спрашивал Джефферсон, никогда бы не согласились заключить союз с Францией, если страна эта была республикой?

Президент Вашингтон и министр юстиции Рандольф согласились с государственным секретарем, что договор с Францией остается в силе и было решено принять Женэ. Гамильтон демонстративно присоединился к бывшему французскому послу де Тернану и надел траур по убитому Людовику XVI. Поступок этот вызвал мрачное замечание Джефферсона — «законченный контрреволюционер».

В начале мая в Филадельфию пришел французский фрегат «Засада», на котором Женэ приехал в Америку. На пути из Чарльстона фрегат захватил британский корабль и доставил его в виде трофея в порт. Трудно описать охвативший республиканских граждан Филадельфии энтузи-

* «Людовик Капет» была кличкой, которой французские революционеры презрительно называли Людовика XVI. Король постоянно этим возмущался (см. С. К. Падовер — «Жизнь и смерть Людовика XVI», Эпплтон-Сенчури, 1929 г., стр. 293). Джефферсон, обычно твердо придерживавшийся общепринятых рамок, воспользовался, очевидно, этой кличкой, чтобы досадить Гамильтону.

азм. Для встречи «Засады» в порту собралась огромная толпа. «Когда появилось судно», писал Джефферсон Монро, «тысячи и тысячи городских граждан наводнили набережные и верфи. Такого столпотворения никогда еще не было и когда толпа увидела британский флаг перевернутым, а над ним развевающийся французский, — восторгу ее не было предела».

Примерно в то же время Женэ приехал в Филадельфию. Ему была оказана встреча, как герою-победителю. «Большое скопление народа», по словам Джефферсона, встретило его у пристани паромы Грэй и до слуха француза донеслись громовые возгласы приветствий. Аплодисментам не было конца. Пыл Женэ не был задет весьма корректным, но не очень теплым приемом, оказанным ему президентом Вашингтоном. Полномочный представитель отправился к государственному секретарю и вручил ему свои верительные грамоты со следующими словами: «Мы видим в вас единственного человека на земле, который нас искренно любит и заслуживает такую же любовь». Обращение это очень понравилось Джефферсону. Он решил, что Женэ превратился в тот центр, вокруг которого образуются про-французские симпатии.

Но Женэ создал для государственного секретаря только затруднения и доставил неприятности. Его присутствие и деятельность всколыхнули ряд спешных вопросов. К чему сводятся договорные обязанности Соединенных Штатов по оказанию помощи своему союзнику в борьбе его против Англии? Допустимо ли со стороны Соединенных Штатов экипирование французских каперов? Какова окажется реакция Англии, если правительство Вашингтона разрешит каперство, т. е. морской разбой?

Если Женэ не поднял этих вопросов, то это сделал Джефферсон. Во время бурных заседаний кабинета, государственный секретарь предостерег президента от опасности быть замешанным в войну с могущественной морской державой, какой являлась Великобритания. Он настаивал не только на нейтралитете в англо-французской войне, но на союзе с Англией, т. е. с той страной, которой огромное большинство американцев не только боялось, но и не доверяло.

По мнению Джефферсона, Соединенные Штаты должны были сохранить по меньшей мере строгий нейтралитет и не оказывать помощь ни той, ни другой стороне. Это было не очень благородно по отношению к Франции, но этого требовала безопасность Америки. «Если мы сохраняем даже подлый нейтралитет», признавался Джефферсон в начале мая, «то этим мы обязаны только президенту, но никак его советникам». В конце-концов было решено придерживаться нейтралитета, ибо молодая республика, при всем своем желании помочь Франции, не могла подвергать себя опасности нападению могущественного британского флота.

Женэ, уверенный в том, что общественное мнение поддерживает его, не был удовлетворен пассивным нейтралитетом. Он полагал, что, согласно, договору 1778 года, имел право на позитивную поддержку и мог свободно использовать, например, американские порты. Больше того, он обратился с ходатайством о предоставлении ему средств в виде задатка по платежам, причитавшимся в счет долга Соединенных Штатов Франции.* Министр финансов наотрез отказался всту-

* Между 1775 и 1782 гг. Франция предоставила американским колониям 18 миллионов фунтов наличными для борьбы их против Англии.

пить по этому вопросу в какие-либо переговоры. Но и друг Франции — государственный секретарь — не оказал тоже никакой помощи со своей стороны.

«Подлый нейтралитет» не приходился по вкусу и не соответствовал убеждениям Джефферсона, но этого требовала создававшаяся обстановка, и позиция эта отвечала взглядам президента. Государственному секретарю приходилось только повиноваться. Когда к нему пришел Женэ и потребовал точного выполнения договора 1778 года, попавшему в неловкое положение государственному секретарю пришлось искать спасения в юридических отговорках, т. е. в софистике, которую Джефферсон презирал в устах других. «Этот государственный секретарь», доносил Женэ в Париж, «ищет оправдания в запыленных томах Ваттеля и Гроциуса».*

Гражданин Женэ считал юридические отговорки Джефферсона совершенно неприемлемыми. Франция сражалась за свою жизнь и свободу, как это делали американские колонии десять лет тому назад, и она нуждалась в помощи. Соединенные Штаты были союзником Франции; американский государственный секретарь был завзятым другом Франции. Поэтому к чему эти хитроумные увертки, когда речь шла о помощи?

В начале августа, к великому облегчению государственного секретаря, кабинет постановил предложить французскому правительству отозвать своего полномочного министра. «Он пото-

* Гуго Гроциус (1583-1645) — знаменитый нидерландский писатель и основатель науки международного права и философии права. *Прим. переводчика.*

пит республиканские интересы, если они не откажутся от него», сказал Джефферсон Мадисону.

Но Женэ, подобно сварливой старухе у Шекспира, оставил за собою последнее слово. До своей замены, он сделал то, чего старался убедить его не делать Джефферсон — француз опубликовал часть своей переписки с властями, пытаясь настроить народ против правительства. Он подверг также нападкам президента Вашингтона, который в глазах всех американцев, даже тех, которые были с ним несогласны, пользовался огромным уважением. Критика президента была привилегией американцев, но никак не иностранцев. Впечатление от этого «вмешательства иностранца» соответствовало предсказаниям Джефферсона — число сторонников Франции уменьшилось и общественное мнение перешло на сторону про-британских федералистов.

Даже сдержанный и терпеливый Вашингтон был задет ходом событий, особенно критикой своей иностранной политики в республиканской печати.

Особенно возмутили президента Вашингтона нападки, появившиеся в «Национальной Газете», так как Френо не следовал политике своего патрона Джефферсона, в принятии или осуждении нейтралитета в отношении Франции. Защищая Французскую республику поэт-редактор не щадил президента.

В заседании кабинета президент снова поднял вопрос о Френо. С Вашингтоном произошло то, что случалось очень редко — он потерял самообладание и пришел в страшную ярость. «Его обуяла», записал Джефферсон в своем секретном дневнике, «одна из тех страстей, при которой человек лишен возможности владеть собою... для него не существовало ни одного человека на зем-

ле... мотивы которого были бы благородными... и он клялся, что предпочел бы лежать в могиле, чем занимать свое теперешнее положение. Он предпочитал быть на своей ферме, чем императором вселенной».

Подобно Вашингтону, Джефферсон тоже пришел к заключению, что предпочел бы свое спокойное поместье «власти над всем миром». Он занимал уже общественные посты чуть ли не четверть века и в течение этого времени забросил свое поместье и свои личные дела. Что досталось ему от общественной деятельности, кроме ненависти, искажений и тьмы врагов? В пятьдесят лет он решил, что слишком состарился, чтобы играть роль в политическом мире.

Джефферсон вручил президенту свою отставку. Вашингтон стал снова уговаривать его остаться, но на этот раз даже личные призывы утомленного президента не подействовали на решение государственного секретаря. Он согласился остаться на своем посту только до конца 1793 года.

За три дня до Рождества 1793 года Вашингтон сделал еще одну попытку уговорить Джефферсона остаться на своем посту. Но воздействовать на государственного секретаря и заставить его переменить решение было невозможно. «Что касается этого вопроса», заметил Джефферсон, «то всё совершенно бесполезно».

31 декабря 1793 года, через четыре года после занятия поста государственного секретаря, Джефферсон послал свою отставку президенту: «Я беру теперь на себя смелость вручить вам свою отставку... Я уношу с собою наилучшие воспоминания о вашей доброте».

Президенту Вашингтону ничего другого не оставалось делать, как отпустить своего государственного секретаря. С большим сожалением он принял отставку и уведомил Джефферсона, что «молит Бога о счастье, которое», как надеется президент, «будет сопутствовать вам в дальнейшей жизни».

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ

(1797-1801)

В пятый день 1794 года Джефферсон навсегда распрощался, как он надеялся, с Филадельфией. 16 января он взбирался по извилистой дороге в Монтиселло, — мирное гнездо, которое должно было защитить его от новых бурь.

В течение последних трех лет ему пришлось много перенести неприятностей, уготовленных Гамильтоном. Никогда больше, повторял Джефферсон, он не соблазнится политической ареной, где волки и шакалы имеют обыкновение губить характер и репутацию человека. Он считал себя стариком и больным. На самом деле он не был ни тем, ни другим. В 50 лет он был полон энергии и ничего не свидетельствовало об его возрасте, за исключением небольшой седины у висков. Он просто устал и затаил обиду. Наилучшим лечением для его израненной души оказалась работа на свежем воздухе.

Джефферсон окунулся в нее с невиданным доселе рвением. «Я возвращаюсь к занятию сельским хозяйством», писал он Джону Адамсу, «с таким пылом, который не испытывал в моей юности... Вместо писания 10 или 12 писем ежедневно, как я это делал до сих пор, теперь я откладываю ответы на полученные письма до дождливого дня, как это делают все фермеры».

Занятие сельским хозяйством явилось его

единственным средством к существованию. Материальное положение его было ужасным. Известно, например, что он обратился к кому-то с просьбой одолжить ему 100 долларов. Плантации Джефферсона были разорены и требовалось много тяжелой работы и больших усилий для восстановления их продуктивности. Джефферсон имел 10 000 акров земли, но только 2 000 были использованы. Остальная часть была покрыта лесом или представляла неплодородную землю. Две тысячи акров в пользовании — звучит очень многозначительно, но в действительности этого было недостаточно. Эти акры должны были содержать не только семью Джефферсона, включая много родственников, но также 154 раба и их потомство. Ибо плантация зависела от труда этих рабов.

Джефферсон ненавидел и страшился института рабства. Он чувствовал, что рабство унижает как хозяина, так и работника. Одно из самых ярких, когда-либо написанных, осуждений рабства мы находим в «Заметках о Виргинии» Джефферсона:

«Общение между хозяином и рабом сводится к постоянному проявлению неистовых страстей, беспрестанного деспотизма с одной стороны и унижительного подчинения с другой. Наши дети видят это и учатся подражать нам; ибо человек является подражательным животным... Родители свирепствуют, ребенок наблюдает, схватывает отличительные черты гнева, поступает также в кругу рабов-ровесников, дает волю своим наихудшим страстям, и, таким образом, впитавший в себя, научившийся и прибегающий ежедневно к тирании, оказывается заклеянным ее отвратительными особенностями. Человек должен быть при этих условиях гением, чтобы сохранить свои манеры и неразвращенную мораль».

Но один плантатор не мог много предпринять в этом направлении. При существовании рабского труда, у плантатора не было другого выбора, как пользоваться дальше этим трудом или обанкротиться, освободив своих негров. Но освобожденные рабов, тоже не являлось разрешением вопроса. Освобожденным рабам было невозможно найти работу в мире рабства и они были бы осуждены на нищество или голодную смерть. Больше того, рабы не были морально и технически подготовлены для самостоятельного существования в соперничающем мире.

На плантации Джефферсона было 249 голов скота, 390 свиней, 5 мулов и 34 лошади. Из последних, 8 или 9 лошадей были предназначены исключительно для верховой езды. После возвращения из Филадельфии Джефферсону понадобилось много месяцев, пока он смог одолжить 50 долларов и купить на эти деньги несколько овец.

Джефферсон обнаружил, что во время его отсутствия земля его была опустошена до такой степени, которая «далеко превзошла мои самые худшие ожидания». Поэтому было совершенно необходимо вылечить нанесенные земле раны и дать земле передышку. Для этой цели Джефферсон разделил свои обрабатывавшиеся земли на четыре крупные фермы. Каждая из этих ферм имела по 6 полей величиною в 40 акров. Это дало возможность ввести 6-летний севооборот, т. е. каждое из полей вспахивалось с промежутком в шесть лет. Например, на первом поле сеялась пшеница, на втором — кукуруза, на третьем — рожь или пшеница, на четвертом и пятом — клевер и на шестом — гречиха. Чередование с новым усовершенствованным способом вспашки земли, пионерами которого оказались в Америке

Джефферсон и Вашингтон, спасало землю от истощения.

Джефферсон ввел систему в управление и изобретательность в работу. Каждая ферма была самостоятельной единицей, имевшей своего собственного управляющего. Работы на каждой ферме производились 4 рабами и 4 рабынями, в распоряжении которых находилось 4 вола и 4 лошади. Земли Джефферсона, однако, не вспахивались только рабами и волами. Хозяин, обладавший богатым изобретательским чутьем, оказался одним из первых американцев, использовавших сельскохозяйственные машины. На плантации Джефферсона имелась молотилка, которую перевозили с места на место и весила она приблизительно тонну. Машина эта была в состоянии ежедневно смолотить 150 бушелей. Была там и рядовая сеялка, изобретенная одним из соседей Джефферсона.

Толковое управление и правильная планировка дали, в конце концов, результаты. Через два года после возвращения Джефферсона из Филадельфии, производительность его плантации была одной из лучших во всем штате.

На шестом десятке Джефферсон продолжал оставаться худым, седеющим чудаковатым фермером и чувствовал себя несчастливейшим из смертных и любящим отцом. Он был уверен, что политические вождедения не дремали в его груди. Он избегал всякого «вмешательства в общественные дела» и отказывался принимать участие в политической деятельности. «Я вернулся», говорил он своему французскому другу, «с безграничным аппетитом к моей ферме, моей семье и моим книгам, и твердо решил не вмешиваться в то, что выходит за эти пределы».

Но Джефферсону пришлось разочароваться. Он сделал ошибку, когда решил, что внешний мир оставит его в покое с его книгами и его семьей. Он также обманывал себя, полагая, что является просто фермером в отставке. Да и самому Джефферсону было трудно согласиться с тем, что он сможет устоять призыву на защиту правого дела или искушению проявить себя на более крупной, чем Монтиселло, арене. Несмотря на свое терпение и уравновешенность, он не мог не прислушиваться к требованиям внешнего мира. А поток писем в Монтиселло не прекращался и туда приезжало много друзей.

Друзья его, особенно Мадисон, с большой осторожностью пытались воздействовать на Джефферсона и заставить его отказаться от ухода на покой. Мадисон постоянно забрасывал удочку, чтобы разбудить честолюбие Джефферсона. Умело распушенные слухи о том, что Джефферсон является кандидатом в президенты, стали появляться в печати. Джефферсон был осведомлен об этих сплетнях из писем.

Он решительно протестовал и заявлял, что вовсе не стремится стать президентом, но протесты эти преподносились в двусмысленном виде. Он настаивал, что не желает занимать столь высокого поста, но воздерживался от категорического заявления, что поста этого не примет. В письме Мадисону, написанному весной 1795 года, Джефферсон отрекался от всех политических амбиций: «Небольшое честолюбие, которое я испытывал в моей молодости, давно испарилось и теперь я еще меньше забочусь о моем бессмертье, чем о настоящем». Но одновременно он указывал своему другу, что заинтересован в том, чтобы его партия, республиканская, не потеряла голосов на будущих выборах. Другому своему корреспон-

денту он сознавался, что был «горячим сторонником достижения и обладания всем человечеством такой свободы, какой мог бы пользоваться всякий, не нанося ущерба подобной же свободе своего соседа». Как то трудно связать намерение удалиться от политики с желанием видеть свою партию в роли победительницы и проповедью о достижении полной свободы человеком. Для достижения обеих целей необходима была борьба и это было известно Джефферсону лучше, чем кому-либо другому.

Письма его свидетельствуют о пережитой внутренней борьбе — о конфликте между счастливым политическим бездействием и сильным честолюбием направлять события. Чтобы затушить свое пламя честолюбия, Джефферсон пошел так далеко, что отказался от чтения газет. «Я читаю очень мало», писал он осенью 1795 года госпоже Трист, «и не заглядываю в газеты, чтобы не нарушать своего спокойствия ложью и безумием».

Но как Джефферсон не старался, он не мог заглушить политических голосов, достигавших Монтиселло.

2

Когда наступил выборный 1796 год, — всем было известно, что президент Вашингтон не выставит на третий срок своей кандидатуры. На второй срок он согласился баллотироваться с большой неохотой, а теперь он был изможден, чувствовал себя плохо и питал отвращение к политике.

Ни в ком не возбуждало сомнений, что вице-президент Джон Адамс будет кандидатом в президенты. Он мог рассчитывать на поддержку федералистов и значительного большинства консервативных элементов. Но кто будет кандидатом

республиканцев и более левых демократических элементов? Для друзей и сторонников Джефферсона ответ на этот вопрос не возбуждал никаких сомнений. Для плантаторов Юга, фермеров Запада, ремесленников Севера существовал только один представитель республиканских сил и человек этот был Томасом Джефферсоном.

В то время не существовало еще конвентов, избиравших кандидата. Выработка программы и выбор кандидата зависел от немногих руководящих деятелей каждой политической партии. Некоторые из этих персонажей, как, например, Аарон Берр от Нью-Йорка, были политическими «боссами»; другие, как Александр Гамильтон, превратились в лидеров, в результате своих выдающихся заслуг.

В начале февраля 1796 года, Джемс Мадисон, игравший такую же роль в республиканской партии, какую играл Гамильтон у федералистов, обратился к Джефферсону с призывом выставить свою кандидатуру. Свой призыв Мадисон обосновал исторической необходимостью. В своем призыве он говорил о кандидатуре Джефферсона, как об его «историческом долге»; «Я заклинаю вас не мешкать и тем менее отказываться от вашего исторического долга» — Мадисон подчеркнул это слово. «Вы обязаны этим самому себе, правде, всему миру».

План Мадисона заключался в том, чтобы заставить республиканских лидеров выставить кандидатуру Джефферсона и поставить последнего перед свершившимся фактом. Он опасался только того, как это видно из признания Мадисона своему ближайшему сотруднику по республиканской партии Джемсу Монро, что их кандидат объявит во всеуслышание о своем отказе и погубит партию на предстоящих выборах.

3

Политическое уединение Джефферсона и нежелание выставить свою кандидатуру в президенты вызывало, тем не менее, некоторое беспокойство у его противников. Они заподозрили его в двойной игре. Pamфлетист федералистов Уильям Лотон Смит высмеял Джефферсона за то, что он делает вид будто хочет удалиться от политической деятельности. Смит утверждал, что уединение Джефферсона являлось просто на просто хитростью для «сокрытия своих честолюбивых намерений и для того, чтобы в нужный момент выставить свою кандидатуру на высший пост в государстве».*

Выборы приближались, а Джефферсон продолжал играть роль сфинкса. Он не писал политических писем своим друзьям и ни разу не выступил в печати. «Уж очень давно», признался он в то время Монро, «я положил себе за правило, никогда не выступать в печати». Своих друзей он держал в полной неизвестности.

Позиция его была настолько двусмысленной, что враги обвинили Джефферсона в лицемерии и это обвинение преследовало его всю жизнь и пристало после этого к его репутации. В его поведении, однако, не было никакого лицемерия. Он был искренним в желании не иметь ничего общего с политической деятельностью, но проявлял такую же искренность в желании видеть победу своих идеалов. Он твердо верил, что поступал не только правильно, но и в интересах на-

* У. Л. Смит — «Разбор притязаний Томаса Джефферсона на президентство и опровержение обвинений против Джона Адамса», Филадельфия, октябрь 1796 г. Экземпляр этой книги можно найти в зале редких книг Библиотеки Конгресса.

рода. Поэтому, если в его поведении усматривали хитрость, то это было просто самообманом.

Наступила осень, а Джефферсон хранил полное молчание. Республиканцы приняли его молчание за согласие и назначили его своим кандидатом в президенты. Аарон Берр от Нью-Йорка был вторым кандидатом. Федералисты избрали Джона Адамса и Томаса Пинкни. Джефферсон принял назначение. Это вытекало из того, что он не заявил протеста. Но у всех и даже у его собственной семьи создалось впечатление, что он относится к этому факту с полным безразличием.

Президентские выборы в то время были не простыми и не прямыми. В каждом штате коллегия выборщиков одновременно голосовала за президента и вице-президента, не решая вопроса, какой из кандидатов получит первое место и какой — второе. Результаты голосования отсылались затем в национальную столицу для подсчета. Кандидат, получивший большее число голосов, провозглашался президентом и второй по количеству голосов — вице-президентом. Если два первых кандидата имели равное число голосов, выборы решались в Палате Представителей, где каждый штат имел один голос. Принимая во внимание медленность сообщений, требовалось много недель, пока результаты голосования в отдельных штатах доходили до национальной столицы.

В середине декабря Джефферсон пришел к убеждению, что выборы обернутся против него. В качестве опытного политика он знал, что выйти победителем на выборах без предварительной подготовки невозможно, а он в действительности ничего не сделал для организации предвыборной кампании. Джефферсон предложил Мадисону, что в случае равного числа голосов, поданных за не-

го и Адамса, республиканцы должны отдать предпочтение его сопернику. «Я прошу вас и полностью вас уполномочиваю ходатайствовать от моего имени о том, чтобы предпочтение было отдано мистеру Адамсу».

Прекрасно осведомленный о создавшейся ситуации и находившийся в тот момент в Филадельфии Мадисон отдавал себе отчет, что президентом будет избран Адамс, а Джефферсону придется удовольствоваться вторым местом. Зная чувствительность Джефферсона, Мадисон опасался, как бы тот не отказался от вице-президентства. Это нанесло бы удар его политической репутации. Обеспокоенный о будущем Мадисон, спешно отправил Джефферсону письмо: «Вы обязаны подчиниться результатам, какие они не были бы. Представляется самым **существенным**, чтобы вы не отказались от того общественного положения, которое уготовит вам судьба».

Джефферсон, тем временем, надеялся, что ему не достанется победа на выборах. «Я клянусь», сказал он одному из своих друзей, что в случае неудачи «буду радоваться от всего сердца». С одной стороны, пост президента его соблазнял, а с другой — страшил. Он вспоминал пережитые Джорджем Вашингтоном муки на этом посту. Он отдавал себе отчет, что президент являлся мишенью для всякого безответственного критика и продажного писака. Такие виды не могли соблазнить человека, любившего спокойно заниматься сельским хозяйством и не стремившегося к власти.

Результаты выборов соответствовали предположениям Джефферсона. В феврале 1797 года электоральные голоса были, наконец, подсчитаны. Джон Адамс получил 71 голос, а Джефферсон — 68. Таким образом Адамс оказался президентом, а Джефферсон — вице-президентом.

Главным сюрпризом выборов явилось распределение голосов. Когда Джефферсон проанализировал результаты голосования, то оказалось, что победа его зависела от очень малого. Два лишних голоса, поданных за него, а не за Адамса, обеспечили бы ему пост президента. Ибо три голоса, полученных Адамсом, приходились на штаты, твердо стоявшие за Джефферсона. Адамс получил по одному голосу в Пенсильвании, Виргинии и Северной Каролине: все остальные голоса этих штатов были поданы за Джефферсона.

Для Джефферсона стало ясным, что выборы 1796 года содержали в себе залог будущего успеха. Если Юг останется оплотом республиканцев, а не было никаких оснований предполагать, что будет иначе, то для победы в 1800 году ему потребуется только Пенсильвания. На этот раз за него было подано 13 из 14 голосов Пенсильвании. В следующий раз, партия позаботится о том, чтобы все голоса пошли в его пользу. «Дайте нам возможность», писал он Мадисону, «обработать Пенсильванию и тогда нам никого не придется бояться во всем мире.»

20 февраля 1779 года избранный вице-президентом Томас Джефферсон покинул Монтиселло и поехал в Филадельфию. Он доехал в фаэтоне до Александрии и затем, отправив своего слугу Юпитера с лошадьми домой, пересел в почтовую карету и направился в столицу. Он приехал в Филадельфию за два дня до инаугурации.*

Потерпев поражение тремя голосами, Джефферсон относился к посту вице-президента с большой долей прохладца. Пост этот был почетным, но незаметным.

* Вступление в должность. *Прим. переводчика.*

Инаугурация не являлась собственно спектаклем для Джефферсона и он рассчитывал пробраться в Филадельфию незаметно и без всякого шума. Но друзья его были начеку и как только он был обнаружен в его честь раздался пушечный салют. Отряд милиции сопровождал его в город и нес знамя, на котором было написано: «ДЖЕФФЕРСОН — ДРУГ НАРОДА».

В субботу утром, 4 марта, Джефферсон вошел в здание Сената и был приведен к присяге, в качестве вице-президента и председателя Сената. 54-летний вице-президент, одетый в черное, был необычной фигурой. Он был попрежнему худым и стройным, как в молодости, но в рыжих волосах его просвечивала седина. Длинноногий, с острым подбородком, густыми бровями и говоривший низким голосом без всяких жестов, — он производил впечатление очень уравновешенного человека, не делившегося с другими своими мыслями. «Он говорил», утверждает его современник, «подобно человеку, рассматривавшему себя достойным уважения».

После инаугурационной речи президента Адамса произошел незначительный драматический инцидент. Когда Адамс покидал зал и Джефферсон последовал за ним, он внезапно увидел поднимавшегося со своего места высокого Джорджа Вашингтона, готовившегося последовать их примеру. Соблюдая сугубую учтивость, Джефферсон посторонился, чтобы дать Вашингтону возможность пройти. Но бывший президент был так же вежлив, как и Джефферсон и настоял на том, чтобы новый вице-президент прошел первым. Смущенному Джефферсону пришлось подчиниться под аккомпанимент одобрительных восклицаний.

Не протестуя больше против возвращения к политической деятельности, Джефферсон размеренными шагами приступил к осуществлению планов для разгрома федералистов и их идеологии. Для этого имелось два пути. Одним из них являлось превращение республиканской партии в мощный боевой инструмент. Другой заключался в том, чтобы набрасываться, подобно ястребу, на всякий промах федералистов и использовать его до конца.

Джефферсон имел свежее и весьма демократическое представление о функциях политических партий. Другие, включая Вашингтона, относились к политическим партиям с отвращением и рассматривали их, как рассадник расколов и колыбель раздоров. Джефферсон оказался одним из первых великих политических деятелей, для которого политические партии были совершенно необходимы для самоуправления. Оппозиционные партии были нужны не только, как средство для выражения политических целей и страстей, но и для контроля партии, находящейся у власти. Без политических партий не могло быть и речи о самоуправлении:

«...в каждом свободном и разумном обществе должны быть, отвечающие природе человека, оппозиционные партии, громкие разногласия и нелады; и одна из этих партий должна, как это бывает обычно, восторжествовать на долгое или на короткое время над другими. Возможно, что деление на партии необходимо, чтобы заставить каждого наблюдать и доводить до сведения народа действия другой».

В представлении Джефферсона партия должна была быть жестким, но вместе с тем и гибким инструментом. Партия сама по себе была еще недо-

саточным орудием, чтобы добиться власти. Требовалось движущее начало. И федералисты отлично отдали себе в этом отчет. Руководимые Гамильтоном, федералисты предложили президенту Адамсу объявить войну Франции. Президент отказался это сделать. Цель его сводилась к тому, чтобы усилить уважение к американскому флагу, а не проливать американскую кровь. Тем не менее было приступлено к осуществлению значительной оборонительной программы. Создавались военные кадры, вооружались торговые суда, регулярная армия была сильно увеличена, создан корпус морской пехоты, было одолжено 7 миллионов долларов и был расторгнут договор с Францией. Вице-президент Джефферсон подписал контракт с американским изобретателем Эли Уитни о поставке 10 000 мушкетов. Страна находилась фактически в состоянии необъявленной войны с Францией.

Программа обороны сопровождалась бряцанием оружия и это в свою очередь содействовало росту нетерпимости и преследованиям прогрессивных деятелей. Оправданий этой нетерпимости и преследований было вдоволь. Страна находилась в состоянии беспокойства, а правительство — в страхе. Обвинения сыпались на якобинца Джефферсона и особенно на иностранцев. Страна приютила много беженцев, ссыльных и родившихся за границей агитаторов. Большинство из них были хорошими людьми и только незначительное меньшинство, главным образом французы и ирландцы, были радикалами. Среди наиболее известных, рожденных за границей людей, находились британский ученый Томас Купер, шотландский политический публицист Джемс Тонсон Каллендер, французский экономист и основатель династии нынешних Дю Понов — Дю Пон де Немур,

английский химик Джозеф Пристли, швейцарский экономист и государственный деятель Альберт Галлатэн. Все эти люди подвергались яростным клеветническим нападкам со стороны федералистов.

Распространялись слухи о вооруженных ирландцах и якобинцах, готовых будто напасть и покончить с Соединенными Штатами. Один из сенаторов-федералистов сказал, что Пенсильвания переполнена «объединившимися ирландцами, масонами и презирающими Бога демократами, которым место в аду!» Профессиональные патриоты задавали истерики, а клубные дамы (или то, что им тогда соответствовало) дрожали от волнения. Верхние классы, особенно в Новой Англии, «быстро пугались». Благородные матроны опасались быть зарезанными в постели или еще более страшной судьбы, которую им уготовят безбожные французы и дикие ирландцы. И кого следовало осуждать? Конечно, Джефферсона!

5

Летом 1798 года Конгресс, вопреки совету хладнокровных голов Федералистской партии, принял законы «о чужестранцах» и «о подстрекательстве», направленные против агитации и чрезмерной критики администрации Адамса. Закон о «чужестранцах» предоставлял президенту право высылать всех лиц, которых он «считал опасными для мира и безопасности Соединенных Штатов» или «заподозренных в предательских или секретных махинациях против правительства.»

Закон «о подстрекательстве» предусматривал штраф в размере не больше 2 000 долларов и

тюрьму на срок не больше 2 лет, за писание, печатание, издание или опубликование «любого лживого, скандального или клеветнического материала или писаний против правительства Соединенных Штатов... с намерением порочить... или в целях... вызвать презрение или навлечь дурную славу; или возбуждения против него... ненависти со стороны прекрасного народа Соединенных Штатов, или в целях подрывной работы внутри Соединенных Штатов, или для совершения незаконных поступков.»

Закон «о подстрекательстве» был настолько широк, что фактически уничтожал Билль о правах. Федералисты готовились одним махом покончить с республиканцами, сторонниками Джефферсона, якобинцами и с радикализмом вообще. Если во время этой борьбы пострадают демократические основные республики, думали они, то это тоже будет к лучшему.

Законы эти были приняты, если так можно выразиться, при помощи молотка Джефферсона. В качестве председателя Сената, он добросовестно воздерживался от какого-либо вмешательства. Джефферсон отдавал себе отчет, что федералисты делают всё для собственного самоубийства и не видел необходимости предупреждать их об этом.

Но и остановить эту вспышку реакции было невозможно. Для республиканцев Джефферсона, законы «о чужестранцах» и «о подстрекательстве» были, конечно, ядом. С этим соглашались и более разумные федералисты. Джон Маршалл, например, считал эти законы бесполезными и неразумными. Александр Гамильтон, несмотря на всю свою ненависть к сторонникам Джефферсона и к демократии, тоже опасался последствий этого репрессивного законодательства. Он призывал

«не восстанавливать тирании». «Энергия», говорил Гамильтон, «не является насилием». Но все эти люди оказались бессильны остановить истерию.

В то время, как Гамильтон опасался последствий этих законов, Джефферсон хладнокровно выжидал результатов. «Что касается меня», сказал он однажды, «то я рассматриваю эти законы только как опыт над американским разумом для выяснения вопроса, как далеко будет допущено явное нарушение конституции.» Он был убежден, что даром это не пройдет.

После принятия закона о «подстрекательстве», в стране, по словам Джефферсона, началось «царство террора федералистов». В течение нескольких месяцев федералистские судьи создали уже достаточное число мучеников за дело свободы, чтобы помочь Джефферсону создать мир добра.

Первым человеком, осужденным по этому закону, оказался в октябре 1798 года сторонник Джефферсона — конгрессмен от Вермонта Мэтью Лайон. Он родился в Ирландии и имел большие заслуги в качестве патриота и солдата армии Вашингтона во время революции. Осуждение Лайона было типичным и скандальным. Его обвинили в намерении «вести подрывную деятельность и вызвать презрение... к президенту и правительству.» На самом деле никакой подрывной работы он не вел; он был повинен только в «оскорблении величества» путем критики президента Адамса. Он напечатал заявление, в котором говорилось, что он не может поддерживать Адамса, когда видит, что «всякое обсуждение народного благополучия приводит к новому зажиму власти, в результате необузданной жажды к нелепой помпе, низкой лести и эгоистичной скупости», и «до-

стойным людям ежедневно отказывается в должностях по единственной причине — независимого мышления», а «священная религия используется в качестве государственной машины для ненависти человечества и преследований друг друга». Язык этот был, может быть, несдержанным, но никак не предательским и по меньшей мере не противоречил Биллю о правах.

Но судья Уильям Пэтерсон — член Верховного Суда Соединенных Штатов — и присяжные думали иначе. В свою защиту Лайон сказал, что закон о подрывной деятельности является антиконституционным, его заявление — невинным и содержание его — сущей правдой. Он в упор спросил судью, не обедал ли он часто с президентом Адамсом и не обратил ли он внимание на «его нелепую помпу и щегольство». Судья отверг это и предложил присяжным заседателям игнорировать вопрос о характере закона о подстрекательстве (так как присяжные не могли не заняться этим вопросом) и вынести решение, повинен ли подсудимый в «бунтарских» призывах. Присяжные заседатели признали Лайона виновным и он был приговорен к 4 месяцам тюрьмы и 1.000 долларов штрафа. Этот приговор, вынесенный солдату революции, патриоту и члену Конгресса явился страшным ударом для всей страны. Он был первым гвоздем, вбитым в гроб федералистов.

Второе осуждение тоже имело место в Вермонте и было тесно связано с Мэтью Лайоном. Редактор «Вермонтской Газеты» Энтони Хасуел напечатал объявление, переданное Лайоном. Объявление это касалось устройства лотереи для сбора денег, чтобы уплатить штраф Лайона. В нем говорилось, что «гнетущая рука узурпированной власти держала Лайона в отвратительной тюрьме», что он был «лишен почти всех челове-

ческих прав и переносил оскорбления, сыпавшиеся на него со стороны закоренелого дикаря (начальник полиции США), который, к позору федералистов, был назначен на эту должность, где он мог насытить свое варварство путем страданий своих жертв».

За напечатание этого объявления Хасуэлу было предъявлено обвинение тем же судьей и теми же присяжными заседателями, которые осудили Лайона. Хасуэл представил доказательства о жестоком обращении начальника полиции с Лайоном. Но присяжные заседатели не принадлежали к сторонникам республиканцев и не любили иностранцев. Рожденный в Англии Хасуэл, отец 17 детей, был приговорен к двум месяцам тюрьмы и штрафу в 200 долларов.

Другой жертвой «федералистского царства тертора» оказался Томас Купер, рожденный в Англии педагог и ученый. В качестве редактора проджефферсоновской газеты в Пенсильвании, Купер подверг критике президента Адамса. Он писал, что президент делает «детские политические ошибки» и подобного рода вещи. За это оскорбление «его величества» Купер был притянут к судебной ответственности.

Будучи юристом, Купер сам выступил в свою защиту. Он говорил с чувством собственного достоинства, подчеркнул, что напечатал только правду, что критика его была вполне оправданной и что он выразил свое мнение в качестве члена законной политической партии. Это ему не помогло. Обращаясь к присяжным заседателям, судья Сэмюель Чэйз, член Верховного Суда Соединенных Штатов, не только обвинил Купера во лжи, но стал превозносить закон «о подстрекательстве», что уже никак не входило в его обязанности. Присяжные заседатели признали Купера

виновным и он получил 6 месяцев тюрьмы и 400 долларов штрафа.

Но самое скандальное дело «о подстрекательстве» имело, пожалуй, место в самой Виргинии Джефферсона. За «страшное преступление» — критику президента Адамса — в Ричмонде был привлечен к ответственности Томсон Каллендер, рожденный в Шотландии политический публицист. Три крупнейших виргинских адвоката — Уильям Вирт, Томас Николас и Джордж Хэй — добровольно вызвались защищать Каллендера. Но на члена Верховного Суда судью Чэйза, того самого, который осудил Купера, это не произвело никакого впечатления. Во время процесса он сделал всё, чтобы показать свое презрение к адвокатам. Судья обрывал их выступления, рассказывал анекдоты и заставлял их молчать. Когда Уильям Вирт стал убеждать присяжных заседателей, что закон «о подстрекательстве» является неконституционным, судья Чэйз огрызнулся: «Займите свое место, сэр». Другой адвокат — Джордж Хэй, возмущенный наглой тактикой судьи и его оскорбительными замечаниями, отказался участвовать в этом процессе. Каллендер был осужден. Его приговорили к 9 месяцам тюрьмы и к штрафу в 200 долларов. По Виргинии прокатилась волна возмущения и Джефферсон зарегистрировал новый успех против федерального судебного аппарата.

6

В роли вице-президента, Джефферсон не мог открыто действовать против преследований на основании закона «о подстрекательстве», но в качестве вождя своей партии он не мог, конечно, молчать. На территории всей страны мужчины и женщины — все те, кто не причисляли себя к яро-

стным федералистам — ожидали от Джефферсона, что он поднимет свой голос протеста и возглавит движение против бушевавшей реакции.

Но Джефферсон действовал обходным путем. В строжайшем секрете и при сотрудничестве таких друзей и помощников, как Джордж Николас и Джемс Мадисон, он составил манифест, так называемую «резолюцию Кентукки», в котором излагались права штатов. В основу теории были положены три основных положения: 1) федеральное правительство создано отдельными штатами, 2) оно является представителем этих штатов и 3) его действия могут быть подвергнуты критике или даже аннулированию со стороны штатов. В длинном тексте резолюции чувствовались слабые, но явно различимые нотки недовольства, вплоть до угрозы отделения по причине тирании федерального правительства. «Если не будет положен предел имевшим место актам и они будут продолжаться в будущем», говорилось в резолюции, «то это неминуемо приведет штаты к революции и пролитию крови».

«Резолюция Кентукки» были единогласно принята легислатурой штата Кентукки. В Виргинии, сходная, составленная Джемсом Мадисоном, резолюция была принята местной легислатурой подавляющим большинством голосов. Эти резолюции явились первыми выстрелами в войне против федералистов. Мало людей знали, что Джефферсон был инициатором и одним из авторов этих резолюций, но многие его в этом подозревали.

Джефферсон продолжал председательствовать в Сенате и проявлял щепетильное беспристрастие. Только самым близким друзьям были известны его планы. Большинству своих партийных помощников на территории всей страны он разослал письма с советом и ободрением и с призывом сохранять спокойствие и твердость. То, что

он являлся кандидатом в президенты и превратился в центр и надежду сопротивления федералистам, — стало секретом полишинеля. Его невидимая стратегия приводила в полное замешательство оппозицию. Он не оставил ни одной трещины, которой могли бы воспользоваться его противники.

В чернейшие дни реакции федералистов, функции Джесфферсона сводились к вдохновению, поощрению и разъяснению. Он старался разъяснить своим друзьям и сторонникам к чему сводились его цели и дать им возможность действовать с рассудком. Он хотел воспитать народ и сделать всё возможное, чтобы американцы не стали жертвой глупых аргументов и лживых призывов. Ради этого он писал длинные письма, которые читались на людях, у себя дома, в лавках, тавернах, магазинах.

КАНДИДАТ

(1800)

Предвыборной кампании, пережитой Америкой в 1800 году, никогда еще не было. Она отличалась злобой и горечью, которая вряд ли когда-либо была превзойдена. Люди распоясались. Федералисты вели борьбу за сохранение власти в руках богатых и привилегированных. Сторонники Джефферсона сражались за демократическую Америку, со свободами и возможностями для всего народа.

Ко всеобщему изумлению, простые ремесленники, фермеры, рабочие и мелкий люд проявили удивительную политическую сознательность. Для них, как и для миллионов будущих поколений, Америка была «страной обетованной». Адамс, Гамильтон и другие консерваторы презирали простой народ и не делали из этого никакого секрета. А Джефферсон был вождем народа и выступал от его имени. Он не только выражал надежды простых людей, но верил в их разум, доверял их суждениям, уважал их характер. Джефферсон хотел обеспечить жизнь каждого человека, его свободу и погоню за счастьем.

Вера простого народа в Джефферсона вызывает изумление. За исключением своих ближайших соседей, он не имел никакого контакта с массами и не искал его. Поддерживавший Джефферсона народ, никогда его не видел. Люди никогда его не слышали. Никто из них никогда не пожал ему ру-

ку. И тем не менее, для сотен тысяч людей Том Джефферсон был символом и надеждой.

В этом кроется величайший парадокс. Аристократ, обладавший безупречным вкусом и изысканными манерами, исключительно восприимчивый джентльмен, избегавший встреч с простым народом, оказался тем человеком, который посвятил свою жизнь народным интересам. Джефферсон был самым странным вождем, которого когда-либо знала демократия.

Он был также величайшим политиком своего времени. Что касается политической находчивости, то в истории Америки никто не превзошел Джефферсона, за исключением, пожалуй, Авраама Линкольна, физическое и умственное сходство которого с Джефферсоном бросается в глаза. Но на обстоятельство это часто не обращают внимания.

Подобно Линкольтну, о котором знают много больше, Джефферсон обладал способностью выражать народные идеи и стремления в незабываемых словах. Подобно Линкольтну, Джефферсон обладал бесценным даром обхождения с честолюбивыми, стремившимися к власти, людьми. И подобно Линкольтну, Джефферсон знал, когда и где следует нанести нужный удар.

Проведенная Джефферсоном кампания 1800 года явилась шедевром политической стратегии. Всё было заранее учтено. Каждый шаг внимательно взвешивался главными помощниками Джефферсона, особенно Мадисоном и Монро. Ничего не было упущено из виду; защита каждого фланга была предусмотрена. В каждом районе Союза Джефферсон опирался на виднейших людей. Они находились в постоянной письменной связи с вице-президентом и время от времени поддерживали личный контакт. Среди этих людей находи-

лись: Альберт Галлатин и Томас МакКин из Пенсильвании, Чарльз Пинкни из Южной Каролины, Джон Тэйлор из Северной Каролины, Роберт Р. Ливингстон и Джордж Клинтон из Нью Йорка. Они представляли нечто вроде генерального штаба Джефферсона.

Борьба за выборщиков на местах была поручена местным агитаторам и политическим «боссам». Джефферсон хорошо обработал и вдохновил этих людей путем писем, в которых содержалась смесь советов с ободрением. Иметь с ними дело было не легко. Они привыкли заниматься политикой в тавернах и лавках. Но все они были яркими американцами, стойкими и агрессивными индивидуалистами, которым были противны шелковые наряды «аристократов». Сам Джефферсон вырос среди этих людей и высоко их ценил. Отец его был одним из таких грубых американцев из пограничья.

Сторонники Джефферсона были стойкими и настойчивыми людьми, но были они без роду и племени. Одним из них был Джеймс Джэксон из Джорджии. Происхождение его было неизвестно и он не занимал никакого положения. Но это был человек сильной воли и большого ума. Во время Революционной войны он дослужился до чина подполковника, затем был губернатором Джорджии и сенатором Соединенных Штатов. Родился Джэксон в Англии и был убежденным демократом. Но самым твердым политическим «боссом» в партии Джефферсона был, пожалуй, Бенджамен Остин из Бостона. Он был членом Сената Массачусетса и первоклассным оратором демократов. Худая, гибкая и немного сгорбленная фигура Остина внушала ужас аристократическим федералистам. Он наводнял городские собрания своими сторонниками, которые, по словам Джона Квинси

Адамса,* «выглядели подобно людям, собранным во всех тюрьмах материка».

Джефферсон использовал также систематически печать и печатное слово. Еще за год до начала кампании, т. е. в 1799 г., Джефферсон писал Мадисону:

«Мы отдаем себе отчет, что этим летом нам следует собрать всю нашу энергию и принести жертвы. Машинка — это печать. Каждый человек должен открыть свой кошелек и предоставить свое перо... Да исполнятся мои молитвы и просьбы и пусть каждый из вас использует часть дня для того, чтобы написать полезные для народа вещи».

Следует обратить внимание на слова — «полезные для народа вещи». Это — прекрасное определение пропаганды, которую Джефферсон ценил так же, как ее ценят в двадцатом веке.

Республиканские и федералистские газеты ни в чем себя не сдерживали и мстили друг другу. Тираж их был небольшой, но содержание статей, распространялось из уст в уста и содействовало разжиганию страстей.

Печать, несмотря на все свои недостатки, была для Джефферсона орудием в борьбе за демократию. Он запланировал свою кампанию за сценой и кампания эта сводилась к быстрым, невидимым ударам. Когда он предложил одному из своих помощников раздать несколько дюжин экземпляров какого-то памфлета «в каждом графстве штата», Джефферсон предупредил, что участие его в этом деле должно остаться в секрете. «Вам должно

* Джон Квинси Адамс (1767-1848) — сын второго президента США Джона Адамса, — шестой президент (1825-29) США. Прим. переводчика.

быть понятно, как может быть использовано мое благоприятное отношение к подобного рода памфлетам». Тайна была его стратегией и пристрастием. При описании политического положения в Северной Каролине, он высказался за необходимость скрытной республиканской пропаганды. «Лекарство для этого штата должно быть очень мягким и прописываться секретно. Но следует предпринять всё, чтобы снабжать население правдивой информацией».

Он пользовался памфлетами, как боевыми припасами. Одним из инспирированных Джефферсонов памфлетов было произведение Томаса Пэйна «Права человека». Джефферсон давал также советы и указания политическим организаторам и редакторам. Одной из его идей, которой предлагалось воспользоваться ораторам и публицистам, являлась критика правительственных расходов. Джефферсон предложил своим сторонникам обрушиться на администрацию Адамса за расточительность и непроизводительные расходы. Это, заметил он, «откроет глаза народу». Так это и случилось.

Публицисты Джефферсона — Френо, Дуан, Каллендер, Купер — и партийные деятели мастерски сыгрались друг с другом и напоминали оркестр под дирижерством прекрасного маэстро. И когда закончилась кампания побежденному Джону Адамсу пришлось уплатить горькую дань политическому искусству сторонников Джефферсона: «Группа иностранных лжецов, поощряемая небольшим числом местных честолюбивых джентльменов, нанесла поражение образованию, талантам, добродетелям и хозяйству страны».

2

Весною 1800 года, после перерыва сессии Конгресса, Джефферсон и Берр были единогласно избраны кандидатами в закрытом заседании партийных лидеров. «Кампания», писал Джефферсон Джону В. Эппесу, «будет такой же горячей, как в Европе, по счастью только, мы сражаемся чернилами, а там проливают кровь».

В тавернах и судах, на собраниях и празднествах, люди стали обмениваться аргументами, вызовами и ударами. Но центральная фигура, вокруг которой происходила борьба, никогда не появилась на людях. Джефферсон не выступал, не пожимал рук, а спокойно вел свой прежний образ жизни. Молодой человек по имени Томас Ли Шиппен посетил во время кампании Джефферсона и был поражен его обаянием и достоинством. Джефферсон предложил Шиппену совершить вместе с ним и Мадисоном маленькую экскурсию. Никаких разговоров на тему о кампании не было. «Мне никогда не попадались более приятные люди», рассказывал Шиппен. «Мы разговаривали и гуляли, катались на лодке и отведали чудесных крабов».

Джефферсону потребовалось много спокойствия и веры в самого себя, чтобы благополучно пережить бурную предвыборную кампанию. Его превратили в мишень для оскорблений и клеветы, каким до него не подвергался никто из политических деятелей Америки. Федералисты изображали его вором, подлецом, распутником, язычником и атеистом. Они воспользовались религиозным вопросом, страсти разгорелись до предела и содействовали росту ненависти и нетерпимости. Духовенство, мобилизовавшее свою тяжелую артиллерию, метало громы и молнии и угрожало христианам страшными последствиями, если они будут голосовать за «язычника» из Виргинии. Это

особенно касалось Новой Англии, где духовенство было подобно Гибралтару против Джефферсона. В самой Виргинии духовенство не имело большого влияния. В родном штате Джефферсона джентльмены склонялись в сторону агностицизма,* а простой народ не был насыщен богословским предвидением и не отличался нетерпимостью. Рассказывают анекдот об отце Гарретсоне, протестантском священнике, который, путешествуя по Виргинии, встретил человека и спросил его, известно ли ему о существовании Иисуса Христа. «Сэр», последовал неожиданный ответ, «я не знаю, где живет этот джентльмен».

Особенно сильные нападки на отношение Джефферсона к религии содержались в памфлете Уильяма Линна, который был озаглавлен «Серьезные соображения о выборе президента». Нью-Йоркский священник голландской реформаторской церкви Линн обвинил Джефферсона в ужасном преступлении — в неверии в божественное откровение и в намерении покончить с религией и «вести безнравственность». Линн решил доказать, что Джефферсон был «настоящим язычником» и воспользовался в этих целях цитатами из настоящих и воображаемых сочинений Джефферсона. Сперва он сослался на «Заметки о Виргинии»: «Меня не оскорбляют слова соседа, утверждающего, что существует 20 богов или бога нет вовсе. Это не протыкает мне кармана и я не ломаю себе погу».** А затем стал фантазировать и писал, что Джефферсон однажды указал на полуразрушенную церковь и заметил — «Для того,

* Агностицизм — идеалистическое философское учение, отрицающее возможность познания объективного мира и его закономерностей. *Прим. переводчика.*

** Цитата эта правильная. Взята она из книги Джефферсона — «Заметки о Виргинии», вопрос XVII.

кто родился в яслях, — этого вполне достаточно». Такое замечание, заключал священник Линн, могло «исходить только от человека, который являлся смертным врагом Его имени и Его дел». Ходит ли Джефферсон в церковь? спрашивал священник. «Как проводит он воскресенье? Принадлежит ли он к культуре какой-либо христианской религии?» Ответом было громкое — НЕТ!

«Дайте возможность первому должностному лицу быть язычником и язычники будут окружать его. Дайте ему возможность проводить воскресенья в пиршествах, в посещениях и приеме гостей, в путешествии за границу, но никогда не посещать церковь, — и культ станет не модным для остальной публики. Язычество перекинется с высших на низшие круги и за этим последует всеобщее отчаяние».

Джефферсон не должен был быть избран. Священник Линн заканчивал свой памфлет горячим призывом к христианам нанести поражение «язычнику» из Виргинии:

«Будете ли вы, мои сограждане, после всего этого... голосовать за Джефферсона?.. Что касается меня, то, если даже Джефферсон был бы моим ближайшим родственником и я ему был бы стократ обязан, я бы не голосовал и не мог голосовать за него. Нет, скорее чем протянуть мою руку и поставить его во главе государства «пусть плечо мое отпадет от спины, и рука моя пусть отломится от локтя».*

Сторонники Джефферсона не сделали ошибки

* Книга Иова, XXXI, 22. Другой памфлет, повторявший обвинения Линна, был написан Джоном Митчелом Мазон — «Голос предостережения христианам по поводу предстоящих выборов». Он был подобен Сионским трубам и требовал поражения «язычника» Виргинии.

и должным образом оценили значение памфлета Линна. Он был доступно написан и убедительно звучал для тысяч правоверных христиан. Когда священники пользовались огромным влиянием в обществе, обвинение в неверии было очень опасным. Памфлет заставил Джефферсона занять оборонительную позицию и явился необходимостью для его сторонников разъяснить свое отношение к религии. В ответ на «Серьезные соображения» Линна было выпущено несколько сильных памфлетов. Наилучшим из них был, пожалуй, памфлет Туинса Уортмана — «Торжественное обращение к христианам и патриотам в связи с приближающимися выборами президента Соединенных Штатов». Уортман начинал свое сочинение с утверждения, что Джефферсон был отличным гражданином-республиканцем и хорошим христианином:

«То, что обвинение в деизме...* ложно, скандально и предумышленно, — об этом свидетельствует отсутствие каких либо указаний в «Записках о Виргинии» или в каком-либо другом сочинении Джефферсона, из которых нет ни одного, противного христианству. Напротив, эти сочинения, во всех отношениях, поддерживают веру».

Уортман превозносил Джефферсона, называл его «мудрецом из Монтиселло», великим ученым, великим патриотом, великим исследователем и великим государственным деятелем. Он подчеркивал, что религиозный вопрос был просто «болтовней», которой решили воспользоваться его враги для смущения и введения в заблуждение на-

* Деизм — религиозно-философское учение XVII-XVIII вв., допускавшее существование Бога только как первопричину мира, и отвергавшее Его дальнейшее влияние на природу и общество. *Прим. переводчика.*

родных масс. Заключение Уортмана было очень красноречивым:

«Американцы, патриоты и выборщики, имейте в виду, что речь идет не о религии, а о государстве, которое находится в опасности. А Джефферсон, который оказался объектом такой невероятной клеветы, является крепчайшим бастионом нашей безопасности. Помните, что в этот момент ваша свобода, ваша конституция, ваша семья, ваши дети, судьба государства зависят от честности вашего решения».

Союзник Джефферсона из Нью Йорка, Де Витт Клинтон, тоже выступил в его защиту с сочинением «Реабилитация Томаса Джефферсона против обвинений, содержащихся в памфлете, озаглавленном «Серьезные соображения». Цель Клинтона сводилась к тому, чтобы доказать, что «мы имеем все основания полагать, что он является истинным христианином». Клинтон утверждал, что Джефферсон — высоко моральный человек с возвышенным характером. «Я убежден, что он — верующий». «Я чувствую себя счастливым приветствовать в нем христианина». И он закреплял свои аргументы следующими словами:

«И я считаю необходимым добавить... что в течение долгого времени он поддерживал из собственных средств достойного священника христианской церкви — свидетельство о либеральности, которой не отличаются его злобные враги. Любовь этих людей к религии сводится, главным образом, к постоянным стараниям использовать ее в целях раздора».

Другим защитником религиозных чувств Джефферсона оказался Джон Джемс Бекли, обратившийся с «Призывом к народу Соединенных Шта-

тов», который прославлял Джефферсона за установление статута религиозной свободы в Виргинии:

«Читайте, вы — фанатики, изуверы, религиозные лицемеры, где бы вы не находились, и вы — низкие клеветники, завидующие честнейшему и прекрасному характеру, с которым не могут сравниться ваши характеры, — читайте, учитесь и практикуйте РЕЛИГИЮ ДЖЕФФЕРСОНА, изложенную с необычайной простотой и вдохновенными словами в ЕГО памятном «Акте о провозглашении религиозной свободы».

В те дни, когда религия была тесно связана с моралью, — обвиненный в атеизме человек автоматически превращался в морально отверженного. Если вы не верили в Бога, утверждало духовенство, вы тем самым превращались в вора и соблазителя. Если вы не посещали регулярно церковь, вы естественно ненавидели вашу мать и били вашу жену.

Джефферсона обвиняли во всем. Если бы можно было верить проповедям духовенства, то не оказалось бы ни одного преступления, в котором не был бы повинен Джефферсон и не существовало в мире зла, которое он не совершил бы. Один священник — отец Коттон Матер Смит — обвинил Джефферсона в том, что тот обманом приобрел свое имущество и ограбил при этом вдов и сирот. Другие предупреждали своих прихожан, что Библии их будут конфискованы, если на выборах победит «республиканское чудовище». Они сравнивали его с Ровоамом, грешным сыном и наследником царя Соломона, против которого восстали десять колен израилевых.

Выпады духовенства не трогали Джефферсона и он полностью их игнорировал. Он чувствовал

слишком большое презрение к своим клеветникам, чтобы удостоить их ответом, и писал Уриа МэкГрегори из Коннектикута:

«С того момента, как часть моих сограждан взирал на меня, как на кандидата на высшую должность, — против меня открылись шлюзы клеветы... Я знаю, что мог бы заполнить суды Соединенных Штатов преследованием этих клеветников и при этом, возможно, пострадало бы много повинных людей. Но действия эти не соответствуют моему характеру. Поэтому я оставляю их на угрызения собственной совести».

От друзей, однако, он не мог скрыть своего возмущения поведением духовенства. В разгар развернувшейся вокруг него кампании лжи, Джефферсон выразил свой гнев в бессмертном заявлении. В письме доктору Рушу он писал: «они (духовенство) полагают, что любая доля доверенной мне власти будет направлена против них. И они не ошибаются, ибо я поклялся на божеском алтаре вести вечную борьбу против любой формы тирании над разумом человека».*

Религиозный вопрос — свобода против нетерпимости — имела несомненно огромное влияние на многих людей. Другой вопрос — повлияло ли это на выборы. Ответить на это невозможно. Ясно, однако, что к Джефферсону пристала часть вылитой на него грязи. В течение поколений много общин, особенно на Севере, продолжали считать Томаса Джефферсона антихристом. Еще в 1830 году Публичная библиотека Филадельфии отказывалась держать у себя книги, касавшиеся

* Подчеркнуто автором. Эти слова, по предложению бывшего министра внутренних дел Иккеса и автора этой книги, выгравированы на памятнике Джефферсону в Вашингтоне.

жизни или сочинений Джефферсона. В Новой Англии его преследовала постоянная вражда со стороны духовенства. Какой-то пуританский священник спросил во время обряда крещения у отца имя ребенка. «Томас Джефферсон», ответил отец. «Нет, это — нехристианское имя!», возмутился священник. «Я его окрещу Джоном Адамсом».

Религиозный вопрос являлся только одной из проблем предвыборной кампании. Главная борьба велась вокруг народного правительства. Это была битва за демократию.

Откровенность сторон, из которых одна выступала в защиту демократии, а другая — олигархии, не может не удивить современного человека, который не привык понимать под словами то, что они буквально означают. В 1800 году люди, сражавшиеся за демократию против привилегий и за привилегии против демократии, говорили без обиняков. Они говорили точно то, что думали. Обе стороны так ненавидели и боялись друг друга, что не считали нужным скрывать свои чувства. В рядах сторонников Джефферсона были люди, открыто высказывавшиеся за виселицу для богачей и аристократов. Среди федералистов было явно выражено презрение и чувствовалась ненависть к «черни».

Чтобы быть демократом — сторонником Джефферсона нужна была смелость. Демократ не принадлежал к касте и не имел репутации. Он не пользовался уважением, не состоял членом лучших клубов и не одевался в шелк по воскресеньям. Демократ — сторонник Джефферсона был обывателем, простым американцем, работавшим своими руками и надеявшимся на лучшую жизнь. Федералисты рассматривали этих людей, как отбросы человечества. Правнук Джона Адамса — Генри

Адаме — дал следующее описание демократов Джефферсона в представлении федералистов:

«Каждый беспутный интриган, бездельник, фальшивомонетчик, и тюремная птица; всякий легкомысленный, болтун — демагог; всякий спекулянт, безбожник и атеист — были сторонниками Джефферсона; а сам Джефферсон являлся воплощением их теорий».

Федералисты, обеспокоенные возможной победой неимущих людей в предвыборной кампании, допустили ошибку и не приняли во внимание элементарную арифметическую истину, хорошо знакомую Линкольну и выраженную им в словах — Бог должен любить простой народ, раз Он его сотворил в таком количестве. Кампания федералистов была основана на призывах к состоятельным классам и на презрении к неимущим. А случилось так, что несостоятельные люди оказались в большинстве.

Федералисты сделали еще одну ошибку: всякий раз, когда они подвергали Джефферсона нападкам, как вождя демократии, они отождествляли его с демократией. И народные массы очень быстро пришли к заключению, что Джефферсон является их другом, раз он тоже верит в самоуправление простого народа.

Федералисты буквально опьянели от ненависти к демократии. С антидемократическими лозунгами они обращались к находившимся в меньшинстве высшим классам, которые не нуждались в убеждении. Но они не обращали внимание и не пытались даже склонить на свою сторону простой народ. «Портфель» Денни писал:

«Демократия вряд ли приемлема в любой период национальной истории. Ее предзнаменования

всегда зловещи... Теперь она находится на испытании, но неминуемо должна привести к гражданской войне, разорению и анархии. Всякий умный человек различает ее недостатки, всякий хороший человек приходит в ужас от ее невзгод, всякому честному человеку видны ее злоупотребления и не существует храброго человека, который не взялся бы за оружие против ее сил».

Это было напечатано во всех федералистских газетах.

На банкете в городе Нью Йорке, Александр Гамильтон крикнул человеку, выразившему свои демократические убеждения: «Ваш народ, милостивый государь — ваш народ — просто скотина!»

Когда победа Джефферсона на выборах казалась всё более и более неизбежной, истерия федералистской печати приняла грандиозные размеры. Газета «Колумбийский Часовой» провозгласила, что избрание Джефферсона будет «равносильно революции» и предупреждала страну: «Остерегайтесь, граждане, вы находитесь на краю пропасти». К гражданам обратились с призывом «раздавить чудовище», пока не будет слишком поздно.

В анонимном очерке в тринадцати продолжениях «Джефферсониаде», вице-президент подвергался фанатическим нападкам. Республиканского кандидата называли анархистом и подлецом и дошли даже до того, что стали распространять слухи о его смерти.

3

Во время всех этих волнений, продолжавшихся весною и летом 1800 года, Джефферсон оставался у себя дома, в Монтиселло, и занимался своими частными делами. Он не выступал и не участвовал в кампании. Единственным свидетельством участия его в кампании явился подарок в 50 долларов политическому публицисту Джемсу Т. Каллендеру (жертве закона «о подстрекательстве») и подписка на два добавочных номера его газеты. Кроме этого, Джефферсон никак себя не проявил. Правда, он никогда не сомневался в исходе борьбы.

Во второй половине ноября Джефферсон покинул Монтиселло и поехал в Вашингтон, который в июне был сделан столицей Соединенных Штатов. В качестве вице-президента, он должен был быть в Вашингтоне на открытии Конгресса. В болотной деревне на Потомаке, какой был тогда Вашингтон, Джефферсон дождался результатов выборов, не возбуждавших в нем никаких сомнений. В этом отношении он отличился от всей страны, сидевшей как бы на иголках. Сведения о результатах выборов поступали очень медленно и давали слабое представление. В начале декабря Джефферсон узнал о своей победе в Виргинии, одержанной подавляющим большинством. Из 27.335 голосов, он получил — 21.111. Это было огромным личным успехом, принимая особенно во внимание, что федералисты использовали влиятельное имя Джорджа Вашингтона (скончавшегося в 1799 году) против Джефферсона.

Несколько дней спустя Джефферсон узнал о своей победе в Южной Каролине. «Мне кажется», писал он после получения этого известия, «что судьба выборов теперь решена». Вскоре выяснилось, что республиканская партия победила во

всей стране и получила большинство в обеих палатах Конгресса. Французский друг Джефферсона Дю Пон де Немур поспешил поздравить его с успехом (переписывался он с Джефферсоном по-французски): «Теперь вы являетесь главой вашей мудрой нации. Она свободно избрала своего величайшего представителя на величайшую должность».

Сторонники Джефферсона приступили к торжествам. Произносились речи, распевались песни, провозглашались тосты.

Но празднества эти оказались преждевременными. Когда были подсчитаны голоса выборщиков, то оказалось, что Адамс действительно понес поражение, но Джефферсон не был избран. Это парадоксальное положение создалось в результате путанного избирательного закона, который не предусматривал, что выборщики должны указать, какой из кандидатов должен быть президентом и какой — вице-президентом. Каждый из выборщиков голосовал одновременно за партийный список, в котором значились два кандидата. Согласно закону, кандидат, получивший большее число голосов, провозглашался президентом. Кандидаты федералистов — Адам и Пинкни — понесли поражение. Но Джефферсон получил столько же голосов, сколько и его коллега по республиканскому списку — Аарон Берр, т. е. по 73 голоса (за Адамса было подано 65 голосов, за Пинкни — 64).

Таким образом республиканцы обеспечили себе большинство голосов, но не имели президента. Согласно конституции, в случае равного числа поданных за кандидатов голосов, выборы президента передавались в Палату Представителей. Это обстоятельство решили использовать в свою пользу федералисты. Избрание Джефферсона они рассматривали, как национальное бедствие и постановили сделать всё возможное, чтобы этого не

допустить. Хотя было хорошо всем известно, что не Берр, а Джефферсон был кандидатом в президенты и, несмотря на то, что народ голосовал за Джефферсона, а не за Берра, озлобленные федералисты в Конгрессе решили отдать свои голоса Берру.

Однако, не все федералисты подчинились этому беспринципному решению своей партии. Два виднейших федералиста — Джон Адамс и Александр Гамильтон — не пожелали иметь ничего общего с этой интригой. Несмотря на свою ненависть к Джефферсону, поведение их явилось свидетельством большого патриотизма. Не исключена, правда, возможность, что объяснялось это также неприемлемостью для них Берра. Ибо Аарон Берр не отличался особыми достоинствами или твердостью характера и одна мысль иметь этого человека на посту президента смущала ответственных людей.

Для Александра Гамильтона Берр был «банкротом без надежды на выкуп». Когда заядлый федералист — губернатор Моррис — сказал Гамильтону — что «Берра следует предпочесть Джефферсону», потому что последний «заражен всевозможными пороками», Гамильтон ответил категорическим — НЕТ. Карьера политика Берра, заметил Гамильтон, доказала, что он «подражает Катилине* и является слишком хладнокровным и решительным заговорщиком, который никогда не согласится изменить своих планов».

Перед выборами президента в Палате Представителей, Гамильтон сообщил, что выскажется за Джефферсона против Берра. Так он и сделал, по-

* Луций-Сервий Катилина (108-62 до Р. Х.) — римский патриций, глава заговора демократов против консулов. Убит Антонием в сражении при Пистолие. *Прим. переводчика.*

тому что считал Джефферсона меньшим из двух великих зол.

Что же касается Джона Адамса, то, во время этой решительной борьбы, он всё же предпочитал Джефферсона, принципы которого ему не нравились, Берру. Последнего он боялся и не переносил. Джефферсон, несмотря на свои горячие демократические взгляды, которые были анафемой для Адамса, был по меньшей мере честным человеком и джентльменом. Но Берр, в глазах Адамса, являлся «унижением» для Америки.

Джефферсон, вероятно, знал о подпольных интригах, при помощи которых пытались лишить его плодов победы, но он не подавал вида и выполнял свои вице-президентские обязанности, как будто выборы не имели к нему никакого отношения. Перед тем, как Палата Представителей перешла к голосованию, Джефферсон посетил президента Адамса по официальным делам. В груди Адамса, этого потерпевшего поражение кандидата, не было любви к Джефферсону. Но президент был джентльменом и он сказал несколько великодушных слов своему гостю.

«Прекрасно», сказал президент вице-президенту, «я отдаю себе отчет, что вы победили меня на выборах и я хочу только подчеркнуть, что я буду таким же преданным гражданином, как и все другие».

Джефферсон полагал, что объяснение это не соответствовало событиям. Для него выборы не касались лиц, а принципов.

«Мистер Адамс», ответил вице-президент, «это не является состязанием между вами и мною. Две системы принципов по вопросу о правлении разделяют наших сограждан на две партии... Если мы сегодня умрем, два других человека займут наши места»...

«Мне думается, что вы правы», согласился

Адамс. «Мы являемся пассивными инструментами и события эти не должны отразиться на наших личных отношениях».

На самом деле, однако, он не был очень великодушным. Потерпевший поражение президент был озлоблен и затаил обиду.

4

11 февраля Палата Представителей в Вашингтоне приступила к голосованию, чтобы решить вопрос о президенте. Каждому из 16 штатов было предоставлено по одному голосу. В этот день было произведено 19 голосований и 19 раз результаты были одни и те же — восемь штатов голосовали за Джефферсона, шесть — за Берра и два штата разделились. Ни один из кандидатов не получил явного большинства. 12 февраля голосование имело место 9 раз и результаты опять были те же. 13, 14 и 16 февраля Палата Представителей голосовала шесть раз. И результаты были идентичными. Федералисты собирались покончить с желанием народа и нанести Джефферсону поражение, во что бы оно ни обошлось.

В разгар создавшегося тупика, президент Адамс сказал Джефферсону в раздраженном тоне: «Сэр, судьба выборов фактически зависит от вас. Вам достаточно только сказать, что вы справедливо отнесетесь к общественным кредиторам, сохраните флот и не нарушите ваши обязанности, и управление страной будет немедленно передано в ваши руки».

Джефферсон спокойно ответил: «Я не приду к власти путем капитуляции».

«В таком случае», сказал Адамс, «события пойдут своим путем».

Джефферсон знал, что был законно избран большинством народа и поэтому считал для себя невозможным пойти на какой-либо компромисс. «Было сделано много попыток», рассказывал он Монро, «заставить меня пойти на уступки и получить от меня обещания. Я дал всем этим людям недвусмысленно понять, что я не приду к власти путем капитуляции, что я не стану президентом со связанными руками».

Интриги федералистов лишить Джефферсона президентского поста были настолько крикливыми, что появилась опасность отделения штатов в случае победы Берра. Известно, во всяком случае, что лидер сторонников Джефферсона в Конгрессе — талантливый Альберт Галлатин открыто и твердо заявил, что избрание Берра вызовет вооруженное восстание в Средних штатах.

Озлобленность одной стороны соответствовала лояльности другой. Лучшим доказательством этого является конгрессмен от Мэриленда Джозеф Никольсон. Во время голосований в Палате Представителей Никольсон был опасно болен. Тем не менее его ежедневно приносили на носилках в Капитолий и он с трудом писал на своем бюллетене имя Джефферсон, не пропустив ни одного голосования. Другие республиканские конгрессмены были такими же стойкими. Той зимою Джефферсон жил с 30 республиканскими членами Конгресса в пансионе Канаирда, в атмосфере дружбы и демократической простоты. Когда один из пансионеров предложил жившим там конгрессменам предоставить Джефферсону, который всё же был вице-президентом и лидером их партии, почетное место за длинным столом, раздался дружеский хохот и один из них заметил, что Джефферсону «не следует забывать, что он представляет народ, в котором все равны». Джефферсон гордился демократическими взглядами своих учеников.

Президент Адамс сделал всё возможное для затруднения позиции Джефферсона. За несколько дней до последнего голосования в Палате, Адамс назначил Джона Маршала, ненавидевшего Джефферсона, верховным судьей. Президент назначил также других федералистов на менее влиятельные судебные посты. Эти назначения явились явным вызовом по отношению к Джефферсону. Новые судьи презирали не только его лично, но и его идеи. Действия Адамса можно оправдать, конечно, с законной точки зрения, но окружать нового президента враждебными судьями, получившими пожизненные назначения, является, по меньшей мере, довольно низким поступком. Сам Джефферсон не считал эти назначения очень благородными.

В то время, в вашингтонском воздухе стали всё больше чувствоваться раскольнические настроения и, особенно среди более ответственных федералистов, появился страх, как бы интриги против Джефферсона не привели к распаду Союза и к новым волнениям. Под давлением общественного мнения и по настойчивому совету Гамильтона, несколько конгрессменов, голосовавших до сих пор за Берра, отдали свои голоса Джефферсону и выход из продолжавшегося несколько недель тупика был найден. На 36 голосовании десять штатов, наконец, отдали свои голоса Джефферсону и только четыре голосовали за Берра. Два штата подали пустые записки.

Это имело место 17 февраля 1801 года. В этот день, после тридцати одного часа, потраченного на голосование, Джефферсон был избран третьим президентом Соединенных Штатов.

ПРЕЗИДЕНТ

(1801-1809)

Инаугурация имела место в мрачном и брошенном городе. Расстроенный и обиженный Джон Адамс покинул Вашингтон в ночь на 3 марта. Потерпевший поражение пожилой президент не пожелал оказать честь своему преемнику, которого он ненавидел, и присутствовать на введении его в должность. Примеру Адамса последовали другие высшие должностные лица и джентльмены. Эти господа демонстративно отвернулись от одержавшего победу апостола демократии.

Вашингтон, превратившийся в столицу прошлым летом, был болотистой деревней, подчеркивавшей унылость предстоящего праздника. В поселении не имелось настоящих улиц или городских удобств. Дома были жалкими и, по свидетельству министра финансов Адамса, Оливера Уолкотта, напоминали «маленькие, несчастные хижины». Губернатор Морис иронически назвал Вашингтон «лучшим городом мира для проживания в будущем». «Мы стремимся иметь здесь», сказал губернатор, «только дома, погреба, кухни, хорошо осведомленных людей, любезных женщин и другие мелочи, чтобы сделать наш город прекрасным».

Инаугурация была такой же необыкновенной, какой была и сама столица. Яркое солнце освещало 4 марта грязь столицы. Джефферсон встал, надел зеленые брюки, серые шерстяные чулки и

серую визитку. Высокий, костлявый, избранный президентом, человек вышел из пансиона и прошел пешком два квартала до незаконченного еще здания Капитолия. Он имел вид человека, совершавшего обычную прогулку. Джефферсона сопровождали друзья и коллеги, тоже пешком. Это явилось разительным контрастом по сравнению с Джоном Адамсом, который в 1797 году торжественно проследовал на инаугурацию в карете, запряженной шестью лошадьми.

Джефферсон вошел в здание Сената так же незаметно, как пришел. Республиканские члены Конгресса поднялись со своих мест и горячо его приветствовали. Публики было в зале немного. Джефферсон подошел к столу и пожал руку вице-президенту Берру. На столе лежала Библия. Рядом стоял высокий, худой брюнет. Это был виргинец по имени Джон Маршал, председатель Верховного Суда. Маршал и Джефферсон, несмотря на дальнейшее родство, чувствовали глубокую неприязнь друг к другу. Но торжественная оканзия не оставляла места для антипатии. Главный судья произнес слова присяги, которые должен был повторить его враг, и Джефферсон поклялся поддерживать и защищать конституцию Соединенных Штатов.

После короткой паузы, Джефферсон, т. е. президент Джефферсон, стал читать свою инаугурационную речь, ясным и приятным голосом. Это была прекрасная речь, с горячим призывом к национальному единению и примирению. Он протянул дружескую руку всем своим противникам и всем тем, кот ненавидел его. «Все мы — республиканцы», воскликнул президент, «все мы — федералисты». Он напомнил стране, что права меньшинства являются такими же священными, как и права большинства. Он заверил народ, что не бу-

дет больше несправедливостей, сказал, что будет положен конец преследованиям, и обратился ко всей стране с призывом объединиться и превратиться в «одно сердце и один разум».

2

Насущнейшая проблема президента заключалась в том, как поступить с должностными лицами-федералистами. Его собственная партия настаивала на устранении назначенных Адамсом людей. Джефферсон отдавал себе отчет, что многие, возможно большинство, назначенных Адамсом федералистов, особенно занимавшие судебные должности, были его личными врагами и, в общей массе, противниками демократии. И тем не менее ему было стыдно отстранять этих людей просто потому, что они исповедовали другие идеи.

Джемс Монро предложил президенту в письме из Ричмонда действовать осторожно в вопросе об увольнениях. «Нужно взять себе за правило», предупреждал Монро, «что нельзя отказывать человеку в должности по причине только политических разногласий... Сохранив их на местах, вы докажете вашу терпимость, умеренность и снисходительность, которые будут свидетельствовать о вашем благожелательстве».

Теория была прекрасной, но она не соответствовала нуждам момента и более важным целям. Джефферсон сознавал, что благополучие республики требует удаления ее заведомых врагов. Страна, сказал президент, находилась во «вражеских руках».

Что касается судей-федералистов, назначенных пожизненно, то с ними Джефферсон сделать ничего не мог; но он мог убрать окружных проку-

роров и начальников полиции, назначенных Адамсом. Устранение людей являлось большим испытанием. «Во время этого противного занятия», сознался как-то Джефферсон Уильяму Шорту, «я постоянно чувствовал себя в роли настоящего палача».

Одним из первых актов Джефферсона явилась отмена назначений, сделанных Адамсом в декабре 1800 года, когда президенту было уже известно, что он потерпел поражение на выборах. Среди этих «полупочных назначений», как их презрительно называл Джефферсон, имелось 42 мировых судьи. Из них Джефферсон прогнал семнадцать. В тот момент в распоряжении президента имелось 316 федеральных постов. Когда Джефферсон пришел к власти, все эти чиновники были федералистами. В течение 2 лет он снял с постов 105 человек — сборщиков пошлин, начальников полиции, окружных прокуроров и консулов. Но из этих 105, только 9 человек, согласно Джефферсону, были убраны по чисто «политическим соображениям».

На их места он назначил людей, разделявших его идеалы и на лояльность которых он мог полностью положиться.

3

В одном вопросе президент был непреклонен. Он категорически отказывался назначать родственников. Кумовство было для него совершенно неприемлемо. И он считал его плохой политикой. «Никто», говорил Джефферсон, «не поверит, что родственник получил назначение по заслугам. Я... положил себе за правило никогда не назначать родственника».

Джефферсону не нравилось занятие по распределению постов. Ему не хотелось доставлять

разочарование людям, потому что хватить постов на всех не могло. Особенно неприятным было то, что каждое назначение вызывало вражду со стороны тех, кому не достался этот пост.

Правительство, когда оно было, наконец, составлено, отвечало двойной цели Джефферсона: добиться национального единения и окружить себя способными людьми. В качестве жеста дружбы и примирения, он выбрал больше половины министров из Новой Англии. И, для избежания конфликтов, нарушивших единство в правительстве Вашингтона, Джефферсон остановился на людях, разделявших его идеи.

На пост государственного секретаря он назначил Джемса Мадисона, министром финансов — Альберта Галлатина. Военное министерство было поручено Генри Дирборну. Пост министра юстиции получил Леви Линкольн. На пост почтмейстера был назначен Гидеон Гранжер. Недавно созданное морское министерство было передано Роберту Смиту. Министры Дирборн, Линкольн и Гранжер были уроженцами Новой Англии. Смит был из Мэриленда, Галлатин был уроженцем Швейцарии, переселившимся в Пенсильванию. Единственным представителем Юга в правительстве был Мадисон. Произведя эти назначения, Джефферсон хотел показать стране, что он был сторонником национальной, а не партийной или районной администрации.

Военный министр Дирборн родился в Нью-Хэмпшире, где он когда-то занимался медициной. Но затем он проживал в Мэне и представлял этот штат в Конгрессе. Он имел большие военные заслуги и дослужился до чина полковника. Дирборн имел большую и импозантную внешность и был хладнокровным и способным человеком. Министру юстиции Леви Линкольну было 50 лет с небольшим. Он родился в Массачусетсе и учился в

Гарварде. По профессии он был адвокатом, а по убеждениям — горячим сторонником республиканцев Джефферсона. Как и Дирборн, он тоже был членом Конгресса. Почтмейстеру Гидеону Гранжеру было всего 34 года и он был самым молодым членом правительства. Он родился в Коннектикуте и учился в Йэле. По профессии — адвокат, а по склонности — политик — он был членом штатной легислатуры, где, несмотря на свою молодость, добился уважения за свою энергию и способности. Морской министр Роберт Смит унаследовал этот пост от своего брата Сэмюеля, прослужившего в правительстве Джефферсона всего несколько месяцев. 44-летний Смит был адвокатом из Мэриленда и его семья, особенно брат Сэмюель, была очень близка к Джефферсону. Смиты происходили из известной семьи Балтимора и хорошо понимали в судоходстве и финансах. Роберт Смит, человек с элегантными манерами и приятной внешностью, пользовался большой популярностью среди моряков.

Но наиболее талантливыми и интересными членами кабинета были виргинец и швейцарец, а не люди из Новой Англии или из Мэриленда. По способностям и по своему положению государственный секретарь Мадисон превосходил всех остальных, за исключением президента. Мадисон соединял в себе большой ум с веселым характером. Небольшого роста государственный секретарь был прекрасным ученым и забавным собеседником. Британский посол Август Фостер сказал о Мадисоне, что он был лучше осведомлен, чем сам Джефферсон — прекрасный комплимент, даже в том случае, если он не всегда соответствовал действительности. Фостер назвал Мадисона «светским, общительным, добродушным приятелем, знавшим множество анекдотов, иногда бессодержательных, но часто представлявших поли-

тический и исторический интерес». В противоположность президенту, Мадисон был убедительным оратором. Он обладал точным юридическим складом ума. Против него была только его внешность. Описание ее Вашингтоном Ирвингом стало знаменитым: «Что касается Джемми Мадисона — ох, мой бедный Джемми — он напоминал маленькое сморщенное яблочко».

Если «Джемми» Мадисон не был импозантной фигурой, то жена его, Долли, была полной противоположностью своему мужу. Вашингтон Ирвинг восторженно о ней отзывается: «Миссис Мадисон — изящная, дородная, миловидная дама, встречающая всех с улыбкой и имеющая приятное слово для каждого человека». Эта «миловидная дама» исполняла обязанности хозяйки у вдовца Джефферсона. Прославленная Долли была, пожалуй, самой живой лэди во всем Вашингтоне.

В лице министра финансов Альберта Галлатина, Джефферсон имел настоящее сокровище. Как сам Джефферсон, так и его партия, состоявшая из землевладельцев и ремесленников, не обладали знаниями в области финансов и не были знакомы с торговлей. Но когда дело дошло до цифр и финансов, Галлатин оказался настоящим волшебником. В вопросе о деньгах он не уступал ни одному купцу-янки и был таким же упорным, как и Александр Гамильтон.

Подобно Гамильтону, Галлатин был рожден за границей. То, что два способнейших финансиста того времени родились за границей, — является удивительным совпадением. Оба они оставили глубокий след в адоптированной ими стране, особенно в области финансовой администрации. Галлатин родился в Женеве, Швейцария. Он происходил из аристократической семьи и приехал в Америку подростком. В отличие от Гамильтона,

аристократ Галлатин был горячим демократом и первоклассным администратором. Был он высоким, имел длинный нос, продолговатое лицо, голубые глаза и был лысым. В его длинной фигуре чувствовалась большая сила. У него были глаза человека, знавшего ценность деньгам.

К своему начальнику, президенту Джефферсону, Галлатин питал восхищение, граничившее с благоговением. На своем столе он постоянно имел портрет Джефферсона. Последний, со своей стороны, горячо уважал Галлатина и был ему весьма признателен за успешное заведывание национальными финансами. Галлатин, говорил Джефферсон, был человеком «исключительной честности и по своей преданности свободам и интересам нашей страны ни в чем не уступал самому верному ее уроженцу». Восхищение министром финансов и дружба с ним продолжалась у Джефферсона всю жизнь. Еще в 1823 году Джефферсон, которому в то время было уже очень много лет, писал Галлатину, что посещение бывшим министром финансов Монтиселло будет «днем ликования» и добавлял: «Я буду любить вас до конца дней своих, и радоваться, когда вы радуетесь, и сочувствовать всем вашим бедам».

В целом, это было прекрасное правительство и в нем царило полное единomyслие. В значительной степени это нужно было приписать такту и любезности Джефферсона. Он знал, как нужно обращаться с людьми и часто надевал шелковые перчатки. Мягкий характер президента, его искреннее расположение к тем, с кем ему приходилось работать и его готовность обсудить любое предложение, превращали кабинет в прекрасно смазанную машину. Каждый член правительства, кроме того, признавал и преклонялся перед интеллектуальным превосходством президента.

Джефферсон не затягивал вожжей в правительстве. «Я не испытываю удовольствия в пользовании властью», говорил он своим ближайшим помощникам. Он никогда не вмешивался и избегал приказов за исключением случаев исключительной важности. В заседаниях кабинета, даже при обсуждении вопросов большого значения, президент действовал, как первый среди равных. Оставаясь верным демократическим принципам, Джефферсон пользовался равным голосом с остальными и решения принимались большинством голосов. «В результате», объяснял Джефферсон одному из своих друзей, «во всех важных случаях исполнительная власть сохраняет характер директории, которую, конечно, может контролировать президент; но этого контроля еще ни разу не понадобилось».

Членам правительства было предложено стучаться, в случае насущной нужды, в двери дома президента в любое время. Джефферсон предупредил министров, что ни о каких церемониях, аудиенциях или протоколе не могло быть и речи. Им было сказано, что они «могут видеть меня в любое время дня, когда это им будет наиболее удобно». Его правительство, говорил позднее Джефферсон,

«являлось примером единения для кабинета из шести человек, найти параллель которому в истории было, пожалуй, невозможно. За все время работа кабинета не была омрачена резким словом между его членами. У нас время от времени высказывались разные мнения, но ни разу не случилось, чтобы после обсуждения, нам не удалось бы договориться и принять единогласное решение».

4

Первая администрация Джефферсона началась под счастливой звездой. Впервые за много лет в стране всё обстояло благополучно. Дела шли хорошо, народу жилось сравнительно не плохо и не было угрозы войны. Страшные события Французской революции не докатились до Америки. Ее обманутые надежды и извращенный идеализм находились в руках маленького смуглого итальянского авантюриста, мечтавшего осуществить типичный «фашистский» сон путем создания нового порядка в мире. Этот новый порядок должен был быть создан честолюбивым корсиканцем, который был гениальным политическим разбойником, заботившимся только о себе, своей семье и о своих профессиональных наемниках. Страсть Наполеона к господству должна была окунуть мир в насилие и кровопролитие, продолжавшиеся четырнадцать лет. Отклики этих событий докатились до Соединенных Штатов и так же глубоко взволновали президента Джефферсона, как Французская революция потрясла президента Вашингтона. Но пока что, в течение первых лет президентства Джефферсона, Бонапарт подписал перемирие с англичанами и не находился еще в войне со всем миром.

Говоря в общих чертах, Джефферсон придерживался двух основных политических линий: режим экономии дома, мир — за границей. Сам он лично был в долгах, но идея о государственном долге приводила его в ужас. Не будучи экономистом, он рассматривал экономические проблемы с политической точки зрения. Для него являлось аксиомой, что «долг и революция нераздельны, как причина и следствие». Растущая национальная задолженность была подобно потоку. Если

не контролировать рост этого долга, то он неминуемо приведет к гибели общества.

«Если государственный долг достигнет еще раз огромных размеров», писал Джефферсон Галлатину, «...мы быстро очутимся в положении Великобритании, с ее коррупцией и гнилью, завершившимися революцией».

Джефферсон был убежден, что правительство, задолжавшее много денег частным лицам, не может остаться свободным и превращается в залог своих кредиторов. Ни при каких обстоятельствах правительство Соединенных Штатов не должно одалживать столько денег, чтобы быть обязанным банкирам и потерять таким образом свою свободу. Экономия, говорил президент, означает свободу, долг — порабощение.

Была еще одна причина, почему для демократа-землевладельца Джефферсона была совершенно неприемлема идея о значительном национальном долге. Было ясно, что долг означает проценты, а проценты ведут к увеличению налогов, которые со своей стороны понижают жизненный уровень простого народа. Идея хорошего общества Джефферсона не сводилась к ухаживанию за банкирами и к грабежу тружеников. Однажды он объяснил это в письме к Сэмюэлю Керчевалю:

«Если мы завязнем в таких долгах, нам придется обложить налогами нашу еду и наши наитки, необходимые нам вещи и наш комфорт, наш труд и наши развлечения, пожертвовать нашим призванием и нашими убеждениями и, подобно народу Великобритании, нам придется работать шестнадцать часов из двадцати-четырёх и каждого пятнадцатого числа отдавать наши заработки правительству за его долги и ежедневные расходы; и остатка нам будет недостаточно на покупку хлеба и мы вынуждены будем жить, как они теперь живут, на овсянке и картофеле; времени на размышления не будет

и не будет также средств для привлечения виновных к ответственности; но каждый будет рад получить пропитание и предложить свои услуги, чтобы надеть цепи на шею своих многострадальных сограждан».

Президент и его министр финансов приступили к проведению программы экономии по трем направлениям. Не могло быть больше речи об одалживании денег. Национальный долг подлежал погашению путем систематических платежей по основной сумме и процентов. Расходы подлежали решительному сокращению. Джефферсон, где только было возможно, попытался перенести тяжесть налогового обложения с бедных на богатых. Значительная часть правительственных доходов поступала от пошлин на ввозимые товары и от судоходства. Эту статью дохода следовало, по мнению Джефферсона, сохранить, потому что она касалась преимущественно тех людей, которые имели возможность платить. «Я желаю», сказал президент Галлатину в 1802 году, «чтобы стало возможным поднять пошлину на все покупаемые, главным образом богатыми людьми, предметы до размеров налога на сахар, с тем, чтобы мы имели возможность отказаться от последнего налога к будущей сессии».

Одним из отмененных Джефферсоном прямых налогов явился акциз на очищенные крепкие спиртные напитки. Это сделало его очень популярным среди поклонников виски. Потребители вина, принадлежавшие к состоятельным классам, продолжали платить налог и проклинали президента.

Джефферсон унаследовал национальный долг в размере свыше 80 миллионов долларов. Президент и Галлатин выработали такую систему, при которой ежегодно можно было отложить 7 с по-

ловинной миллионной для погашения суммы долга и уплаты процентов. План этот оказался настолько удачным, что к концу пребывания Джефферсона на посту президента, несмотря на покупку Луизианы и понесенных в результате эмбарго потерь — национальный долг уменьшился до 27 с половиной миллионов долларов. Эта экономия была частично достигнута путем сокращения расходов на армию и флот. Армия была сокращена с 4.000 до 2.500 человек.

В области финансов, администрация Джефферсона осуществила две больших реформы. При Гамильтоне и его преемниках финансовая политика осуществлялась по британскому образцу — отчет давался парламенту после израсходования денег. В глазах Джефферсона эта система была не-демократической и гнилой. Он полагал, что Конгресс должен знать заранее, что правительство намерено истратить в наступающем году. Представители народа должны иметь право утвердить или отклонить всякую расходную статью. Это, по мнению Джефферсона, являлось единственной для народа возможностью контролировать правительство и следить за его мероприятиями. Президент предложил поэтому Галлатину учредить систему точного счетоводства и представлять на утверждение Конгресса подробные законопроектны об ассигнованиях.

5

В иностранных делах политика Джефферсона была такой же простой, как и в экономике. Соединенные Штаты были для него великим островом свободы посередине мира тирании. Он благословлял Всевышнего за то, что Америка была «отделена широким океаном от европейских наций» и надеялся уберечь ее от опасностей.

Если бы у Джефферсона была возможность, то он возвел бы вокруг Америки Китайскую стену, которая не должна была служить бастионом против захватчиков, а преградой против ненависти и несправедливостей Старого Света. Это не было шовинизмом или узким патриотизмом. Любовь Джефферсона к своей стране была, конечно, окрашена любовью ко всему миру. Он любил Америку, как мудрый отец гордится своим потомством, а не как беспокойный любовник, ревнующий свою возлюбленную. Он был настолько горд Америкой, что мечтал о превращении этой страны в маяк свободы для всего человечества. Джефферсон постоянно считался с мировым общественным мнением. Он понимал, что если демократический опыт удастся в Америке, за ней последуют все остальные страны мира.

Джефферсон желал также превратить Америку в приют для всех гонимых. В его первом ежегодном послании к Конгрессу содержался пламенный призыв открыть двери для беженцев:

«И неужели мы откажем несчастным беженцам в гостеприимстве, которое было оказано дикарями нашим отцам, приехавшим на этот материк? Неужели подвергающиеся преследованиям люди не найдут приюта на этой планете?»

Но он не стремился к широкой иммиграции в Америку, опасаясь, что люди, воспитанные в школе деспотизма, не превратятся в идеальных граждан свободной республики. «Если пропорция их будет слишком велика», писал он в 1792 году, «они будут вмешиваться в наше законодательство. Они заразят его своим духом, извратят его и сделают разнородным, бессвязным и безумным». Джефферсон предпочитал небольшие группы иммигрантов, особенно опытных ремесленников и мастеров.

Из всех приезжавших иммигрантов, больше всего ему нравились итальянцы. Среди них имелись лучшие в мире ремесленники и мастера своего дела, много энергичных фермеров и виноделов. Он полагал, что умелые и готовые тяжело работать итальянцы могут превратить много диких районов Америки в настоящие сады. Что касалось иммигрантов-немцев, то Джефферсон долго носился с мыслью сделать опыт по сравнению трудоспособности немца с трудоспособностью негра. Он желал ввести «столько же немцев, сколько я вырастил рабов» и поселить их «и моих рабов на фермах, размером в 50 акров каждая, вперемишку». Джефферсон был убежден, что немецкие иммигранты и особенно их дети, если только им предоставить возможность, превратятся в «хороших граждан».

Только европейских захватчиков и угнетателей Джефферсон хотел держать подальше от Америки. Одним из способов для этого являлось сокращение до минимума контакта с внешним миром. В наш век радио и кругосветных полетов звучит это очень по донкихотски, но в начале 19 века дело обстояло совершенно иначе и все сообщение базировалось на парусных судах. Джефферсон не стремился к товарообмену с Европой и хотел ограничить торговлю до минимума. Он предполагал расторгнуть все существовавшие договоры и не заключать новых. В случае срочной необходимости, он был готов отправить своего представителя за границу для урегулирования какого-либо вопроса и затем вернуть его домой. Он не хотел иметь постоянных американских дипломатических агентов в иностранных государствах.

Эта политика Джефферсона объяснялась определенным предубеждением. Зная значительное число дипломатов, Джефферсон никому из них не доверял и не любил их так же, как не любил бан-

киров. Он относился к дипломатам с подозрением, считал их нарушителями мира, а их занятие — подготовкой войны. Своему другу-дипломату Уильяму Шорту президент писал: «Я всегда рассматривал дипломатию, как чуму для мира всего мира, как мастерскую, в которой были сфабрикованы почти все европейские войны».

Президент постепенно ликвидировал все американские дипломатические миссии в Европе. Он отозвал всех дипломатов домой, но сделал это не на подобие курицы, обеспокоенной за своих цыплят, а как осторожный коммерсант, закрывающий свои отделения за границей по той причине, что они не оплачивались..... «Так как мы не хотим вмешиваться в политику Европы», говорил президент, «а ограничиться только торговлей, — консулы будут вести все дела, которые мы будем там иметь». Он отозвал Уильяма Смита из Португалии, Уильяма Моррэй из Голландии, Джона Квинси Адамса из Пруссии. Он намеревался отозвать остальных — Руфуса Кинга из Лондона и Роберта Р. Ливингстона из Парижа — но международные авантюры Наполеона нарушили планы Джефферсона.

6

Независевшие от воли президентов или философов события сделали невыполнимой мечту Джефферсона о политической изоляции от всего остального мира. Но крушение изоляционистских преград президента явилось бесценным даром и сыграло огромную роль в истории Америки. Весною 1803 года произошла первая короткая встреча двух великих амбиций и была заключена сделка. Наполеон, амбиция которого сводилась к созданию собственной династии, продал террито-

рию, не представлявшую интереса для его семьи. Джефферсон, амбиция которого заключалась в обеспечении свободной республики для потомства, приобрел территорию, представлявшую интерес для его народа.

Закулисная сторона истории, коснувшейся крупнейшей сделки по продаже недвижимости за всю историю, носила исключительно географический и коммерческий характер. К западу от Миссисипи простиралась на тысячи миль до Скалистых гор, ничья земля с лесами и реками, лугами и бизонами. Это был дикий рай, со множеством живописных чудес и необыкновенными природными богатствами. За исключением нескольких тысяч индейцев и белых храбрецов, никто не восхищался природой и не разрабатывал богатства. С 1763 года над этим огромным районом развивался флаг разлагавшейся и дряхлой Испании.

Назывался весь этот район Луизианой. Из него были постепенно образованы штаты — Арканзас, Колорадо, две Дакоты, Айова, Канзас, Луизиана, Миннесота, Миссури, Монтана, Небраска, Оклахома и Вайоминг. Территория Луизианы занимала примерно площадь в один миллион квадратных миль, т. е. примерно составляла размеры Аргентины. Район был настолько велик, что на его территории могла бы уместиться вся Западная Европа, включая Скандинавию.

Воротами этой территории был Новый Орлеан, в устье реки Миссисипи. Последняя, в свою очередь, была жизненной линией торговли американского Запада. Тот, в чьих руках находился Новый Орлеан, имел возможность влиять на судьбы американского народа, не жившего на побережье Атлантического океана. Пока Новый Орлеан находился в руках слабой Испании, американский Запад мог расти и торговать, не опасаясь действительного вмешательства. Но, если бы Новый

Орлеан попал в руки мощного и честолюбивого государства, тогда перед Соединенными Штатами стоял бы выбор — подчиниться диктату и оказаться на роли притесняемого или вести борьбу за контроль над Миссисипи и Западом. Как Джефферсон категорически заявил, — всякая иностранная держава, владеющая Новым Орлеаном, была «естественным и обычным врагом» Соединенных Штатов. Это являлось элементарной политикой, продиктованной упрямыми географическими соображениями.

Наполеон, собиравшийся построить свою империю, как в Старом, так и в Новом Свете, наложил свою руку на территорию Луизианы при первой представившейся возможности. Секретным договором в Сан-Ильдефонсо, в октябре 1800 года, он добился от Испании уступки Луизианы, с прилегающей к ней Флоридой. По той причине, что он не вступил немедленно во владение этой территорией, договор около года держался в секрете. Но к концу 1801 года это стало известно и явилось жестоким ударом для Джефферсона. Все его надежды на полную изоляцию от европейских дел мгновенно испарились.

Для президента было совершенно ясно, что оккупация французами Нового Орлеана делала войну с Наполеоном неизбежной. Но у Соединенных Штатов было недостаточно войск и слишком мало военных судов и у Джефферсона оставался один печальный выход — заключить союз с Англией, которой он не доверял, против Франции, которая ему правилась больше всех остальных государств. Пойти на это было очень трудно. В тот день, мрачно сказал Джефферсон, когда наполеоновские войска высадятся в Новом Орлеане, «нам придется выйти замуж за британский флот и англичан».

Общественное мнение не было подготовлено к неприятной вести о захвате Францией Луизианы и когда это стало известно, по всей стране вспыхнули волнения. Осенью 1802 года страна узнала, что испанские власти в Новом Орлеане лишили американских купцов «права залога». Это было равносильно ежегодной потере продукции на 1 миллион долларов и автоматически приостанавливало рост Запада, путем закрытия рынков сбыта. Мера испанцев вызвала огромное возмущение во всей стране, особенно среди верных сторонников Джефферсона, людей Запада.

Предвидевший это событие Джефферсон, дал стране внушительный пример спокойствия и невозмутимости. Он знал, что предпримет шаги для осуществления принятого им решения — купить Новый Орлеан или вести за него борьбу.

Президент заставил Конгресс вынести постановление о секретной ассигновке в размере 2 миллионов долларов, которая должна была быть использована «в сношениях Соединенных Штатов с иностранными государствами». Затем, в марте 1803 года, он послал Джемса Монро в качестве чрезвычайного посла во Францию, чтобы помочь Ливингстону вести переговоры о сделке с Напартром. Монро была дана инструкция предложить Наполеону 50 миллионов франков за Новый Орлеан и Флориду, или две трети этой суммы за остров, на котором стоит Новый Орлеан. Американские посланцы должны были по меньшей мере добиться права свободного судоходства по Миссисипи. Если французы откажутся, предупредил Джефферсон, то американцы должны выиграть время и вступить в секретные переговоры с англичанами. В инструкции, посланной Монро и Ливингстону, говорилось:

«...как только им станет ясно, что соглашения с Францией добиться невозможно, следует со дня на

день затягивать переговоры и, тем временем, вступить в контакт с британским правительством, через посредство британского посла в Париже, для установления принципов союза, и оставить нас в покое до созыва Конгресса; и предупредить войну до будущей весны».

Но обстоятельства обернулись так, что всё это оказалось ненужным. Наполеон действовал быстрее, чем мог надеяться Джефферсон. Когда Монро отплыл во Францию, Ливингстон начал переговоры с Наполеоном и с его министром иностранных дел продажным Талейраном. Плохо говоривший по-французски и терявший слух американский посол вначале ничего не мог добиться. Властный Первый Консул и его корыстный министр иностранных дел удостаивали мало внимания аристократическому Ливингстону с его прямыми манерами. Искренний республиканец из Америки, вероятно, не подозревал, что Талейран пользовался своим положением, чтобы составить себе огромное состояние. Через три месяца после своего вступления в должность, Талейран отложил уже на черный день сумму в 12 миллионов франков, которые он получил в форме «подарков» от иностранных держав, добивавшихся расположения Наполеона.

Первый, заданный циничным Талейраном благородному Ливингстону, вопрос был — «Имеются ли у вас деньги?»

«Я вас не понимаю», ответил пораженный вопросом посол Джефферсона.

«В этой стране», продолжал заискивающим голосом Талейран, «без денег очень трудно обойтись. С избытком денег можно преодолеть все трудности. Подумайте хорошенько об этом».*

* Д. У. Томисон и С. К. Падовер — «Секретная дипломатия», Лондон 1937 г., стр. 207.

Непрочное франко-британское перемирие, тем временем, быстро портилось и возобновление войны между Наполеоном и Великобританией считалось неизбежным. Ввиду того, что в случае войны британский флот мог легко захватить Новый Орлеан, Наполеон решил, что будет разумнее продать эту территорию Соединенным Штатам и получить деньги за то, что в конце концов всё равно будет потеряно. Первый Консул действовал быстро. 11 апреля 1803 года он намеренно оскорбил британского посла в Париже лорда Уитурта — сделал жест, как будто готовился его ударить. Уитурт схватился за шпагу. В тот же день Талейран вызвал Ливингстона и спросил его, хотят ли Соединенные Штаты иметь «всю Луизиану».

«Нет», ответил пораженный Ливингстон. «Наши желания ограничиваются только Новым Орлеаном и Флоридой».

Без Нового Орлеана, объяснил ему Талейран, остальная территория не имеет большой цены. Он хотел знать, какую сумму готова Америка уплатить за всё. Ливингстон был совершенно неподготовлен, чтобы сделать предложение, так как Монро еще не приехал с инструкциями от Джефферсона. Тем не менее он решился предложить Талейрану 20 миллионов франков. «Слишком мало», ответит министр иностранных дел и предложил Ливингстону обдумать этот вопрос и явиться к нему завтра. На следующий день в Париж приехал Монро и Ливингстон отправился к Талейрану с новым предложением. Министр иностранных дел вел себя очень уклончиво, очевидно, потому, что не получил никакого «подарка». 13 апреля, в день рождения Джефферсона, Ливингстон имел свидание с министром финансов Марбуа, которому Наполеон поручил ведение переговоров. Марбуа передал Ливингстону слова

Наполеона: «...пусть они (американцы) дадут вам сто миллионов франков, возместят все убытки и возьмут себе всю территорию».

Ливингстон не мог дать ответа без совещания с Монро. На следующий день оба американца отправились к Марбуа и предложили ему 50 миллионов франков. Марбуа ответил, что суммы этой недостаточно, но Ливингстон и Монро, зная, что Франция находится накануне войны и очень нуждается в материальных средствах, решили не торопиться и не увеличивать пока что предложенной ими суммы. В последний день января два американских представителя приняли к соглашению с французскими министрами. Два дня спустя, 2 мая, был подписан исторический договор. За 60 миллионов франков — примерно 15 миллионов долларов — Наполеон уступил всю территорию Луизианы Соединенным Штатам.*

Это была феноменальная сделка. После того, как Ливингстон подписал свое имя на договоре, он сделал пророческое замечание: «С сегодняшнего дня Соединенные Штаты займут свое место среди держав первого ранга».

Ливингстон предложил Джефферсону немедленно ратифицировать этот договор, пока Наполеон не изменил своего решения. Был поднят вопрос, не противоречит ли эта сделка конституции, но партия Джефферсона оказалась достаточно сильной в Сенате, чтобы справиться с оппозицией. 17 октября 1803 года Сенат 24 голосами против 7 ратифицировал этот договор.

Еще до конца этого года страна получила памятный рождественский подарок. 20 декабря

* 15 миллионов долларов представляли в то время огромную, конечно, сумму денег. Жалованья в городе, подобно Нью-Йорку, составляли тогда примерно 10 долларов в месяц. Таким образом можно считать, что ценность доллара была в 20 раз больше нынешней.

французские власти передали территорию Луизианы Соединенным Штатам и «остров свободы» Джефферсона превратился, таким образом, в империю свободы, простирающуюся от Атлантического океана до Скалистых гор. Это было венцом славы президента Джефферсона.

Одним ударом, которому сопутствовала величайшая удача, ему удалось удвоить территорию своей страны, не прибегая к войне, а путем приобретения — исключительное достижение, единственное в своем роде за всю историю. Джефферсон был убежден, что территория Луизианы будет открыта для иммиграции и новые поселенцы обеспечат благосостояние Соединенным Штатам и счастье себе.

На третьем году своей администрации, Джефферсон затеял борьбу с федеральными судебными властями. Это был первый подобного рода конфликт в истории Соединенных Штатов. А последний конфликт имел место в 1937 году. И борьба эта еще не закончена, ибо нельзя утверждать, что Томас Джефферсон в 1803-04 гг. или Франклин Д. Рузвельт — в 1937-38 гг. добились существенного успеха в их конфликте с судебными властями.

Джефферсон был двинут на этот конфликт динамикой своих идей и логикой своего положения. Федералисты, особенно Джон Адамс, заполнили судебные посты своими собственными сторонниками. Эти судьи не любили Джефферсона и его демократическую систему. Эта антипатия, излишне говорить, была обоюдной.

Об отношении Джефферсона к судебному аппарату можно лучше всего судить по следующему эпизоду. Через несколько лет после ухода с поста президента, Джефферсон принимал у себя к обеду гостей, включая своего врага — пред-

седателя Верховного Суда Джона Маршала. Разговор коснулся подготовки адвокатов. Джефферсон подверг критике ограниченное юридическими науками образование и сказал, что адвокатам следует иметь «более разностороннее образование и больше здравого смысла». Затем он рассказал об опыте, который он проделал, будучи президентом.

Для назначения членов Верховного Суда территории Мичиган, Джефферсон остановился на кандидатурах трех совершенно различных людей из разных районов страны. Только один из них был адвокатом — «сухим формальным адвокатом», заметил, улыбнувшись, президент, который «не согласился бы признать, что два и два — четыре, пока не будет вынесено соответствующее постановление суда». Вторым был Вудуорд из Виргинии — философ и ученый и, вдобавок, «мистик». Третьим был «большой, с крепкими руками, прямолинейный фермер из Вермонта», никогда не державший в руках учебника и презиравший юриспруденцию.

Председатель Верховного Суда Маршал прощически спросил: «И как вы осуществили ваш план, г. президент? Работала ли хорошо ваша машина?»

«Даю вам честное слово», охотно признался Джефферсон, «что машина совсем не работала».

С момента вступления своего в должность, Джефферсон намеревался обуздать федеральный судебный аппарат. Проект его первого послания к Конгрессу в декабре 1801 года содержал скрытую бомбу, предназначенную для ограничения полномочий и притязаний судей. В этом проекте президент объявлял закон «о подстрекательстве» своего предшественника неконституционным и лишал Верховный Суд исключительного права толкования конституции.

Но эта бомба не была заложена. В последний момент президент изменил свое намерение. Он понимал, что нация не оправилась еще после выборов и озлобление тлело еще во многих частях страны. Поэтому не наступил момент для ведения войны с судебным аппаратом и Джефферсон выбросил из своей речи это место, которое могло оскорбить умеренных федералистов.

Его речь в Конгрессе звучала примирительно и мягко. Она была, если заимствовать выражение из «Республиканского Сторонника», «подобна елею хорошего самаритянина на рану чужестранца и плодотворно подействовала на общественное мнение». «Елей» оказался прекрасным. Когда состоялись следующие парламентские выборы, партия Джефферсона одержала оглушительную победу.

Пока Джефферсон выжидал момента, его судебные оппоненты схватились за оружие. Произошло это в связи с инцидентом, в котором не было недостатка драматизма. История эта, которой суждено было наложить отпечаток на американскую историю, известна под названием «дело Марбори против Мадисона».

Уильям Марбори был мелким федералистским политиканом. В последние часы своей администрации, президент Адамс назначил его мировым судьей в Колумбийском округе. Сенат ратифицировал это назначение. Государственный секретарь, которым был Джон Маршал, подписал и скрепил печатью бумагу. Всё было сделано как будто по всем правилам, но произошла одна заминка. Уходящая в отставку администрация была так занята своим переездом, что бумага не была доставлена самому Марбори.

Когда на смену старой пришла новая администрация, Марбори потребовал бумагу о своем назначении, которая всё еще лежала на столе госу-

дарственного секретаря. Джефферсон, возмущенный «полупочными назначениями» Адамса, приказал государственному секретарю Мадисону не отдавать этой бумаги. Марбори предложил Верховному Суду приказать Мадисону, на основании 13 раздела Судебного акта 1789 года, отдать ему его бумагу о назначении. В феврале 1803 года председатель Верховного Суда Маршал вынес решение по делу «Марбори против Мадисона». Значение его оказалось эпохальным.

Маршал прежде всего указал, что назначение Марбори является действительным, независимо от того, была ли вручена бумага или нет. Мадисон действовал незаконно, отказавшись выдать бумагу. В результате, Марбори имеет право настаивать на приказе высшей судебной инстанции низшей. Таким образом, первый раунд был выигран Марбори.

Существо проблемы, однако, заключалось, по мнению председателя Верховного Суда, в том, является ли Верховный Суд компетентным органом для выполнения требования Марбори об издании приказа на основании раздела 19 Судебного акта 1789 года. В этом заключалась главная трудность. Искусный председатель Верховного Суда счел нужным подчеркнуть, что, согласно конституции, Верховный Суд не имеет полномочий вручать судебные повестки представителям исполнительной власти. Поэтому вопрос сводится к тому, следует ли Верховному Суду следовать 13 разделу Акта 1789 года или же конституции? Ответ Маршала был ясен. «Решение этой проблемы», писал Маршал, «может быть только одно — конституция контролирует всякий для нее неприемлемый законодательный акт». Другими словами, — конституция была выше раздела 13. Иначе говоря, раздел 13 был неконституционным. Таким образом, Верховному Суду принадлежит право решать, ка-

кой законодательный акт является неконституционным. В результате второй раунд был против Марбори (который, в данном случае, был простой пешкой), но за Верховный Суд.

В своем решении Маршал подчеркнул превосходство Верховного Суда и одновременно сделал выговор Джефферсону. «Хитрый главный судья», как называл его Джефферсон, нанес серьезный удар. Не лишено интереса, что судья Маршал вынес случайно решение по делу, в которое был сам раньше замешан — им самим была подписана бумага о назначении Марбори. По это причине не все считали этот поступок этичным.

Опасные последствия решения Маршала были приняты во внимание Джефферсоном, который считал, что это является явной угрозой свободному правительству в будущем. Суд, узурпирующий власть, никогда не предоставленную ему конституцией, чтобы объявлять законодательные акты недействительными, — представляет опасность демократическому строю и является вызовом законодательным правам народа.

Теория Джефферсона заключалась в том — и «отец конституции» Джеймс Мадисон был с ним вполне согласен — что создатели конституции, учреждая законодательную, исполнительную и судебную власть имели ввиду, что деление это необходимо для контроля, а не для господства одной власти над другими. Любое превышение властью со стороны одной против других, — он рассматривал, как деспотизм.

Главной попыткой Джефферсона сломить узурпированную судебным аппаратом власть явилась попытка «импичмент», т. е. удаление с поста члена Верховного Суда Сэмюэля Чэйза. Это был тот самый Чэйз, который председательствовал на процессе Томаса Купера и Джеймса Томсона Каллендера. Это был тот же судья, который предложил

замолчать наиболее известным адвокатам Виргинии. Это был тот же самый судья, который однажды предложил не допускать в число присяжных заседателей «всех тех креатур или личностей, называющих себя демократами». Это был тот же самый Чэйз, который, обращаясь к присяжным заседателям в Балтиморе, отвлекся от своей темы и стал нападать на конституцию штата Мэриленд, потому что она предоставляла избирательное право всем взрослым мужчинам. Это обстоятельство, сказал судья, «быстро уничтожит всякую защиту имущества и безопасность личной свободы, и наш республиканский режим превратится в господство черни».

Чэйз был, коротко говоря, несдержанным человеком, злость которого не имела пределов. Еще в 1778 году он был, по словам Александра Гамильтона, «всеми презираемым» человеком (потому, что пытался спекулировать на рынке мукою). Теперь Джефферсон решил, что наступил момент, когда этот судья должен понести заслуженную им кару из рук представителей народа, который он постоянно оскорблял.

В письме на имя конгрессмена Никольсона, президент предложил Палате Представителей сместить Чэйза и в начале 1804 года была создана комиссия для «расследования судебного поведения Сэмюэля Чэйза». Год спустя Палата Представителей большинством 73 голосов против 32 постановила снять Чэйза с поста судьи и выставила восемь обвинений в злоупотреблении властью и в преступлениях по должности. Блестящий Джон Рандольф из Роанока выступил в качестве обвинителя со стороны Конгресса. Пять крупнейших адвокатов взяли на себя защиту Чэйза.

Процесс состоялся в Сенате. Для признания Чэйза виновным по каждому из 8 пунктов, требовалось большинство в две трети голосов. Из 34

сенаторов, принимавших участие в суде над Чэйзом, 25 принадлежали к партии Джефферсона и 9 — были федералистами. Для вынесения обвинительного вердикта требовалось только 23 голоса. Но президент не был в состоянии или не хотел оказывать давления. Шесть из республиканских сенаторов отказались следовать большинству своей партии.

Продолжавшийся около месяца процесс явился самым сенсационным того времени. Драматический характер этого процесса был подчеркнут тем фактом, что председателем суда был вице-президент Соединенных Штатов Аарон Берр. Он только что убил Александра Гамильтона на скандальной дуэли и являлся объектом всеобщего возмущения.

По ряду пунктов большинство Сената признало Чэйза виновным, но собрать большинство в две трети голосов не удалось. Пункт 4, например, говоривший о том, что поведение Чэйза на процессе Каллендера было «отмечено несправедливостью, пристрастием и невоздержанностью», собрал 18 голосов, а 16 сенаторов голосовали против. По пункту 8, обвинявшему Чэйза в произнесении «невоздержанных и возбуждающих политических речей» перед присяжными заседателями в Балтиморе, 19 сенаторов высказались за осуждение и 15 — против. В результате снять Чэйза с поста верховного судьи не удалось. Возможно, что его спасло чувство «солидарности» со стороны адвокатов Сената. Они не желали создать опасный прецедент против представителя их собственной профессии и, отказавшись голосовать за осуждение Чэйза, спасли его от «импичмент». После процесса Чэйза Джефферсон говорил, что «импичмент» является «фарсом».

Отказ Сената снять Чэйза с поста было поражением Джефферсона. Если бы судья был осуж-

ден, президент, вероятно, потребовал бы «импичмент» всего Верховного Суда. Но этого не произошло и он не имел оснований повторять этот фарс. То, что оставалось еще от федералистской власти, нашло теперь приют в стенах Верховного Суда, где судьи посвящали свое время борьбе с идеализмом Джефферсона.

7

Если Джефферсону и не удалась попытка обуздать судебную власть, — тем не менее он ее основательно напугал. Федеральные судьи находились настороже. Даже сам Чэйз проявил себя после процесса только один раз. А коллега его по процессу Каллендера — судья Ричард Петерс — был так напуган угрозой «импичмент», что в течение пяти лет отказывался подписывать приказы о проведении вынесенных им самим в окружном суде решений.

В то время, как судебный аппарат был временно приглушен, федералистская печать продолжала проявлять большую активность. Несмотря на сокращение числа газет и падение их влияния, федералисты решили предпринять еще одну вылазку против «того человека», который лишил их власти. Твердолобые федералисты затеяли партизанскую войну против президента, нападая на его администрацию и очерняя его личность. Одним из лозунгов этой кампании был — «Да будет проклят Джефферсон на веки вечные!»

Терпение Джефферсона подверглось новому испытанию. Искушение нанести ответный удар, наказать клеветников и диффаматоров было очень велико. Но Джефферсон, сознававший важность своей миссии и убежденный в том, что глаза всего мира обращены на его демократический «экс-

перимент», — не поддался искушению обуздать обидчиков. Он понимал, что в данном случае речь шла об испытании на практике свободы слова и считал, что свобода эта не подлежит контролю при демократическом режиме, даже тогда, когда газеты чрезмерно злоупотребляют этим правом.

Президент тяжело переносил отравленные ключки печати. Тем не менее он не считал возможным ограничить свободу слова. Джефферсон писал Джону Тайлеру:

«Ничего не может быть интереснее проводящегося ныне нами опыта, который, как мы надеемся, закончится установлением факта, что человеком можно управлять на основании разума и правды. Нашей первой целью является, поэтому, оставить ему открытыми все ведущие к правде пути. Наиболее существенным является в этом отношении свобода печати. Это является первым ударом для тех, кто опасается расследования своей деятельности. Твердость, с которой народ перенес последние злоупотребления печатью, умнее отличать правду от лжи, свидетельствует о том, что народу можно спокойно доверить выслушать правду и ложь и составить себе после этого правильное представление».

Мадисон был прав, когда он сказал Лафайету после кончины Джефферсона, что «Джефферсон рассматривал свободу печати, как основную гарантию свободного правительства».

Джефферсон учил также страну демократическому обиходу. После всех разговоров о восставлении монархии при Вашингтоне и церемониальной помпы при Адамсе, Джефферсон решил ввести в стране республиканскую простоту. Одним из первых актов президента явилась отмена еженедельных приемов, этого претенциозного обычая, заимствованного у монархии. При Ва-

шингтоне и Адамсе, прием этот сводился к еженедельному появлению у президента чопорных лэди, выражавших тем самым свое почтение «трону». В этом обычае Джефферсон усмотрел снобизм и счел его непристойным для демократии.

Президент разделался с этими приемами способом, достойным комедии Мольера. Когда по столице распространился слух, что Джефферсон отказался от приемов, вашингтонские лэди нарядились в свои лучшие платья и «силою проникли» в особняк президента. Но президента там не оказалось. Он поехал кататься верхом. Лэди решили обождать возвращения Джефферсона — они хотели добиться своего, независимо от того, нравилось ли это президенту.

Он вернулся с прогулки в пыльных сапогах со шпорами и со шляпой в руке. Когда он увидел ожидавших его лэди, на лице его появилась обворожительная улыбка и он проявил любезность, свойственную виргинскому джентльмену. Какой прекрасный сюрприз! Что за чудесное посещение! Он был счастлив видеть своих гостей! Не согласятся ли они остаться немного дольше? Удивленные и потерявшие дар речи лэди, поспешно удалились. У некоторых хватило чувства юмора, чтобы посмеяться над тем, что произошло. Вся страна смеялась тоже. А приемы после этого были окончательно похерены.

Джефферсон отменил также правила старшинства и этикет, строго соблюдавшиеся при Вашингтоне и Адамсе. Был положен конец официальным парадным обедам и они заменены частными приемами. За круглым столом усаживались не в порядке старшинства, а как кому нравилось. Джефферсон имел обыкновение говорить, что делалось это для того, чтобы «никто не был над вами и вы — ни над кем другим».

Не без заднего умысла, президент учредил

правило, названное им французским словом *rôle-mêle*, — вперемешку, — которое предусматривало, что никто, независимо от своего ранга или положения, не пользуется правом старшинства при переходе из одной комнаты в другую. Женщины, конечно, предшествовали мужчинам, но принцип оставался в силе, что «все члены общества совершенно равны между собою». Этот принцип нанес серьезный удар по всем социальным предрассудкам и явился причиной незначительного дипломатического инцидента.

В это происшествие был замешан британский посол в Вашингтоне Энтони Мерри, которому было непонятно, как дипломат может существовать без права на старшинство и без золотого галуна. Это было недостойно. Это было не по правилам. Так не делалось. Но ужасная вещь случилась с мистером Мерри. Когда он приехал в Вашингтон, государственный секретарь Мадисон повел его представить президенту. Мерри, нацепивший на себя все регалии — золотую цепь, меч и всё остальное, рассчитывал на весьма торжественный парадный прием. Вместо этого в приемной зале никого не оказалось. Это — был его первый сюрприз. Но главный удар приключился тогда, когда Мадисон провел его через узкий корридор в кабинет президента и представил его. Джефферсон был очень вежливым, но его внешний вид!.. Мерри был буквально потрясен и схватился за меч, когда увидел перед собою человека, как он с возмущением рассказывает, «не только раздетого, но стоявшего перед ним в ночных туфлях, небрежно надетых брюках и белье. Всё это свидетельствовало о безразличном отношении к своему внешнему виду». Британский посол решил, что такое поведение Джефферсона является оскорблением его величества. Может быть это соответствовало действительности. Когда Джефферсон был представ-

лен ко двору в Лондоне в 1786 году, Георг Третий вел себя намеренно грубо.

На этом история с Мерри не кончилась. Джефферсон пригласил Мерри и его жену, разыгрывавшую из себя сноба и прозванную президентом «сварливой особой», к обеду. Среди других гостей были испанский посол маркиз де Ирухо с женой (урожденной МэкКин из Филадельфии), французский посол Людовик Пишон с женой и Джеймс Мадисон с женой Долли. Посол Мерри не был осведомлен о правиле «вперемешку» и, считая себя представителем главной державы, рассчитывал на то, что ему будет отдано предпочтение и он будет посажен впереди других гостей. Вместо этого Джефферсон предложил свою руку Долли Мадисон и усадил ее по свою правую сторону. Остальным было предложено следовать за ними и рассесться, где попало.

Это привело в бешенство чету Мерри. Они рассматривали себя оскорбленными, униженными, подвергшимися надругательствам, которые им никогда еще не приходилось переживать. Мерри довел об этой «нелюбезности» до сведения своего правительства в Лондоне и обратился за дальнейшими инструкциями. Джефферсон, которого забавлял этот шум из-за ничего, попытался успокоить британского посла. Он сказал ему, что в Америке — демократия и что при этом режиме все равны. Никто его не собирался оскорблять.

Всё это было ни к чему и Мерри этим не удовлетворились. Никогда больше они не появились на приемах у президента. Г-жа Мерри проливала слезы возмущения, когда неуклюжие американские демократы приходили к ней в дом и иногда наступали на ее платье. Бриллианты ее часто подвергались тоже критическим замечаниям. Город Вашингтон при президенте Джефферсоне определенно не жаловал Мерри, Ирухо и Салли МэкКин.

Мерри оказались не единственными обиженными президентом Джефферсоном посетителями. В числе их был также ирландский поэт Том Мур. Когда Мерри представил Мура президенту, последний взглянул сверху на маленького надушенного щеголя (Джефферсон до того ничего о нем не слышал), приветливо с ним поздоровался и сразу переменял тему разговора. Мур, обладавший чрезмерной чувствительностью, которой отличаются маленькие люди, был обижен на смерть. Позднее он оклеветал президента и подверг критике Америку в своих свирепых стихах.*

Описание Муром президента было, тем не менее, справедливым и наглядным:

«Он — большой человек; я никогда не встречал человека более величественной осанки. У него благородное лицо, с шотландско-ирландскими чертами. Волосы его вьются и имеют рыжеватый оттенок, хотя и перемешаны с сединой. У него большой и энергичный рот, а нос — типично шотландский, с необычно широкими поздрями. Что касается его глаз, то я сказал бы, что они серые со светло-синим оттенком и имеют стальное выражение. Брови у него широкие и на лице очень мало морщин. Его внешность свидетельствует о большой энергии и, если бы я не знал, что он — президент Соединенных Штатов, я бы решил, что вижу перед собою крупного землевладельца, увлекающегося охотой».

* В своих «Посланиях» (2 изд., 1806 г.) Мур так изобразил Джефферсона:

«Из пышных зал державный лидер наш
 Поехал к неграм отдыхать в шалаш
 И, замураясь с черной девою, — ныне
 Свободы просит у своей рабыни».

Чтобы избежать всяких ложных толкований, поэт объяснил в примечании, что стихотворение это относится к президенту Соединенных Штатов.

Одним из гостей президента в 1802 году был Томас Пэн,* свободный мыслитель, шокировавший верующих и приводивший в ужас консерваторов. Джефферсон сердечно его принял и появился с ним под руку на улице. Пуритане Вашингтона и предместий были оскорблены до крайности. Одним из граждан было внесено предложение повесить президента и его «богохульного друга» на одной и той же виселице.

8

Дом президента был снабжен максимальным комфортом и был предназначен для жилья, а не для показа. Каждая комната отражала вкусы, привычки и интересы Джефферсона. В кабинете стены были заставлены книгами, висели карты и чертежи. На подоконниках стояли цветы и растения. Между геранью и розами висела клетка с многоголосым пересмешником, которого Джефферсон любил за мелодичный голос и преданность к нему. Птица эта была его верным компаньоном во время работы. Когда не было посетителей, президент открывал клетку и птица свободно летала по комнате. Часто она садилась на его плечо, когда он работал, и напевала ему в ухо. Ела она из его губ. А когда Джефферсон отправлялся в свою комнату отдохнуть, обожавшая его птица прыгала за ним и чиркала.

Президентство, несмотря на то, что оно не было таким тяжелым, каким стало на столетие позже, отнимало, тем не менее, всё время у Джеф-

* Томас Пэн (1737-1809) — изв. англ. публицист. В 1774 г. выступил в Америке сторонником освободительных идей. Прославился книгой «Здравый смысл». Был горячим защитником принципов франц. революции. *Прим. переводчика.*

ферсона. Он неоднократно жаловался своим друзьям, что не имеет ни одного свободного момента. Пост этот заставил его отказаться от любимых занятий и книг и прервать свою корреспонденцию по научным вопросам. «Очень редко я могу погрузиться в роскошь философии», признался он Дю Пон де Немур в 1802 году. Что же касалось его двух любимейших предметов — механики и математики, то он как-то сказал Томасу Пэну: «Я вынужден отказаться от них полностью».

У президента было очень мало времени для чтения и когда он читал, то это была обычно поэзия. Он читал и перечитывал Гомера и Тассо, Шекспира и Мильтона, Драйдена и Попа. Читал он также британские баллады, чаще всего «Оссиана», любимое произведение его юношества. Время от времени он вырезал стихи из газет и с присущей ему методичностью наклеивал их в альбом газетных вырезок. В этом альбоме красовался станс из «Зеркала для чиновников» Томаса Саквиля. Эта поэма была написана за два столетия до рождения президента:

«Честь велика ль иметь почетный пост
 «И имя громкое, и чин, и род дородный;
 «В рядах быть тех, кто знатен, а не прост
 «Коль сами мы ничем не благородны!

«Здорово дерево — здоровым будет плод
 «Но не кичись рождением без меры,
 «Не знаменитость красит человеческий род,
 «А добродетель, доблесть и манеры!»

Очень характерно, что Джефферсон считал эту поэму великой.

При Джефферсоне дом президента стал известен своим гостеприимством. Часто за стол сяди-

лось двенадцать гостей. Приглашались они вне зависимости от своего ранга или положения. Приведенные в хорошее настроение напитками и поощряемые веселым хозяином, они проводили прекрасно время за президентскими обедами.

За столом Джефферсон имел на себе белоснежное белье и постоянно носил черного цвета костюмы, исключительная простота которых только подчеркивала их дорогое качество.* Его искреннее расположение к людям отражалось на его лице, которое, согласно одному из современников, «светилось благожелательностью и умом». Это было лицо, отмеченное щедростью и любовью ко всему человечеству. В личных делах он не мог сказать — нет; «насколько приятнее давать, чем отказывать», постоянно говорил Джефферсон с улыбкой на лице.

Обеды не устраивались исключительно для удовольствия. Они были также одним из способов Джефферсона управления страной. Вашингтон, как заметил сенатор Плумер, был «маленькой деревней посередине лесов». Там не было развлечений и члены Конгресса очень скучали. При полном отсутствии увеселений, дом президента был одним из немногих мест, где конгрессмены и сенаторы могли отдохнуть, выпить стакан хорошего вина и вести душевные разговоры. Джефферсон воспользовался этим обстоятельством.

У конгрессменов и сенаторов не было, действительно, другого выбора, как посещать дом президента, и Джефферсону, с его исключительным

* Старые одежды и домашние туфли без каблуков, которые так потрясли Мерри и других посетителей, президент носил из демократических принципов. На самом деле Джефферсон имел и носил очень хорошую и дорогую одежду. Он тратил значительные суммы на свой гардероб. Из записей его вытекает, что он платил 13 фунтов стерлингов за костюм и 50 шиллингов за шляпу. Пара, купленных во Франции, кружевных манжет стоила ему 120 франков.

тактом и тонкими манерами, редко когда не удавалось убедить собеседников в правильности своих взглядов. Таким образом, восхитительные обеды в доме президента служили также политическим целям.

Президент был сторонником использования метода переговоров с глазу на глаз для преодоления оппозиции. Он любил приглашать оппонента или возможного оппонента на конфиденциальный разговор и в обстановке уютного президентского кабинета улаживать все разногласия.

Когда президент желал обсудить что-нибудь конфиденциальное, — он приглашал нескольких членов Конгресса к обеду и обходился без прислуги. Около каждого гостя стоял поднос, содержащий весь обед — от супа до вина и каждый гость сам себя обслуживал, продолжая свободно и не прерывая себя, в связи с появлением посторонних, высказывать свое мнение.

Обычно за стол садилось примерно десять законодателей, один раз — федералистов и другой раз — республиканцев. Джефферсон редко приглашал тех и других, так как не любил разногласий и имел предубеждение против дискуссионных разговоров. Он доводил до сведения гостей свое мнение, в спокойном и убедительном тоне, не делая излишних ударений; и он терпеливо и внимательно выслушивал не разделявшие им идеи. Он отказывался вступать в споры с несогласным с ним человеком. Споры, говорил он, приводят к обратным результатам. Больше того, он проявлял исключительную терпимость ко всем точкам зрения. Однажды он сказал своему внуку:

«Когда я слышу кого-либо, выражающего точку зрения, с которой я несогласен, я говорю себе, — он имеет право иметь свое собственное мнение, как я имею право на мое; почему я должен это оспари-

вать? Его ошибка не причиняет мне страданий и неужели я должен превратиться в Дон Кихота и заставить силой подчиняться всех людей одному мнению?.. Если он нуждается в информации и просит о ней, я дам ее ему в сдержанном тоне; но если он продолжает верить своей собственной истории и не показывает желаний обсудить факты со мною, — я выслушаю его и ничего не скажу».

С финансовой точки зрения Джефферсон с трудом мог выдержать расходы президентства. Бюджет его не укладывался в его доходы. В первый год своего пребывания на этом посту он потратил 32.634 доллара, а жалованье его составляло только 25.000 долларов. В том же году он выручил около 3.000 долларов от продажи табака, так что ему пришлось одолжить свыше 4.000 долларов, чтобы покрыть дефицит. Можно, конечно, заметить, что он мог сэкономить на мадейре и шампанском, но нужно принять также во внимание, что он много расходовал на благотворительность — около 1.000 долларов в 1801 г. и 1.585 долларов в 1802 году.

9

Когда наступил год выборов — 1804-ый, Джефферсон находился на вершине своей политической карьеры. В стране он пользовался огромной популярностью. Народ благоденствовал. Повсюду царил мир. «Никогда еще», говорил много лет спустя Джон Рандольф, «не существовало более блестящей администрации, чем администрация Джефферсона того периода. Мы на самом деле достигли 'вершины успешного эксперимента!' Налоги были отменены; о государственном долге усердно заботились, погашая его сумму и уплачивая проценты; синекеры были уничтожены; при-

обретена Луизиана; доверие народа было неограниченным».

Вера народа в Джефферсона, несмотря на выпады федералистских газет, была действительно «неограниченной». 25 февраля 1804 года закрытое собрание лидеров Конгресса в Вашингтоне единогласно выдвинуло кандидатуру президента на переизбрание. Кандидатура вице-президента Берра была отвергнута. Вместо него республиканцы остановились на Джордже Клинтоне, тоже из Нью Йорка. Сторонники Джефферсона не забыли, что во время ожесточенных выборов 1800 года Берр разрешил федералистам использовать свою кандидатуру против Джефферсона и теперь не хотели иметь с ним ничего общего. Кроме того, в штатах Нью Йорке и Нью Джерси Берру было предъявлено обвинение в убийстве Александра Гамильтона и кандидатурой вице-президента не могла поэтому воспользоваться и оппозиционная партия.

В доме президента произошла патетическая сцена. Берр решил вернуться к политической жизни Нью Йорка, но отдавал себе отчет, что ничего не может предпринять без одобрения влиятельного президента. Он пошел к Джефферсону и просил его оказать ему поддержку. Если только президент согласится замолвить о нем доброе словечко, Берр попытает свое счастье в Нью Йорке. Джефферсона это не очень соблазняло. У него было чувство, что он имеет дело с опасным и отчаянным человеком. Он ему никогда не доверял. «Его поведение», говорил президент в самом начале сотрудничества с Берром, «очень скоро вселило во мне недоверие. Я имел обыкновенно предостерегать Мадисона и рекомендовал ему не полагаться на Берра».

Торжество Джефферсона в связи с единоглас-

ным избранием его кандидатом на второй срок было омрачено личной трагедией. Его младшая дочь Мария, красавица и исключительно способная девушка, цель жизни которой сводилась к тому, чтобы быть достойной своего отца, тяжело заболела. Весною обеспокоенный отец поспешил в Монтиселло, чтобы находиться у изголовья своей дочери. Он приехал как раз во время. Кончина 26-летней Марии оказалась ужасным ударом для отца. У Джефферсона, которому шел 62 год, оставалась в живых одна дочь и потеря Марии потрясла его так же, как смерть жены. После этого несчастья он заперся в своей комнате и часами читал Библию. Он снова оказался совершенно одиным в присутствии смерти.

Своему другу детства Джону Пэджу, ныне губернатору Виргинии, Джефферсон излил свое горе. Письмо к Пэджу представляет смесь тяжелых переживаний и философских размышлений с оттенками горечи:

«Другие могут потерять свои излишества, но я, несмотря на мою нужду, потерял половину того, что имел. Мои виды на закате жизни покоются теперь на тонкой нити одной только жизни».

Тем летом предвыборная кампания была очень скромной. Ярость анти-джефферсоновской печати, столь лютой в 1800 году, превратилась в 1804 году в еле слышное рычанье. Руководство федералистов было деморализовано и ряды их очень поредели в результате дезертирства на сторону Джефферсона. Республиканцы повсюду перешли в наступление. Их вожди, успешно подготовившие поражение федералистов, играли главную роль в Америке. В стране не имелось человека, у которого был бы шанс побить Джефферсона на выборах. Мало кто из вождей до него удостоился та-

кого признания, какого удостоился Джефферсон. А кандидаты федералистов, которые были на выборах его противниками, — генерал Чарлз Котсуорт Пинкни из Южной Каролины и бывший сенатор Руфус Кинг из Нью Йорка, были способными и культурными людьми, но не являлись национальными фигурами.

Выборы явились разгромом федералистов. Из 17 штатов, принимавших участие в голосовании (включая Огайо, недавно принятый в Союз), 15 отдали свои голоса Джефферсону. В большинстве штатов не было никакой борьбы, — они просто перешли на сторону Джефферсона. Президент победил даже в Массачусетсе, где Джон Адамс, являвшийся одним из выборщиков, голосовал за Джефферсона. Возможно, что он сделал это потому, что ему надоело играть безнадежную роль человека, пытавшегося остановить победоносное движение демократии. За исключением Коннектикута и Делавэра, Джефферсон получил все голоса выборщиков. Из 176 выборщиков за него голосовало 162.

Это был огромный успех Джефферсона и реабилитация его демократических идей. Его популярность была настолько велика, что некоторые наблюдатели, в том числе Джон Адамс, полагали, что президент будет снова переизбран в 1808 году. Но Джефферсон не имел этих намерений. Он был убежден, что три президентских срока представляют опасность для демократии. До оглашения результатов голосования в 1804 году, он сказал своему другу, что не будет баллотироваться на третий срок.

Сопровождаемый восторженными гражданами и милицией, Джефферсон спустился по грязной, обсаженной им тополями, Пенсильвания Авеню к Капитолию, чтобы произнести свою вторую инав-

гурационную речь. Это была очень просто написанная речь и прочитанная так тихо, что была услышана небольшим числом людей, переполнивших аудиторию. 62-летний президент давал отчет о своем руководстве государством и его с трудом слышимые слова отражали чувство спокойной гордости.

Он говорил о том, как старался поддерживать дружбу со всеми народами. Он объяснил, как уничтожение ненужных постов дало правительству возможность отменить налоги и спрашивал — «какой фермер, какой рабочий, какой земледелец видит теперь американского сборщика налогов?» Приобретение Луизианы, продолжал Джефферсон, расширило республиканскую территорию и обеспечило Соединенным Штатам другой берег Миссисипи, который в будущем будет заселен «нашими собственными братьями и детьми». Несмотря на оскорбления президента, была сохранена свобода печати с целью доказать всему миру, что самоуправление может существовать без всякого гнета. Эта политика отвечала желаниям избирателей.

В своей речи Джефферсон уделил сравнительно много места примирению с федералистами. Выборы, сказал он, явились свидетельством великого единодушия во всей стране, и президент выразил надежду, что остаток федералистов сбросит «покрывало», мешающее их зрению. Закончил он призывом к еще большему национальному единению и обратился за помощью к «Всевышнему, в руках Которого мы находимся».

...«да будем мы бережно относиться к ним (федералистам); наше отношение должно быть справедливым и даже больше, чем справедливым... у нас не останется сомнений, что правда, рассудок и их собственные интересы восторжествуют в конце концов и превратят их в наставу своей страны и приве-

дут к единодушию общественного мнения, которое придает государству полную гармонию и идет на пользу его мощи».

10

Второй срок пребывания Джефферсона на посту президента, который начался в атмосфере всеобщего благополучия и мира, был отмечен беспорядками и завершился бедствием.

Одной из причин беспорядков, причинивших больше неприятностей, чем вреда, оказался заговор Аарона Берра против единства и благосостояния Соединенных Штатов. В заговоре Берра многое еще остается таинственным. Подробности его неизвестны и мотивы остаются неясными. Представляется, что Берр, покинув пост вице-президента, в качестве скомпрометированного человека и провалившегося политика, обратился к врагам Джефферсона с предложением причинить президенту и стране зло. Одним из людей, с которыми Берр вел эти переговоры был британский посол Мерри, тот самый Мерри, который всё еще не мог пережить появления Джефферсона в домашних туфлях и считал это за оскорбление собственного достоинства. Мерри, со своей стороны, предложил своему правительству в Лондоне дать Берру 500.000 долларов за обещание отколоть западные штаты от Союза. Берр наладил также контакт с испанским послом Ирухо так же, как и с некоторыми высшими офицерами армии Соединенных Штатов, среди них генералом Уильямом Итоном (который сообщил об этих переговорах Конгрессу), генералом Джемсом Уилькинсоном и генералом Эндрю Джексоном. Бывший вице-президент проявлял также активность среди некоторых кругов Запада, в Огайо, в Миссисипи и в Новом Орлеане. Обсуждавшиеся во время этих пе-

реговоров планы и дававшиеся обещания напоминали больше сценарий, чем правдивую историю.

Слухи об интригах и кознях достигли Джефферсона в 1806 году. Среди предостерегавших президента от темных сделок Берра людей находился тот самый генерал Уилькинсон, который вначале прислушивался к заговорщикам. Осенью 1806 года, когда доверчивый президент, наконец, убедился, что интрига Берра не была только буффонадой, он отдал приказ об аресте бывшего вице-президента. Берр был арестован и доставлен в Ричмонд на суд по обвинению в измене.

Но Берру повезло. На процессе председательствовал глава Верховного Суда Джон Маршал и можно было, поэтому, заранее предсказать, каков будет вердикт. Для Маршала было достаточно знать, что Джефферсон стоит за осуждение, чтобы сделать всё возможное — в пределах законных возможностей — в пользу Берра. Верховный судья намеренно подчеркивал свое дружеское отношение к Берру и фактически сам недавно сидел за одним столом с человеком, арестованным по обвинению в измене. Весь процесс превратился в насмешку над Джефферсоном и Берр был оправдан, потому что Верховный Судья Маршал «объяснил», что под определение измены не подпадают поступки, совершенные подсудимым.

Несмотря на то, что Верховный Судья оправдал Берра и знатные лэди Ричмонда обращались с бывшим вице-президентом, как с героем-победителем, народ продолжал видеть в Берре изменника. Ненависть народа к Берру была настолько велика, что в ряде мест он чуть не подвергся линчеванию и в конце концов вынужден был бежать из страны. «В Соединенных Штатах нет ни одного человека», писал Джефферсон, «который не был бы убежден в его виновности».

Но главные трудности президента заключались не в борьбе с внутренними, а с внешними врагами. Две империи — Великобритания и Франция (при Наполеоне) вели смертельную борьбу за мировое господство. Обе были морскими державами и пытались задушить друг друга блокадами и контрблокадами.

На другом конце океана находились Соединенные Штаты. Они тоже были морской державой, но менее значительной, чем Великобритания и Франция. Они тоже лежали на берегу Атлантического океана и зависели от свободы мореплавания для вывоза и ввоза товаров. Из 6.000.000 человек, населявших Соединенные Штаты, примерно 80 процентов жило в штатах, граничавших с Атлантическим океаном. Когда два левиафана, как называл их Джефферсон, вспенили всю воду в океане, волны достигли такой высоты, что представили опасность для жизни большинства американского народа.

Перед Джефферсоном встала задача, как защитить американское судоходство и американские права от англо-французских хищников. Соединенные Штаты фактически не располагали таким флотом, о котором стоило бы говорить. Разбившие при Трафальгаре флот Наполеона британцы, господствовали на морях и отменяли все правила.

Одним из отмененных англичанами правил, которое особенно возмутило и унизило американцев, явилось снятие запрета против насильственной вербовки американских моряков в открытом море. Ведя войну не на жизнь, а на смерть с покорителем Европы, в которой морская сила играла преобладающую роль, британцы часто ощущали недостаток в моряках. Для пополнения своего флота, англичане прибегали поэтому к насиль-

ственной вербовке, которая на самом деле была вежливым словом для похищения.

Оправдывавшая эти похищения теория заключалась в том, что «насиленно завербованные» были на самом деле британскими подданными. В этом была часть правды. Много британских подданных действительно служили в американском торговом флоте, по той простой причине, что они зарабатывали больше под американским, нежели под британским флагом. Часть из них были натурализованными американскими гражданами — только около половины команды судна «Конституция», состоявшей из 419 человек были в 1807 году гражданами Соединенных Штатов. Но и им доказать это в открытом море было очень трудно. Всякий моряк, говоривший с английским акцентом, подвергался опасности очутиться на британском судне и это могло произойти чуть ли не в самой гавани Нью Йорка. Американские капитаны имели только возможность протестовать в Вашингтоне; Вашингтон заявлял протест в Лондоне и Лондон иногда отпускал похищенных моряков. Это оказалось одним из ранних уроков для страны — оставаться безоружной в мире, в котором велась война — и причинило большое беспокойство Джефферсону, который стал страдать сильными мигренями — признак напряженного состояния.*

Самый скандальный случай насильственной вербовки произошел летом 1807 года, когда американский фрегат «Чесапик» (38 орудий) был остановлен британским военным судном «Леопард» (50 орудий) вне Чесапикского залива. «Леопард» обратился за разрешением произве-

* Мадисон писал Монро 10 марта 1806 года: «Президент снова страдает от нового припадка головных болей. Мы надеемся... что припадок этот будет менее страшный, чем предыдущий».

сти на американском фрегате «розыски дезертиров». Коммодор Баррон в этом разрешении отказал и британский фрегат открыл огонь. Три человека были убиты и восемнадцать — ранены. «Чесапик» с разбитой палубой и пушками, непригодными к обороне, поднял белый флаг.

Известие о нападении на «Чесапик» вызвало бурю негодования во всей стране. Коммодор Баррон и несколько его офицеров были преданы за нерадивость военному суду, но это не уменьшило напряжения и не ослабило серьезности положения, вызванного грубым нарушением законов. Если бы Джефферсон объявил войну Великобритании — вся страна объединилась бы вокруг него. Но президент сохранил присутствие духа. Он отдавал себе отчет, что Соединенные Штаты не имели возможности вести войну против мощного врага. Он заявил в Лондоне протест и потребовал извинений и репараций. Президент предложил британским военным судам немедленно покинуть американские воды.* Одновременно он обратился к Конгрессу с ходатайством ассигновать средства на постройку 188 канонерских лодок для усиления существовавшего миннатюрного флота в составе 69 судов.

Канонерские лодки Джефферсона, которые были построены по совету морских экспертов, превратились в объект едких насмешек со стороны федералистов. И насмешки эти были вполне оправданными. Канонерки эти были так малы и легки, что сильный порыв ветра мог их приподнять и перенести на сушу. Такой инцидент однажды произошел. На каждом судне было по две

* Злейшие противники Джефферсона одобрили его быстрые действия. Эта хвала оказалась для него настолько неожиданной, что он цитировал псалмопевца: «Господь Бог, что я сделал, что удостоился хвалы со стороны нечестивцев».

пушки, но вес канонерок был настолько ничтожным, что суда эти не выдерживали бурной погоды. Единственное достоинство этих судов заключалось в том, что они никому не причинили вреда.

12

Англичане игнорировали протесты Джефферсона и даже умножили свои враждебные акты (королевская прокламация от 17 октября 1807 года). А французы, не имевшие, правда, возможности приносить такой же вред, как англичане, продолжали держать себя тоже очень недружелюбно. Наполеон с презрением отозвался об американском флаге, как о «кусочке полосатой материи».

Американская торговля оказалась зажатой в железные клещи британской блокады Франции и французской контрблокады Великобритании. Наполеон закрыл доступ в европейские порты. Со стороны Лондона последовали репрессалии. Приказ правительства от 11 ноября 1807 года подверг ограничениям в судоходстве все европейские порты, которые были закрыты для британских судов.

Тогда Наполеон предупредил, что французский флот захватит любой корабль, разрешивший британским судам произвести на нем обыск или покинувший британский порт. Это явилось ударом по нейтральному судоходству и, особенно, по американским судам. Перед американскими кораблями стояла теперь неразрешимая проблема. Они могли подчиниться приказу британского правительства и нести риск попасть в руки наполеоновских каперов; или они могли взять сторону Наполеона и подвергнуть себя опасности быть захваченными англичанами.

Правительство Джефферсона не имело возмож-

ностей для защиты американских прав и интересов против повторяющихся грубых нарушений закона. Государство с населением в 6 миллионов человек, промышлявших главным образом земледелием, не могло вести войны против двух величайших империй мира или даже против одной из них. А игнорировать эти нарушения означало — им потворствовать.

При отсутствии сильного флота и хорошо оборудованной армии, страна не могла решиться на войну даже в том случае, если Джефферсон считал бы войну правильным методом для урегулирования спорных международных вопросов. Но президент не придерживался этой точки зрения. Только однажды Джефферсон прибег к силе для разрешения конфликта. Акция эта имела место в Средиземном море, где марокканские, алжирские и триполитанские пираты накладывали дань и требовали выкупа от восточных купцов. Мусульманские бандиты ограбили примерно на 2 миллиона долларов американских купцов за 10 лет и экономный Джефферсон решил, что эти деньги могут быть с большей пользой использованы дома. Он послал морской отряд в Средиземное море и после нескольких стычек, в которых отличились американские моряки, пираты-варвары согласились уважать американский флаг. Однако, эту операцию, сводившуюся к тому, чтобы проучить кучку варваров, никак нельзя было сравнить с войной против двух мировых империй и заставить их подчиняться правилам цивилизованного мира.

Но неужели войну нельзя было ничем заменить? Джефферсон был убежден, что выход имелся. И этот выход стал известен истории под термином «эмбарго».

Позади политики эмбарго лежала теоретически здоровая идея. Ввиду того, что цель войны сво-

дилась к тому, чтобы раздавить противника или заставить его уважать права другого, — всякое средство для достижения этого было хорошо. Пушки являлись обычным средством для ведения войны. Но ведь возможно было использовать и другое оружие, например, экономическое? Оружие, которое будет заключаться в прекращении торговли с врагом. Разве это оружие не сослужит такую же службу, как пушки? Философ и апостол мира Джефферсон решил, что оружие это стоит испробовать. Возможно, что он был первым выдающимся государственным деятелем во всем мире, решившимся на опыт ведения «невоенной» войны.

Успех экономического эмбарго зависел от двух факторов и Джефферсон не принял эти факторы в расчет. Одним из них являлось предположение о чрезвычайной важности для Англии торговли с Соединенными Штатами. Прекращение этой торговли, полагал президент, нанесет серьезный удар британской экономике и ослабит военную позицию страны. Это далеко не соответствовало действительности. Другой ошибкой оказалось предположение о возможности осуществить полное эмбарго. Джефферсон рассчитывал, что купцы Нью Йорка и Новой Англии пренебрегут своими доходами и будут сотрудничать с правительством.

22 декабря 1807 года Конгресс, после короткого послания президента, принял Акт об эмбарго подавляющим большинством голосов. Тотчас же после этого решения государственный секретарь Галлатин отправил посланцев в Нью Йорк и Бостон, в Норфолк и Новый Орлеан и все другие порты с инструкцией задержать все американские суда до дальнейших распоряжений.

Собственники кораблей и купцы отнеслись к Акту эмбарго (и к добавочному Акту от 16 апре-

ля 1808 года, налагавшему запрет на ввоз товаров) с презрением и насмешками. Они его всячески обходили и доходы от незаконной торговли неуклонно ползли вверх. Систематическая контрабанда превратилась в большое дело. Товары из Великобритании ввозились через Канаду, Флориду и Вест-Индию. И скоро в антибританской блокаде, которая являлась целью провозглашенного эмбарго, оказалось столько дыр, что она оказалась совершенно бесполезной.

Контрабанда, однако, не могла заменить законной торговли, и эмбарго больно ударило по американскому народу, лишив его возможности вывозить свой хлопок, табак и пшеницу. Особенно печальным было то, что главным пострадавшим оказался народ, о помощи и защите которого больше всего заботился Джефферсон — маленькие люди, фермеры, торговцы и рабочие. Крупные предприятия переносили этот кризис очень хорошо.

За исключением контрабанды, не представлявшей в дни Джефферсона уже большого значения, все остальные дела пострадали очень серьезно. Порты пустовали, корабли демонтировали. Вывоз упал в первый год эмбарго со 110 миллионов до 20 миллионов долларов. За пять месяцев в городе Нью Йорке было зарегистрировано 125 банкротств.

Бедственное положение страны было не только наглядно видно, но о нем было и слышно. Узнали об этом даже англичане. Глава британского форен офис Джордж Каннинг с усмешкой заметил, что Англия готова оказать Джефферсону помощь в отмене Акта эмбарго, этой «меры, наложившей неудобные ограничения на американский народ».

Лишения, причиненные эмбарго, и терпение президента, вопреки всем провокациям, привели

к потокам ругательств на его голову. В третий раз за два десятилетия Джефферсон превратился в главную мишень ненависти.

Главным источником устного злословия оказалась Новая Англия, этот район, особенно заинтересованный в торговле и наиболее сильно пострадавший от эмбарго. Типичное письмо из Новой Англии гласило: «Ты — бесчеловечный злодей, сколько еще времени ты заставишь страдать нас, бедных людей, от твоего проклятого эмбарго».

Задолго до того, как политика эмбарго обрушилась на голову президента, он твердо решил окончательно удалиться от политики после окончания второго срока своего президентства.

10 декабря 1807 года и 10 января 1808 года Джефферсон ответил легислатурам Вермонта и Северной Каролины, предложившим ему баллотироваться в третий раз, что он не желает нарушить прецедент своего «прославленного предшественника» президента Вашингтона, остававшегося в должности два срока.

Неприемлемость третьего срока явилась только одной из многочисленных причин, которые заставили Джефферсона отказаться от идеи остаться в Вашингтоне на дополнительные четыре года. Одним из главных мотивов оставить свою должность явилось, по его словам, заметное падение энергии. Несмотря на свое отличное здоровье, Джефферсону шел уже седьмой десяток и он начинал чувствовать тяжесть президентства. Кроме того, подобно Джорджу Вашингтону до него, Джефферсон просто устал от своих обязанностей. В начале 1807 года он писал Джону Дикинсону: «...мне предстоит еще мучиться два года. Я устал от занятий, которые так же хорошо могут выполнить многие другие... Лично мне, всё это пред-

ставляется нудной работой и я ежедневно теряю друзей. Каждое освободившееся место и каждое назначение, сделанное мною, обеспечивает мне одного неблагодарного и сто врагов». Год спустя он писал Монро: «Мое стремление к отставке столь велико, что я с трудом выполняю свою ежедневную нудную работу, входящую в мои обязанности».

Мир тоже изменился к худшему. Едкая критика, личные оскорбления и международное положение, отмеченное царством насилия, усиливали стремление Джефферсона переложить свои обязанности на плечи более молодого человека. В возрасте 65 лет было особенно больно быть объектом «гносностей» печати, заполненной «отвратительной ложью», или чувствовать себя комфортабельным в мире, попиравшемся Наполеоном. Будущее мира казалось настолько мрачным Джефферсону, что этот жизнерадостный человек и большой оптимист часто приходил в полное отчаянье.

Наступило время, думал он, уступить свое место более молодому человеку. Страна находилась накануне бунта против эмбарго. Новая Англия грозила выйти из состава Союза. В собственной партии Джефферсона был раскол. Но он всё еще пользовался достаточным влиянием, чтобы назначить Джемса Мадисона своим преемником. На выборах 1808 года Мадисон одержал победу довольно значительным большинством голосов, но только после того, как дал обещание отменить Акт об эмбарго.

1 марта 1809 года, за три дня до окончания своего срока, Джефферсон утвердил билль об отмене эмбарго. Он пытался осуществить смелый опыт, но опыт этот не удался. Он пытался спасти страну от потерь, но убытки от эмбарго составляли по меньшей мере 50 миллионов долла-

ров. Он пытался спасти народ от унижений, но навлек на свою голову только проклятия. И тем не менее он не был уверен, что эмбарго было неправильной политикой. Он оставлял президентский пост при сгустившихся тучах недовольства, но в национальном казначействе были излишки и финансовое положение страны никогда не было более прочным. 2 марта он писал Дю Пон де Немуру:

«Через несколько дней я возвращаюсь к моей семье, моим книгам и фермам. Теперь, когда я достиг моей гавани, я буду со страхом, но без зависти наблюдать за своими друзьями, все еще сражающимися с непогодой. Никогда еще узник, освобожденный из цепей, не почувствовал такого облегчения, какое испытал я, сбросив с себя оковы власти».

На инаугурации Мадисона присутствовало в Вашингтоне 10.000 человек. Джефферсон сопровождал своего протеже и преемника на торжества, на этот раз в карете с эскортом кавалерии. Времена переменились. Другим нововведением оказался инаугурационный бал. В тот вечер он состоялся в отеле Лонга, в Джорджтауне, и на нем присутствовало блестящее общество из четырехсот гостей. Центром внимания не были облаченный во всё черное новый президент и его представительная жена Долли, в наряде из желтого бархата и с тюрбаном на голове, а стройный Джефферсон. Уходивший президент был на седьмом небе и восхищал гостей своими шутками и смехом. А президент Мадисон, тем временем, носился по залу, но у него был утомленный и озабоченный вид. Он отлично знал, что ему предстоит мало веселого.

Джефферсон покинул Вашингтон при мрачной погоде. Медленно он добрался до холмов Монти-

селло и в пути пережил снежную бурю. Одиноким путешественник не рассчитывал на приветливую встречу. Он был очень удивлен поэтому, когда виргинские фермеры встретили его радостным приветствием — «Старый Том». Они шли за его здоровьем и провозглашали тост за «Томаса Джефферсона — государственного деятеля, патриота и мудреца».

В Монтиселло он приехал в середине марта и соседи его из графства Албемарл устроили ему шумный прием. Поседевший бывший президент прослезился, когда обратился к ним со следующими словами:

«У вас, мои соседи, я хочу спросить перед лицом всего мира, «у кого я отобрал быка или кого я обманул? Кого я притеснял или какая рука дала мне взятку, чтобы ослепить меня? Я жду вашего приговора».

МУДРЕЦ

(1809-4 июля 1826)

Настал, наконец, момент, когда Джефферсон мог безмятежно наслаждаться на своей ферме, в кругу своей семьи. «Я безмерно счастлив», говорил он, «что удалился от всей этой суматохи». Сорок лет тому назад он начал постройку своего орлиного гнезда на вершине холма, и только теперь, в возрасте 66 лет, получил, наконец, возможность превратить его в свое постоянное местожительство. На этот раз, он твердо решил не двигаться с места и провести остаток своих земных дней в этом прекрасном доме.

Жизнь его оказалась наполненной и плодотворной. Он испытал несколько поражений, но добился очень многих успехов. И он понимал, что имя его будет неразрывно связано с историей этой страны. Он вдвое увеличил территорию Соединенных Штатов и выковал из непрочного и разбросанного материала мощную политическую партию. Его идеалы свободы были выгравированы в законах страны, а его мероприятия, как, например, чеканка монеты, превратились в постоянные установления государства. Он добился всего этого путем мира и убеждения. В стране не было ни одного человека, который мог бы сказать, что Томас Джефферсон проливал кровь или наносил раны своим соотечественникам. «Я чувствую большое удовлетворение», говорил Джефферсон папскому нунцию, графу Дуньяни, в 1818 году, «что во время моей администрации не было

пролито ни одной капли крови, будь то мечом войны или на основании закона».

Годы борьбы и беспокойства придали ему огромный резервуар моральной силы. Время, подобно огню, избавило его от всех слабостей характера и он мог с равным спокойствием относиться к мнению своих современников и к суду истории. Переступив через средний возраст, Джефферсон принадлежал к тому редкому ряду хорошо сбалансированных и гармоничных людей, которые имеют способность взирать на мир ясным разумом и при отсутствии сострадания. Немногим людям в истории удалось достигнуть того философского баланса и умственной гармонии, каких достиг Джефферсон в свои поздние годы, когда он ушел от политики. Одним из тех людей, которого можно сравнить с бывшим президентом, являлся его современник — немецкий поэт Гете. «Мой темперамент», говорил Джефферсон в возрасте 67 лет, «оптимистический. Я управляю моей баркой с Надеждой в голове, а Страх оставляю позади».

Итак, после своей отставки он превратился в человека, прозванного людьми мудрецом и стал Мудрецом Монтиселло. В тот период, период наполеоновских войн и международной реакции, страна именно нуждалась в действиях этого человека или, что будет вернее, в его существовании, в качестве примера духовной возвышенности и зрелого ума. Если против него всё еще теплилось недовольство, как основателя и вождя победоносной политической партии, — страна помнила прежде всего ту великую роль, которую ему суждено было сыграть. Для молодого поколения американцев этот всё еще крепкий и сильный виргинец был кусочком отечественной истории — автор Декларации независимости и друг и помощник ныне прославляемого Джорджа Вашингтона.

2

Маргарет Байард Смит, жена редактора «Нэшнел Интеллидженсер энд Вашингтон Адвертайзер» (появлявшегося раз в три недели журнала, рьяно поддерживавшего Джефферсона), посетила Монтиселло через четыре месяца после возвращения туда бывшего президента и оставила запись об этом визите. Она писала:

«Там царит такая тишина, какая мыслима только при полном духовном мире... Его высокая и стройная фигура не пострадала от возраста. Его седые волосы свидетельствуют о возрасте, которому противоречит его деятельность, силы, здоровье, энтузиазм, пыл, веселость. Его лицо обаяно всем своим шармом смелости и выразительности и светящемуся интеллекту; его черты неправильны и цвет лица плохой, но в выражении есть столько задушевного и светится оно безграничной теплотой... Его низкий и нежный голос гармонирует больше с выражением лица, чем с его фигурой. А манеры его — как он вежлив, как скромен, как любезен... У него пылкий и, вместе с тем, мягкий и общительный характер, а манеры очень робкие, скорее даже застенчивые, и он проявляет иногда скрытность, граничащую с холодностью».

В один из вечеров Маргарет Смит имела интересный разговор с бывшим президентом. Побуждаемый умной и относившейся к нему с большой симпатией собеседницей, Джефферсон открыл ей свою душу. Он охотно признал то, что впоследствии стало ясным для всех его биографов, а именно, — что вся его жизнь была конфликтом между личными наклонностями и общественным долгом:

«Вся моя жизнь превратилась в войну против своих же привычек, чувств и желаний; семейная

жизнь и занятие литературой были моим постоянным стремлением, но обстоятельства, а не желания, заставили меня пойти по другому пути. Теперь я возобновляю с восторгом те занятия, которые соответствуют моему призванию и наклонностям. События, переживавшиеся нашей страной при моем вступлении в жизнь были таковы, что каждый честный человек считал обязанным принять в них участие в меру своих способностей».

Теперь, когда ему больше не приходилось заниматься политикой, Джефферсон мог посвятить себя своим любимым занятиям. Здоровье его было прекрасным и ежедневному времяпрепровождению бывшего президента мог позавидовать любой молодой атлет. Вставал Джефферсон каждый день на рассвете и разводил огонь из сухого дерева, сложенного в ящике рядом с камином. Умывался он ледяной водою и одевался опрятно и просто. Любил он носить короткие штаны (бриджи), но в последние годы заменил их брюками. Для поездок верхом он пользовался галифе.

Одевшись, Джефферсон до утреннего завтрака писал и читал. Затем он садился на свою любимую лошадь и катался несколько часов, покрывая ежедневно 6-8 миль. А иногда он делал прогулки и в 40 миль. «После утреннего завтрака или, самое позднее, от полудня и до обеда», говорил Джефферсон своему близкому другу, доктору Бенджамену Рушу, «я провожу, главным образом, верхом, объезжая свои поместья... это очень полезно и здорово для моего тела, ума и дел».

После прогулки, часа в три, Джефферсон обедал. Ел он мясо и овощи. Питался очень умеренно, потому что считал, что вставать со стола нужно всегда немного голодным. Джефферсон никогда не курил и не играл в азартные игры. После обеда он работал у себя в кабинете, иногда читал и часто писал. Он был, говорил Джефферсон, «пожи-

раем корреспонденцией». В девять часов он удалялся в свою комнату, и читал около часу. Вечером он пользовался очками, которые редко употреблял в течение дня. Спать он ложился обычно в 10 часов и спал от пяти до восьми часов.

Джефферсон никогда не терял время и не понимал значение слова «праздность». Он всегда что-то делал и постоянно был счастлив своим занятием. Его деятельность, говорил он, держала его «занятым, как пчелу в боченке с черной патокой». Часто он рисовал, чертил, составлял план и т. д. и т. п. То он изображал плуг, то экипаж, то здание, то план сада. Джефферсон обожал цветы, разбил сад и посадил редкие растения. Как архитектор, он сделал проекты для многочисленных зданий, часть которых до сих пор еще сохранилась и является свидетельством многосторонности гения их создателя.* В качестве упорного изобретателя, Джефферсон делал опыты с многочисленными приспособлениями и усовершенствованиями. Он изобрел полиграф, пантограф и новую модель плуга, построил удобный флюгер и производил эксперименты с сотнями всяких безделушек.

Ввиду того, что его поместье и фермы его соседей были расположены далеко от города, Джефферсон основал ряд промышленных предприятий для покрытия своих и соседей насущных потребностей. Наиболее значительными из этих предприятий являлись — мельница и фабрика гвоздей.

Фабрика гвоздей, постройка которой была начата до ухода на покой Джефферсона, оказалась доходным предприятием. На ней было занято де-

* Помимо Монтиселло, наилучшими примерами архитектуры Джефферсона является Капитолий в Ричмонде и Виргинский университет в Шарлоттесвиле. Памятники эти достойны особого внимания и заслуживают специальной поездки для осмотра.

сять рабочих, зарабатывавших ежедневно по 2 доллара, — высокая оплата для тех дней. Это джефферсоновское предприятие снабжало гвоздями близлежащие лавки и всех соседей, включая Джемса Монро. Закрылось оно в 1812 году по причине отсутствия железа. Была там и маленькая бумагопрядильня, на которой фабриковалась грубая простая материя из хлопка, получавшегося из Ричмонда. На трех прядильных машинах вырабатывалась материя на одежду для всех рабов Джефферсона. Значительное количество материи приобреталось торговцами. Плантация имела также кузницу и столярную мастерскую, выделывавшую мебель.

Главным занятием Джефферсона являлось по-прежнему сельское хозяйство, потому что земледелие было единственным средством его к существованию. Это было единственной возможностью выплатить свои долги, особенно те, которые были сделаны во времена президентства. «Еще через пару лет», писал он в начале 1810 года, «я буду иметь возможность разделаться со всеми трудностями вашингтонского периода».

Джефферсону, как фермеру, посчастливилось иметь ученого зятя. Томас Манн Рандольф — блестящий и талантливый муж Марты Джефферсон, — оказал огромную помощь своему тестю. Рандольф был, по словам Джефферсона, тем человеком, который ввел горизонтальную вспашку вокруг холмов для сохранения земли и использования стекавшей воды. «Этими улучшениями», говорил Джефферсон, «мы обязаны нашему зятю, мистеру Рандольфу, лучшему фермеру, я полагаю, во всех Соединенных Штатах. Он научил нас, как выращивать на том месте, где рос один, — два початка кукурузы».

Но увеличение числа початков не означало еще роста благополучия. Часто, особенно во времена

кризисов, это имело обратное действие. Мир находился тогда в войне, блокады следовали за контрблокадами, Джефферсон придерживался политики эмбарго и, по причине отсутствия сбыта, цены на сельско-хозяйственные продукты безудержно падали. Таким образом Джефферсон превращался в жертву своей собственной деятельности. Продажа пшеницы и табака, урожай которых он увеличил на 50 процентов, не приносила достаточно наличных денег для оплаты других необходимых расходов. Рынка на сельско-хозяйственные продукты фактически больше не существовало и Джефферсон в отчаянии говорил, что можно с тем же успехом сжечь эти продукты и отдать их на корм скоту.

3

В начале 1812 года, когда Джефферсону исполнилось уже 68 лет, он получил от 76-летнего человека письмо, ублажившее его сердце. Ничего особенного это письмо не представляло. Корреспондент сообщал Джефферсону, что посылает ему образцы материи и добавлял, что у него в семье — всё в порядке. Интерес этого письма заключался в подписи. А подписано оно было — «с искренним уважением ваш друг и слуга Джон Адамс». Это письмо положило начало классической переписке в американской истории.

В течение одиннадцати лет, т. е. со времени предвыборной кампании 1800 года, Джефферсон и Адамс не разговаривали друг с другом. Их расхождение не отразилось, однако, на чувстве уважения, которое испытывал один к другому. Время сгладило остроту их политических разногласий и теперь, когда оба удалились от дел, они могли снова восстановить дружбу, которая заро-

дилась очень давно, когда оба были сравнительно молодыми «бунтовщиками» против британской короны.

Примирение двух друзей явилось заслугой доктора Бенджамена Руша, филадельфийского врача и одного из людей, подписавших Декларацию независимости. Рьяный поклонник Джефферсона и Адамса, доктор Руш давно стремился примирить двух бывших президентов, которых считал двумя величайшими американскими патриотами современности, поссорившимися по соображениям узко-партийного характера.

Джефферсон тотчас же выразил готовность примириться, сказал, что он так же уважает Адамса, как и прежде и, что все обиды позабыты. Опрошенный Рушом Адамс оказался тоже заинтересованным в восстановлении дружбы. Он сказал Рушу, что между ним и Джефферсоном были разногласия по политическим вопросам, углубленные «легкомысленными поступками».

Джефферсон, заметил Адамс с присущим ему юмором, верил в «свободу и приглаженные волосы. А я думал, что завитые волосы такие же республиканские, как приглаженные». Но разве это кого-либо еще интересует? «Его администрация и моя уже закончились и всё давно позабыто». И он добавил: «Я всегда любил его (Джефферсона), как друга».

После этого признания Адамс написал Джефферсону письмо о пересланных ему образцах материи. Джефферсон был тронут. Голос Адамса, исходящий из далекого Квинси, в Массачусетсе, напомнил Джефферсону его молодость, великие и решительные дни пережитой вместе революции. Его ответ поэтому более пожилому человеку был очень страстным и теплым. Это было беспорядочно написанное письмо, охватывавшее очень много

вопросов, которые, был уверен Джефферсон, представляли большой интерес для Адамса:

«Я отказался от чтения газет и променял их на Тацита, Ньютона и Евклида и чувствую себя более счастливым. ...Из подписавших Декларацию независимости, осталось теперь в живых не больше полудюжины человек по вашу сторону Потомака, а на этой стороне реки, — только я один. Вам и мне посчастливилось со здоровьем, у меня, кстати, оно прекрасное... Каждый день я провожу три или четыре часа верхом на лошади... Однако, я хожу мало пешком. Пройти для меня одну милю слишком много. А живу я с моими внуками... Я приветствую вас с неизменным уважением и привязанностью».

Письмо это послужило началом переписки, отличавшейся необыкновенным блеском и высказыванием смелых идей. Два пожилых политических деятеля с огромным багажом знаний и неиссякаемым любопытством принялись обмениваться идеями с рвением и пылом молодых людей. В письмах их содержались надежды и страхи, предрасудки и убеждения, негодование и восторг. Тот, кто заинтересован в истории Америки, не может пройти мимо переписки этих двух выдающихся и благородных умов.

Они продолжали переписываться до конца своих дней. Не меньше 150 толстых конвертов, отмеченных «президент Адамс» и «президент Джефферсон», проделали путь между Монтиселло и Квинси. Джефферсон написал меньше писем, чем Адамс, но вопрос этот не трогал последнего. Адамс был так заинтересован поделиться своими мыслями с Джефферсоном и услышать о нем, что каждое письмо Джефферсона было для него «настоящим событием». «Ничего не значит», писал Адамс Джефферсону, «что я отвечаю письмами на ваше одно. Ваше письмо ценнее, чем четыре моих».

Писем приходило очень много. Среднее число писем, получаемое ежегодно Джефферсоном, составляло примерно 1.000 штук, но иногда оно доходило и до 1.300. После смерти Джефферсона, внук его Томас Джефферсон Рандольф нашел 26.000 писем и 16.000 копий ответов.

Отвечать на все эти письма было непосильной работой. Джефферсон делал всё, что было в его силах, но справиться, конечно, не мог. «Разве это жизнь?», ворчал он, указывая на груды писем, ожидавших ответа. «В лучшем случае это — жизнь работающей на мельнице лошади, которая движется по кругу и не видит конца и краю этой работе. Избавить от нее может только смерть. По сравнению с жизнью этой лошади, судьба качана капуста представляется райской».

Применяемые им способы экономии труда и времени сыграли значительную роль. Джефферсон, как уже говорилось, изобрел полиграф, — множительную копировальную машину, особенно важную при размножении писем одинакового содержания. Для всех тех, кто искали должностей и обращались к нему с ходатайством замолвить о них слово в Вашингтоне, он отпечатал специальные циркуляры. К сожалению, говорилось в циркуляре, он вынужден отказать просителю, так как не считает для себя возможным «использовать свое влияние на президента в целях назначения на ту или другую должность».

Значительно труднее было разрешить проблему с посетителями, представлявшими большую обузу. Бедные и богатые стремились побывать в Монтиселло. Некоторые приезжали, прося об одолжении, другие обращались за советом и, наконец, были и такие, которые хотели воспользоваться просто гостеприимством Джефферсона. Отказа

ни для кого не было. Джефферсон дарил этим людям время, деньги и оказывал одолжения.

Многие приезжали в Монтиселло просто для того, чтобы взглянуть на великого человека. Часто приезжие выстраивались в коридоре у кабинета, чтобы видеть, когда он выходил из комнаты и шел обедать. Однажды, какая-то посетительница разбила своим зонтиком оконное стекло, дабы лучше видеть Джефферсона. Любопытные мужчины и женщины гуляли около дома, надеясь увидеть бывшего президента, когда он сидел в тени веранды.

Приезжавшие ради любопытства, были в лучшем случае развлечением и в худшем — помехой. Но остававшиеся гостить визитеры представляли серьезную проблему. Их было временами так много, что Монтиселло не редко походило на большой отель, переполненный во время летнего сезона. Для гостей в Монтиселло имелось 50 кроватей. Но бывали случаи, когда на ночь устранивали до 70 человек. Когда наплыва гостей нельзя было больше выдержать, Джефферсон спасался из Монтиселло за сотни миль — в другое свое поместье около Линчбурга, называвшееся «Лес Тополей».

Одним из гостей Джефферсона в 1815 году был мулат Джулиус Мельбурн, родившийся рабом. Когда Мельбурн вошел в комнату, Джефферсон с удовольствием и явным любопытством поднялся со своего места. Он слышал о Мельбурне, как об ученом человеке и ему хотелось лишней раз убедиться в правоте своих воззрений, что негры ни в чем не уступают белым.

Как впоследствии рассказывал Мельбурн, он имел с Джефферсоном продолжительный и приятный разговор по всяким научным вопросам. Бывший президент сказал своему гостю-мулату, что он подумывает о создании в Виргинии университета, в котором не будет существовать ни-

каких ограничений, связанных с вероисповеданием или цветом кожи. Он очень тепло говорил о «наших цветных братьях». Обсуждал политическую философию Монтескье, принципами которой он не восторгался, и британскую конституцию, которая ему правилась еще меньше. Он говорил также о Давиде Юме, влиятельном британском философе, идеи которого были совершенно неприемлемы для Джефферсона.

Другой гость, оставивший след о своем посещении Монтиселло, был французский барон де Монлезэн. Барон был поражен молодежавым видом Джефферсона, которому было в тот момент 73 года, а «выглядел он, как будто ему было 63», и его научными интересами. Палеонтологические и антропологические находки бывшего президента были собраны в маленьком музее, где барон восторгался такими «исключительно редкими» экспонатами, как голова гигантского барана, индейский рисунок на шкуре буйвола, размером в пять квадратных футов, и верхней челюстью мамонта.

Мы обязаны барону за описание художественной коллекции Джефферсона. На стенах дома в Монтиселло француз заметил портреты Вашингтона, Лафайета, Джона Адамса, сэра Вальтера Ралей, Франклина, Веспучия, Колумба, Франсиза Бэкона, Локка и Ньютона. Кроме того в доме стояли бюсты Клеопатры, Вольтера, Тюрго, царя Александра Первого, Наполеона, Вашингтона, Франклина, Лафайета и Джона Поля Джонса. Висели также разнообразные картины, из которых по меньшей мере три были ценными. Одна из них принадлежала кисти Пуссэна и изображала «Вознесение», другая — «Святое Семейство» Рафаэля и третья — «Распятие Христа» Рубенса.

Везде лежали книги, тысячи книг. Но гости не оставляли Джефферсону много времени для чтения, которое было его «любимейшим занятием».

«Доктор Франклин», рассказывал Джефферсон, «любил говорить, что когда он был молодым и имел время для чтения, — он не имел книг; а теперь, когда он состарился и имеет книги, у него нет времени для чтения».

5

В октябре 1823 года, когда Джефферсону шел уже девятый десяток, он получил поразительное письмо от президента Монро. Президент обратился к нему за советом по вопросу, имевшему огромное международное значение — следует ли Соединенным Штатам сотрудничать с Англией и не допускать в Америку другие европейские державы. Нужно помнить, что в течение последнего полустолетия отношения Соединенных Штатов с Великобританией были враждебными. Но теперь британский глава форен офис Джордж Каннинг предложил дружеское сотрудничество. Предложение это мотивировалось новостью о намерении реакционного Священного Союза (Россия, Пруссия, Австрия, Испания и Франция Бурбонов) захватить Южную Америку. Каннинг наладил контакт с Монро, а последний запросил об этом плане Джефферсона, которому британское предложение пришлось очень по душе и он высказался за немедленное его принятие:

«Вопрос этот... наиболее важный из всех вопросов, переданных на мое созерцание после провозглашения Независимости. ...Наш первый и основной принцип должен заключаться в том, чтобы никогда не вмешиваться в европейские ссоры. Наш второй принцип должен сводиться к тому, чтобы не допускать Европу вмешиваться в дела по эту сторону Атлантического океана».

Монро принял совет Джефферсона и даже его мотивировку. Письмо Джефферсона было написано 24 октября. 2 декабря президент Монро обратился к Конгрессу с посланием, в котором говорилось, что Соединенные Штаты должны объявить любую попытку европейских держав «расширить свои притязания на любую часть этого полушария опасной для нашего мира и безопасности».

Таким образом зародилась доктрина Монро, отцом которой оказался Джефферсон.

6

Не посещавший церковь Джефферсон, был, тем не менее, искренним христианином или «настоящим христианином», как он любил себя называть. Он не выступал против церкви, а против некоторых представителей духовенства. Он полностью признавал моральные принципы Иисуса Христа, Которого считал одной из величайших исторических фигур. Джефферсон решительно отбрасывал сектантство:

«Красноречивый проповедник... говорят, как-то заявил своим прихожанам, что не верит будто на небе есть квакер, пресвитерианин, методист или баптист... Он добавил, что Бог на небе не делает никаких различий, но рассматривает всех хороших людей своими детьми и братьями одной и той же семьи. И я вполне согласен с этим проповедником, что тому, кто твердо соблюдает моральные принципы, соответствующие всем религиям, не будет задан на небе вопрос, какую религию он исповедует».

Он вырезал слова Иисуса и наклеил их на пустых страницах в хронологическом порядке и по

отдельным темам. Результат получился блестящий. «Я никогда еще не видел», сказал Джефферсон Чарлзу Томсону, «более прекрасный или драгоценный кусочек этики»; «этот документ является доказательством, что я **настоящий христианин**,* т. е. ученик доктрин Иисуса». И другому корреспонденту он писал в том же духе:

«Сущность всех религий, как выражается лучший проповедник --- «бойся Бога и люби твоего соседа» --- не содержит тайны и не нуждается в объяснении. Но этого оказывается недостаточно. Священники не могут разжиться от этой темы и обводить вокруг пальца простофилю».

На восьмидесятом году жизни, Джефферсон написал письмо известному бостонскому ученому-медику доктору Бенджамену Уотерхаузу и в этом письме суммировал доктрины Иисуса Христа:

«Доктрины Иисуса очень просты и сводятся к тому, чтобы осчастливить человека.

1. Существует только один Бог и Он совершенен.

2. Существует загробный мир с наградами и наказаниями.

3. Любить Бога всем сердцем и своего соседа, как себя самого --- в этом заключается сущность религии».

Эти чистые принципы, добавляя Джефферсон, искажены и извращены такими людьми, как Афанасий и Кальвин, и их «бредом сумасшедшего воображения», который так же далек от христианства, как и магометанство». Джефферсон надеялся, что американцы, которые не продали свою со-

* Подчеркнуто Джефферсоном.

весть «королям или священникам», вернутся к чистым доктринам Иисуса. Это превратит Соединенные Штаты в страну без сект.

По получении этого письма, доктор Уотерхауз обратился к Джефферсону за разрешением опубликовать его, но мудрец из Монтиселло, испытавший уже на себе не раз всю ярость гнева духовенства, отказал ему в этом. В возрасте 80-ти лет он не желал осложнять свое существование и портить свой отдых громовыми проклятиями с тысяч амвонов:

«Нет, мой дорогой друг, ни за что на свете. Я не решусь всунуть свою голову в это осинное гнездо... Дон Кихот решил исправить все осязаемо неправильное на свете, но исправление умственных причуд окажется предприятием больше докихотского. И окончится оно полным крахом, потому что будет соответствовать попытке внедрить реализм в сторонника Афанасия. Между тем я — стар и спокойствием дорожу больше всего. Избавьте меня, поэтому, от ненстойвой страсти Кальвина и его жертвы Серве».*

Письма Джефферсона о религии, приводившие в восхищение адресатов, не были опубликованы при жизни бывшего президента. Он категорически отклонял просьбы многочисленных корреспондентов предать полученные ими письма гласности.

Особое презрение он чувствовал к тем священникам, которые искажали «истинную и простую религию Иисуса». Он говорил об этом духовенстве, как о «раздражительном племени бардов» и как о «шарлатанах, называющих себя священни-

* Серве (Мишель Сервето) — врач и богослов (1511-53). В своих сочинениях отрицал триничность Бога и другие догматы, за что терпел гонения и по настоянию Кальвина был сожжен в Женеве. *Прим. переводчика.*

ками Иисуса». Занятие их состояло в том, говорил Джефферсон, чтобы смущать человечество своими «абракадабрами». Он сравнивал их с каракатицами, которые имеют «способность наводить темноту... там, где они двигаются и делать ее непроницаемой для зрения преследующего врага и скрываться, пользуясь этим».

Джефферсон полагал, что для того, чтобы покончить с обскурантизмом духовенства и с сопровождающей его нетерпимостью, необходимо провозгласить свободу совести и содействовать просвещению народа путем всеобщего образования. «Свобода вероисповедания», говорил он доктору Де Ла Мотта, раввину еврейской синагоги в г. Саванне, Джорджия, «является наиболее действенным средством против религиозных разногласий». Другому человеку иудейского вероисповедания, Джозефу Марксу, Джефферсон выразил сожаление, что еврейская секта — «прародительница и основа всего христианства», оказалась в прошлом избранной христианами «для преследования и гонения, что является доказательством того, что они не воспользовались прекрасными доктринами Того, Кого они считают образцом своих принципов и действий». Энергичной политикой просвещения, утверждал Джефферсон, можно избежать в Соединенных Штатах двойного зла — слепой приверженности, т. е. фанатизма, и преследований. «Чтобы проникнуть и рассеять эти темные тучи», заключал Джефферсон, «необходимо усилить просвещение в стране».

7

В преклонном возрасте, Джефферсон составил проект народного образования и свои последние годы жизни посвятил его осуществлению. «В настоящий момент я полностью поглощен», писал

он в возрасте 74 лет Джорджу Тикнору, «усилиями осуществить всеобщую систему образования в мое родном штате». Много лет он читал уже книги по методам образования и техники их осуществления в других странах и одновременно вел переписку с выдающимися экспертами.

К 1817 году Джефферсон окончательно составил свой план. Это был один из самых смелых проектов, когда либо составленных в области просвещения. Образовательная система Джефферсона делилась на три части — начальная школа, среднее образование — «хай скул» и университет. В начальной школе должны были обучать чтению, письму, арифметике и географии. Обучение это должно было быть бесплатным для всех детей. Джефферсон настаивал, что обязанность правительства состоит в том, чтобы «предоставить каждому гражданину возможность получить образование, соответствующее условиям и целям его жизни».

В связи с этим следует отметить, что Джефферсон, этот сторонник полной свободы, сомневался, следует ли сделать принудительным посещение начальных школ. Насилие ему казалось настолько неприемлемым, что он не считал для себя возможным применить его в области народного просвещения:

«Лучше терпеть редкие случаи отказа родителей обучать своих детей, чем шокировать чувства и идеи, путем насильственного похищения и обучения ребенка против желания его отца».

В средних школах детей следовало обучать разным предметам и языкам и подготавливать их, за общественный счет, к избранным ими профессиям. Эти «хай скул» должны были быть устроенны на территории всего штата и находиться на

расстоянии не дальше одного дня езды для каждого жителя.

Вся система Джефферсона завершалась университетом. Он должен был состоять из ряда профессиональных училищ, в которых велось преподавание «полезных», как выражался бывший президент, ветвей знания. Эти профессиональные училища должны были готовить архитекторов, музыкантов, скульпторов, садоводов, экономистов, военных и морских ученых, агрономов, врачей, историков, священников и адвокатов.

План Джефферсона показался народу совершенно фантастическим и штатная легислатура его отвергла. Это не явилось сюрпризом для бывшего президента. Законодатели, заметил мудрец из Монтиселло, «не имеют обычно представления об истине, что знание представляет силу, что знание является безопасностью и что знание есть счастье».

Джефферсон был слишком опытным политиком и достаточно терпеливым философом, чтобы не прийти в отчаяние от первой неудачи. Он отдавал себе отчет в трудной задаче убедить множество простых людей, фермеров и ремесленников, что хорошая система образования при демократическом строе являлась не роскошью, как некоторые полагали, а насущной необходимостью. И 75-летний мудрец удвоил свои усилия, чтобы убедить легислатуру в необходимости принять и осуществить предложенный им план народного образования.

В начале 1813 года виргинская легислатура ассигновала щедрую сумму в 45.000 долларов на начальное образование для бедных и великодушную сумму в 15.000 долларов на закладку и поддержание университета. Это была первая трещина в стене полного равнодушия. А Джефферсон был мастером для расширения таких «трещин».

Легислатура постановила назначить 24 уполномоченных для обсуждения организации и расположения университета. Среди этих уполномоченных находились бывший президент Джефферсон, бывший президент Мадисон и президент Монро. Эти три человека встретились в Монтиселло и выработали план о создании университета около близлежащего Шарлоттесвиля.

В августе 1818 года, когда Джефферсону шел 75-ый год, он поехал к покрытым зеленью Голубым горам, чтобы встретиться с другими уполномоченными и решить вопрос о создании штатного университета. Встреча произошла в ущелье Рокфинн, в современной гостинице, из которой открывался необыкновенной красоты вид. Среди 20 присутствовавших в низкой побеленной известкой простой комнате, Джефферсон, конечно, был наиболее видной фигурой. Не только бросалась в глаза его благородная внешность, но и престиж его был самым значительным. «Всеми было отмечено», пишет один из современников, «что в сторону Джефферсона обращались все взоры, как уполномоченных, так и публики; он казался главою этого собрания, душою этого предприятия».

Уполномоченным следовало в первую очередь принять решение о месторасположении нового университета. Каждый район штата имел своих сторонников, но Джефферсон приехал с твердым намерением настоять на Шарлоттесвиле. Пользовался он при этом неожиданными и не общепринятыми аргументами. Он сказал, например, присутствующим, что университет должен находиться в Шарлоттесвиле, потому что климат в этом районе очень полезен для здоровья. Чтобы доказать его полезность, Джефферсон огласил список 80-летних жителей, проживающих в графстве Албемарл, где находился Шарлоттесвиль.

Затем он поразил уполномоченных картоном,

вырезанным в виде карты Виргинии. Согласно картону Шарлоттесвилль находился в географическом центре штата. После Джефферсон демонстрировал другую, нарисованную на картоне, карту с перечислением жителей в каждом графстве. Из этих данных вытекало, что графство Албемарл являлось главным населенным центром штата. И, наконец, Джефферсон подчеркнул, что в Шарлоттесвиле имелся уже так называемый Центральный колледж (которому Джефферсон пожертвовал 1.000 долларов), зародыш высшего учебного заведения, вокруг которого следовало построить штатный университет. Уполномоченные, совершенно подавленные богатством сообщенных им сведений, вынесли единогласное постановление, что Центральный колледж в Шарлоттесвиле должен превратиться в виргинский университет. Полгода спустя штатная легислатура одобрила это решение.

Последующие шесть лет Джефферсон жил только для виргинского университета. Созданием этого учреждения должна была завершиться жизнь этого выдающегося человека и ради осуществления этого плана он пожертвовал всю свою энергию, свои таланты и надежды. Он объединил в своем лице строителя, архитектора, подмастерья и директора. Он всё делал самостоятельно. Он собирал деньги. Он рисовал архитектурные проекты. Он нанимал рабочих и выписывал скульпторов из Италии. Он подготовил все детали здания. Когда обнаружился недостаток в опытных рабочих, он учил каменщиков, как нужно работать и плотников, как нужно мерить.

Один из современников — Д. П. Томпсон рассказывает, что в 1822 год он был на месте постройки и видел, как Джефферсон взял резец у итальянского скульптора и показал ему, как нужно сделать волюту на колонне. После этого быв-

ший президент приблизился к посетителю «равномерным шагом» и приветствовал его «приятной, теплой улыбкой». Пригласив Томпсона в Монтиселло, Джефферсон взобрался на свою кровную лошадь «с ловкостью юноши».

Поседевший джентльмен ежедневно скакал с горы вниз в Шарлоттесвилль для наблюдения за постройкой своего любимого здания. Эти поездки, по 4 или 5 миль, в каждую сторону, превратились в отчаянное предприятие, когда Джефферсону исполнилось 80 лет.

Его любимый, чистокровный конь, прозванный «Орел», был обычно привязан к скобе, рядом с кабинетом Джефферсона, и с трудом сдерживал себя в ожидании появления хозяина. Когда «Орел» слышал шаги Джефферсона, он прекращал бить копытом, поворачивал свою изогнутую шею в его направлении и приветствовал его ржанием. Когда Джефферсону исполнилось 80 лет, он не мог влезать на лошадь прямо с земли. Он взбирался на «Орла» с маленькой насыпи, и умный конь стоял тихо, как будто отдавал себе отчет, что хозяин его стар и немного беспомощен. Несмотря на опухшие запястья (в результате падения с «Орла»), Джефферсон ехал в Шарлоттесвилль совершенно один. Когда семья стала просить его брать с собою слугу, Джефферсон ответил, что, если они будут настаивать, то он предпочтет вовсе отказаться от этих поездок.

Вид худого старика и его верной лошади, осторожно отыскивающей себе дорогу по непролазной грязи и переплывающей через предательскую реку, навсегда оставался в памяти. Не было человека, который бы не узнал седока и его лошади и Джефферсона постоянно задерживали в пути. Его приветствовали вдоль всего пути друзья и соседи. Они спрашивались об его здоровье и спрашивали, как подвигаются дела. Некоторые обра-

щались к нему за советом, и Джефферсон всегда очень охотно им отвечал.

Главная трудность в постройке университета заключалась в недостатке средств. А размах у Джефферсона был большой и приводил в ужас легислатуру. Первоначально она ассигновала на эту цель 15.000 долларов. Денег этих, конечно, было далеко недостаточно и Джефферсон не терял надежды добиться увеличения этой суммы по меньшей мере в десять, а то и в двадцать раз. Каждую сессию он просил о деньгах. Деньги эти постепенно ему отпущались, но не обходилось без протестов. Часто случалось, что легислатура приходила в ужас от отпущенных на постройку университета в Шарлоттесвиле средств, и отказывала в новой ассигновке. Но Джефферсону не стоило большого труда переубедить законодателей. Он приводил неотразимые аргументы, прибегал к удачным стратегическим маневрам, взывал к патриотизму и гордости. Что скажет мир, если в Виргинии останется несколько прекрасных общественных зданий без крыш и без дверей? Если постройка зданий не будет закончена, — все произведенные уже затраты пропадут даром. И легислатуре ничего не оставалось делать, как покориться своей «печальной» судьбе и ассигновать дополнительные средства на постройку университета.

Когда друзья спрашивали Джефферсона, почему он обычно хлопотал о маленьких ассигновках, — бывший президент, подмигивая, отвечал, что не существует охотников, готовых проглотить за раз две горячих картошки. Ссылка на «горячую картошку» вызывала возмущение в Ричмонде, но престиж Джефферсона в штате был настолько велик, что ему прощались всякого рода несдержанные замечания. Когда была закончена постройка главных зданий, то оказалось, что на них

было истрачено 300.000 долларов — огромная сумма для того времени.

Но этот университет стоило посмотреть. Полностью выстроенное по архитектурным планам Джефферсона, здание из красного кирпича университета Виргинии возвышалось на зеленом фоне гор и являлось несомненно одной из прекраснейших построек страны. Университет производил сильнейшее впечатление даже на таких людей, как Джордж Тикнор, обучавшихся в Гарварде и Геттингене.

Джефферсон, однако, прекрасно отдавал себе отчет, что главное в университете не здание, а преподаватели. Подбор профессоров был трудной задачей. В Соединенных Штатах было мало университетов и ощущался недостаток в преподавательском персонале. А Джефферсон хотел пригласить в новый университет лучшие силы, большинство которых находилось за границей, главным образом в Англии, «стране, имевшей наш язык, нашу мораль, манеры и привычки». Поэтому он послал американского ученого Франсиса Уокера Гилмера в Великобританию с поручением осмотреть университеты Оксфорда, Кэмбриджа и Эдинбурга и подыскать первоклассные научные силы, которые согласятся совершить трудное путешествие в Америку. Одновременно Джефферсон использовал свои многочисленные знакомства в Англии, ходатайствуя об оказании помощи своему посланцу.

Известному оксфордскому профессору Сэмюэлю Парру Джефферсон писал: «Мы стремимся подобрать первоклассных ученых по всем отраслям науки». И он просил его помочь Гилмеру найти подходящих людей. С таким же ходатайством, Джефферсон обратился к прославленному шотландскому метафизику Дугалду Стюарту.

После продолжительных поисков, Джефферсо-

ну удалось подобрать семь прекрасных преподавателей, из которых только один был рожденным американцем. Звали его Джон Тайлоэ Ломакс и был он уроженцем Виргинии. В университете ему была поручена кафедра права. В числе других профессоров были: уроженец Бермуды Джордж Туккер (кафедра моральной философии), Джордж Лонг из Кэмбриджа, Англия (кафедра древних языков), немец Георг Блеттерман (кафедра новых языков). Кафедра математики была поручена британскому профессору Томасу Хевитт Кей, натуральной философии Чарлзу Бонникастл и кафедра анатомии и медицины Роблей Дунглисону. Последние два ученых тоже были англичанами. Годовое жалованье профессора составляло 1.500 долларов при бесплатной квартире и гонорара с каждого студента в размере 20 долларов.

Только одно назначение вызвало возражения. Касалось это назначение либерально-настроенного ученого Томаса Купера. Представители духовенства тотчас же подняли против этого назначения, как выразился Джефферсон, «дикий крик» и заставили совет ревизоров отказаться от приглашения Купера. Джефферсон был возмущен этой «святой инквизицией» виргинских пресвитерианцев, но ничего сделать для спасения Купера не мог.

Открытие университета было назначено на первый день февраля 1825 года, т. е. через шесть лет после его закладки. Это был волнующий момент для Джефферсона, которому в 82 года удалось, наконец, реализовать великую мечту всей своей жизни. Но к ужасу для Джефферсона, три из европейских профессоров не пожаловали во время. Бывший президент был очень расстроен и удручен и открытие университета было отложено до марта. Тем временем европейские ученые приехали в

Америку после бурного путешествия через океан и были очень тепло встречены Джефферсоном.

Джефферсон остался заинтересованным в университете до конца своих дней. Два или три раза в неделю он приглашал профессоров к обеду в Монтиселло и не только их хорошо кормил, но занимал ученых исключительно интересными разговорами и беседами на самые разнообразные темы. Приглашений в Монтиселло удостаивались и студенты, бывавшие обычно по воскресеньям. Их охватывал благоговейный страх при виде мудрого старца, убеленного сединами. Когда студенты сидели за столом, Джефферсон не ел с ними, потому что он терял слух и не желал портить удовольствия своим молодым гостям, когда они разговаривали между собою. Он готов был сделать всё для студентов, в которых видел новое поколение, готовое проповедывать идеи и служить тем идеалам, которым он отдал всю свою жизнь.

И он не ошибся в этом. Студенты не только не забыли основателя университета, но пошли в мир во всеоружии знаний. Джефферсон мудро засеял и страна сняла богатый урожай. Из кирпичного университетского здания Джефферсона вышли с течением времени знаменитые люди — поэт Эдгар Аллан По, ученый Уолтер Рид и государственный деятель Вудро Вильсон. Основатель университета был вправе гордиться этим «множеством блестящих молодых людей».

8

Студенты и профессора не были единственными гостями Монтиселло. Там было много других. В Монтиселло постоянно были посетители и их было столько, что они в конце концов чуть не разорили Джефферсона. Призрак нищества стал пре-

следовать его в течение последних лет. Еще в 1814 году он сказал как-то своему внуку Томасу Джефферсону Рандольфу, как записал последний, что «если ему придется долго жить он разорит свою семью, потому что число людей, которых ему приходится развлекать, поглотить всё его состояние; он не может закрыть свои двери перед этими людьми, привозящими письма от его старых друзей и выражающих ему чувства глубокого уважения».

Для покрытия расходов по своему поместью, превратившемуся в настоящую гостиницу для приезжих, и на содержание большой семьи, состоявшей из внуков, двоюродных братьев и сестер, свойственников и многочисленных дальних родственников, Джефферсону приходилось одалживать деньги. Другого выхода из положения не было. Доходы от поместья покрывали только налоги и проценты по долгам. «Наши средства», жаловался Джефферсон, «немедленно поглощаются, как только мы их получаем».

Задолженность и призрак бедноты превратились в настоящий кошмар и стали отягощать его старые плечи. Несмотря на внешний блеск Монтиселло и практиковавшееся там щедрое гостеприимство, повсюду стали заметны признаки бедноты. На столе стояли серебряные бокалы (с инициалами «Д. У.* Т. Д.»), но в стульях были дыры. «Первое, что привлекло наше внимание», пишет Франсис Каллей Грэй, посетивший Монтиселло зимою 1814 года, «было состояние стульев. Они имели кожаные сиденья, наполненные ворсом, но сиденья были совершенно протерты и изнутри торчал ворс».

Чтобы добыть средства, Джефферсону пришлось лишиться себя вещей, которые он любил боль-

* Джордж Уайт сделал Джефферсона своим наследником.

ше всего — расстаться со своими книгами. После того, как в 1814 году англичане сожгли Вашингтон, включая принадлежавшие правительству книги, Джефферсон предложил продать Конгрессу свою собственную библиотеку. Собрание его книг состояло из 10.000 томов, приобретенных им на всех книжных рынках Европы. Большинство книг были в переплетах и среди них имелись редчайшие произведения об Америке. Джефферсон предложил свою библиотеку Конгрессу по любой цене, которая будет сочтена справедливой. По счастью для страны, Конгресс принял это предложение и уплатил Джефферсону 25.000 долларов.* Деньги эти буквально свалились с неба, хотя у бывшего президента осталась только одна треть полученной суммы. Больше 15.000 долларов пошли кредиторам в Филадельфии и Джорджтауне.

Но и библиотека не спасла. Постепенно Джефферсон всё больше и больше погрязал в долгах и шансов на избавление от них у него с каждым годом становилось всё меньше и меньше. В 1819 году его постиг новый тяжелый финансовый удар. С присущей ему щедростью, он поручился за долг своего дальнего родственника Уилсона Кари Николаса в размере 21.200 долларов. Николас обанкротился, а у Джефферсона тоже не было никакой возможности выполнить принятое на себя обязательство.

* Коллекция Джефферсона составила ядро Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, которая сегодня является, вероятно, богатейшим книгохранилищем во всем мире. Среди книг имеются тома по истории, зоологии, анатомии, хирургии, медицине, технике, агрокультуре, ботанике, минералогии, химии, физике, географии, геологии, астрономии, математике, геометрии, этике, теологии, юриспруденции, политике, рисованию, риторике, ораторскому искусству, критике, философии, библиографии, полиграфии, ноты, драмы. См. каталог Джефферсона в Библиотеке Конгресса.

9

Будущее многочисленных внуков являлась постоянным беспокойством Джефферсона. За несколько дней до своего 80-летия он подвел итог своим долгам и доходам. Получилась очень невеселая картина. Цифры свидетельствовали о том, что сумма общего долга Джефферсона составляла 40.262.44 доллара (включая 5.250 долларов Банку Соединенных Штатов). Одни проценты по этим долгам составили 2.121.90 долларов в 1823 году. Так как доходы от поместья равнялись в том же году 10.400 долларов, на уплату одних только процентов потребовалась одна пятая доходов.

А сколько денег нужно было на поддержку большой семьи! У дочери Джефферсона Марты, жены Томаса Манна Рандольфа, было 11 детей.* Эти дети имели тоже уже детей. Одна из внучек Джефферсона, Энн Банкхед, имела трех сыновей и одну дочь, которая жила около Монтиселло. Другой внук — Томас Джефферсон Рандольф — имел семь детей. Центром этой большой семьи, состоявшей из внуков и правнуков, являлась всеми обожаемая фигура Джефферсона. «Среди них», говорил он в возрасте 77 лет, «я чувствую себя настоящим патриархом».

«Матриархом» этой большой семьи была единственная оставшаяся в живых, дочь Джефферсона — Марта Джефферсон Рандольф, замечательная женщина. Во многих отношениях она напоминала отца. У нее были голубые глаза, была она стройной, веселой и почти такой же высокой, как Джефферсон. Подобно отцу, она любила напевать

* Джефферсон дал 4 внукам имена своих друзей — Джеймс Мадисон, Бенджамин Франклин, Мериуэзер Люис и Джордж Уайт. Старшего внука нарекли Томасом Джефферсоном. Имена внучек были — Анна, Эллен, Корнелия, Виргиния, Мэри и Септимия.

во время работы. От отца она унаследовала привычку не сидеть без дела. Был у нее, как и у отца, легкий характер, его обаятельная улыбка и полная невозмутимость.

Любимцем Джефферсона был его тезка — Томас Джефферсон, старший сын Марты. На этом внуке, Джефферсон (единственный сын которого умер ребенком) сосредоточил всю свою любовь. «Я рассматриваю тебя», говорил дед внуку, «как самую большую удачу, ниспосланную мне небом». Это был тот самый внук, который после смерти Джефферсона, лояльно перенял на себя весь долг своего деда и выплатил его с течением времени.

Внук — Томас Джефферсон — был огромного роста и являлся не только любимцем своего деда, но и всех окружающих. Он был выше деда и был так же физически силен, как отец Джефферсона — полковник Питер. Юноша набрался сил в горах Виргинии. Когда весной 1826 года Томас Джефферсон Рандольф посетил Бостон и навестил старого друга своего деда Джона Адамса, которому шел 91-ый год, маленький Джон Адамс был потрясен размерами молодого виргинца. «Как это происходит», писал он Джефферсону, «что вы — виргинцы — великаны? А мы — жители Новой Англии — пигмен по сравнению с мистером Рандольфом».

Джефферсон привил своим внукам принципы своей собственной высокой морали. Однажды, когда он со своим внуком Томасом Джефферсоном совершал прогулку верхом, какой-то негр снял шляпу и низко им поклонился. Джефферсон ответил на это приветствие с присущей ему любезностью, но внук его совершенно игнорировал незнакомца. Юноше здорово влетело: «Ты разрешаешь негру быть большим джентльменом, чем ты сам!»

Внуки боготворили деда. Они повсюду следовали за ним, разговаривая и играя. Джефферсон руководил их играми и срывал для них с деревьев фрукты особой палкой, к которой был приделан крюк и прикреплен мешок. Наблюдать за времяпрепровождением детей было его любимым занятием. Больше всего ему нравилась игра, прозванная «кража добра». Дети выкладывали всё свое имущество — пальто, шляпы, перочинные ножи и затем делились на две партии. Идея состояла в том, чтобы одна из партий воровала у другой. Тех, кого ловили на месте «преступления» превращали в пленных. Наблюдая за этой игрой, старый патриарх от всего сердца смеялся. Он любил также следить за состязаниями детей в беге на лужайке. Он распределял их участников по размеру и возрасту и малышам всегда предоставлялись преимущества. Сигнал к старту Джефферсон давал белым платком, который держал в руке и перед стартом считал до трех. Победитель получал в награду фрукт.

Неудивительно поэтому, что дети обожали своего дедушку. Он угадывал все секретные желания маленьких девочек и скрытые стремления мальчиков и исполнял их в подходящий момент. Одна из маленьких девочек неожиданно получала от деда шелковое платье, о котором давно мечтала, а другая — гитару, которую страстно хотела иметь. Одна из внучек Джефферсона — Виргиния — вспоминает:

«В зимние вечера, когда было уже слишком темно для чтения и свечи еще не были принесены, мы усаживались около камина и он учил нас детским играм и принимал в них сам участие... Когда приносились свечи, все разговоры немедленно прекращались и наступала тишина, потому что он брал для чтения книгу; и мы разговаривали только шо-

потом, чтобы не помешать ему и обычно следовали его примеру и брались тоже за книгу; и я замечала, как он отрывал глаза от своей книги, оглядывал читающих детей, как на его лице появлялась улыбка и он обменивался с мамой несколькими фразами».

10

Со временем престарелый философ стал терять свою неистощимую энергию, и у него заметно пострадал слух. Джефферсон с любопытством ученого следил за состоянием своего здоровья, наблюдая за постепенным упадком сил. Несмотря на участившиеся легкие недуги, здоровье бывшего президента оставалось на высоте. До конца своих дней у него были все зубы в порядке.

Когда ему минуло 76 лет, в письме на имя доктора Вайн Ютли, Джефферсон подробно описал свое физическое состояние и привычки:

«Я вел воздержанную жизнь, ел мало мяса и использовал его только как приправу к зелени, которая является главной составной частью моего питания. Я удваиваю, однако, докторское предписание о полутора стаканах вина, а иногда и утраиваю эту порцию, когда нахожусь в компании друга; но я умаляю действие напитка использованием очень слабого вина. Крепкие вина пить я не могу и никогда не пользуюсь спиртными напитками.* За столом я пью содовые напитки и сидр, а на завтрак чай и кофе. Мои органы пищеварения все принимают и, без возражений, переваривают, что бы

* Джефферсон был постоянным противником крепких спиртных напитков, считая их врагами здоровья и общества. Он предпочитал, чтобы народ пил вино вместо виски. «Я видел ужасные и пагубные действия виски, уничтожавшего состояния, организмы, разум и мораль наших граждан», писал он Уильяму Кроуфорду в 1818 году.

не избрало небо и я до сих пор не потерял ни одного зуба.

Я был прилежным учеником, пока не вступил в жизнь... и теперь, удалившись от дел, и в возрасте 76 лет, я снова превратился в прилежного ученика. Моя любовь к чтению и занятиям отвлекает меня от нудной работы писания писем. Не говоря уже о том, что неподвижное запястье, в результате имевшего когда-то место перелома, делает писание писем медленным и болезненным. Я не так регулярен с моим сном... посвящая ему от пяти до восьми часов, в зависимости от компании или интереса к книге, которую я читаю; и я никогда не иду спать, не посвятив предварительно час или полчаса чтению какой-нибудь книги, которую я обдумываю, когда просыпаюсь ночью. Но независимо от того, рано или поздно я ложусь спать, встаю я постоянно с солнцем.

Вечером я пользуюсь для чтения очками, но не всегда использую их днем, разве только при чтении мелкого шрифта. Слышу я хорошо, когда разговариваю с глазу на глаз, но теряюсь, когда сразу говорит несколько человек и не могу поэтому вести беседу за столом.

В вопросах здоровья я оказался более счастливым, чем мой друг (доктор Руш). То обстоятельство, что я избегал частых простуд (я имею ввиду грудь), которые со мною случались не чаще одного раза за восемь-десять лет, я отношу за счет моей привычки — мыть каждое утро мои ноги в холодной воде, что я делаю уже в течение шестидесяти лет. Два или три раза за всю мою жизнь я имел жар, который держался больше суток. Одно время я страдал периодическими головными болями, но и они случались в промежутки в 6 или 8 лет, продолжались две или три недели, а теперь окончательно оставили меня... Здоровье мое прекрасно; я слишком слаб, конечно, чтобы много ходить пешком, но с легкостью ежедневно покрываю верхом 6 или 8 миль, а иногда даже 30 или 40».

Он смотрел в глаза неизбежному с тем же философским спокойствием, с которым наблюдал постепенное изнашивание своего организма. Уильяму Шорту Джефферсон писал:

«Мое занятие сводится к тому, чтобы отвлекаться от скучного процесса угасающей жизни и я стараюсь этого добиться путем чтения классических произведений и изучения математических истин и нахожу также утешение в здоровой философии, однако же равнодушной к надежде и страху».

В нем постепенно угасал огонь. В возрасте 72 лет он получил письмо из туманного, мертвого прошлого — письмо это было от Марии Косуэй, которую он любил в Париже. Не то из-за любви к Джефферсону, не то по каким-то другим причинам, — несчастная женщина давно уже обрела убежище в монастыре. Джефферсон ответил на это письмо через полтора года и ответ был написан в форме философского утешения: «вера, которую вы искренне исповедуете», писал он женщине, которую любил 34 года тому назад, «утверждает, что мы снова встретимся; и мы прожили нашу жизнь так, что можем рассчитывать на счастливую встречу».

Сентиментальные эмоции превратились теперь в холодные угольки. Даже поэзия, бывшая когда-то страстью Джефферсона, больше его не интересовала. «Я не имею больше воображения», говорил он в возрасте 80 лет. А когда нью-йоркский поэт Сэмюель Джюде послал ему свои стихи, Джефферсон вежливо подтвердил их получение и добавил — «холод 80 зим полностью погасил его (Джефферсона) чувствительность к красотам поэзии и лишил его возможности радоваться им или судить о них».

В возрасте 77 лет, он сделал попытку собраться

с мыслями и занести их на бумагу. 6 января 1821 года он приступил к своей автобиографии и начал ее со следующей фразы: «Мне 77 лет, я начинаю мои записи и собираюсь вспомнить и записать даты и факты, касающиеся меня, для облегчения справок и для сведения моей семьи». Написав примерно 40.000 слов своей автобиографии, он отказался от этой затеи. Он имел, говорил Джефферсон, «непобедимое отвращение» к разговорам о себе и особенно к своей политической деятельности. Своему зятю Джону Уэйлс Эппесу, он дал добавочное объяснение:

«Я слишком стар, чтобы приняться за какую-либо серьезную работу. Я всегда имел намерение занести на бумагу ряд выдающихся событий, представляющих исторический интерес. Но после продажи моей библиотеки Конгрессу я расстался со всей моей коллекцией газет, журналов, государственных бумаг, документов и т. д., без помощи которых я вынужден положиться на мою память, которой я больше не могу доверять».

В 1824 году Джордж Тикнор снова посетил Монтиселло и был поражен, как мало изменилась наружность Джефферсона. Когда Джефферсону было 82 года, Броуэр сделал с него маску и эта маска отвечает описанию Тикнора, утверждавшего, что на лице Джефферсона не было ни одной морщины. Своему коллеге-историку Уильяму Прескоту Тикнор писал:

«Теперь ему 82 года и он очень мало постарел за последние десять лет. Он такой же активный, живой и счастливый... каждый день он катается верхом, разговаривает без умолку и очень разумно на всевозможные темы. Только политика его совершенно не интересует... но что касается вопросов литературы, философии и общих тем, он бы-

стро реагирует и все его очень занимает. Он много читает по-гречески и по-немецки. Я видел его греческий словарь, напечатанный в 1817 году; по виду этой книги можно было судить, как много он ею пользуется...

Мистер Джефферсон продолжает очень ценить жизнь и ею наслаждаться; но вчера вечером он сказал знаменательную фразу: «Когда я не смогу больше читать и кататься верхом, — я предпочту удалиться».

11

1824 год, когда Джефферсону пошел 82 год, ознаменовался посещением старого и любимого друга. В том году Лафайет совершил триумфальную поездку по Соединенным Штатам. Джефферсон с большим волнением ожидал встречи со своим другом. Они не виделись примерно 35 лет и за это время мир пережил много революций и войн.

В Монтиселло Лафайет приехал с эскортом виргинских джентльменов, захвативших с собою революционные знамена. Военные трубачи исполнили фанфару. Кавалькада остановилась на лужайке против портика, где стоял худой и седой, как лунь старец. Когда Лафайет вышел из коляски, Джефферсон стал сходить по ступенькам портика. Но двигался он с трудом, а Лафайет был хромым. «Когда они приблизились друг к другу», вспоминает Томас Джефферсон Рандольф, «их неуверенная походка ускорила и с возгласами — ‘Джефферсон! Лафайет!’ — они бросились, рыдая, друг другу в объятия». Сотни людей были свидетелями этой сцены и на глазах у всех присутствующих стояли слезы.

Друзья провели две счастливых недели вместе. У них было о чем поговорить и о чем вспомнить. Многое они проделали вместе и у них было не-

исчерпаемое число тем — о рабстве, о Южной Америке, о демократии в Европе, о жизни и о смерти...

Перед отъездом, в честь Лафайета был устроен банкет в Шарлоттсвиле. Это явилось большим событием, потому что среди именитых гостей были Джефферсон, Мадисон и президент Монро. За Лафайета и Джефферсона были провозглашены тосты и была оглашена речь Джефферсона. Начиналась она со следующего обращения: «Мои друзья, я стар и давно отвык произносить речи. Голосом я тоже не владею». В короткой речи сохранилась благодарность Лафайету за всё, что он сделал для дела американской свободы и особенно за помощь, оказанную Джефферсону в Париже:

...«этот друг... был моим самым влиятельным помощником и ходатаем. Нашу цель он превратил в свою собственную... Его влияние и связи были очень велики. Все двери всех учреждений открывались для него в любое время... Я держал только гвоздь, а забивал его он. Почет ему и слава».

Лафайет полагал, что на всем свете не было человека, похожего на его друга Джефферсона. Одному из своих друзей он сказал, что «история человечества не знает личности с более широким умом, вместительной душой и более непреклонного соратника республиканизма», чем мудрец из Монтиселло.

Через несколько месяцев после француза, Монтиселло посетил самоуверенный, солидный и безупречно одетый политикан и оратор Новой Англии — Дэннел Уебстер. Этот визитер воспользовался щедрым гостеприимством Джефферсона в

течение пяти дней.* Позднее он записал это посещение на бумаге со всеми подробностями.

Как и все низкие люди, Уебстер был особенно поражен размерами Джефферсона. Он описывает его, как длинного, «ходого и тонкого» человека, с выражением «самодовольства и благожелательности».

«У него необыкновенно длинные конечности; его руки и ступни очень широки, а запястья — редкой величины. Его походка не точна и не имеет военной выправки, но легка и он делает большие шаги. Он немного сутулится. ...Когда он сидит, он кажется не высоким, отчасти по причине отсутствия привычки сидеть, отчасти — по причине непропорциональной длины его конечностей. ...Его внешний вид свидетельствует о необыкновенном здоровье, живости и бодрости».

12

Финансовые затруднения отравляли его последние дни. Он находился накануне банкротства и ему грозила опасность потерять свой дом и свои поля.** В возрасте 83 лет ему грозила ката-

* Это был тот самый Уебстер, которому Джефферсон выразил свое нелестное мнение об Эндриу Джаксоне, назвав его «наименее подходящим» человеком для президентского поста. Генерал Джаксон, сказал Джефферсон Уебстеру, «является опасным человеком». Это было за четыре года до избрания Джаксона президентом.

** В ноябре 1826 года Мадисон в письме к Лафайету объяснял финансовые затруднения Джефферсона: «Расходы по содержанию большой семьи, чрезвычайное гостеприимство и ряд неурожаев с падением цен на рынке, к которым следует добавить старые долги, сделанные во время пребывания на общественной службе за границей и новые долги из желания помочь своим многочисленным друзьям; всё это привело к положению, в котором он не отдавал полного отчета до тех пор, пока его не стали беспокоить кредиторы».

строфа не только потерять дом, но и оставить свою дочь и внуков без всяких средств.

В феврале 1826 года, в канун своего рождения — ему должно было исполниться 83 года — Джефферсон написал Мадисону письмо, которое было криком ужаса. Для уплаты наиболее срочных долгов, Джефферсон предложил продать с аукциона часть своей земли в Монтиселло. Такие сделки производились до Революции, но теперь для этого требовалось согласие легислатуры. Если ему будет отказано в этом разрешении, писал он Мадисону, «мне придется все здесь продать и, возможно, значительную часть Бедфорда, и переселиться с семьей в оставшуюся часть. Но там я не имею даже хижины, где мог бы преклонить мою голову». Заканчивал он свое письмо горькой фразой, что не уверен, останется ли ему достаточно «земли для могилы».

Джефферсон просил у своего старого друга прощения за причиняемое ему беспокойство, но тут же добавлял — к кому еще он может обратиться? В эти темные дни единственным его утешением являлось сознание, что 50 лет тому назад он вместе с Мадисоном боролись за демократию в Америке. И Джефферсон выражал надежду, что в будущем их не забудет потомство.

«Но для чего огорчать вас этими подробностями? Правда, мне становится легче от общения с другом. Дружба, существовавшая между нами свыше полувека, и единство политических принципов и устремлений, являлись для меня в течение этого долгого периода источником постоянного счастья... Было для меня также большим утешением сознание, что вы постоянно отстаивали избранный нами для потомства курс истинного самоуправления, за осуществление которого мы вместе боролись. Если на земле сохранится система управления, главная

цель которого будет сводиться к защите общих интересов и достижению всеобщего благополучия, то мы никогда не заслужим упрека, ибо торжеству этой системы мы посвятили наши жизни. Для меня вы являлись всю жизнь опорой. Не забудьте меня после моей смерти и можете быть уверены, что вы — моя последняя привязанность».

Это было прощальное письмо. На этом письме оборвалась переписка Джефферсона со своим старым другом.

Продажа земель с молотка — способ, при котором ему удастся сохранить за собою Монтиссело и одну ферму — являлась, по мнению Джефферсона, «вопросом жизни и смерти». Но легислатура могла не разрешить ему такую продажу и он безумно опасался, что его выбросят из дому и оставят без всяких средств к существованию. Он писал своему внуку — Томасу Джефферсону Рандольфу:

«Ты делаешь все возможное, чтобы поддержать во мне дух. Задача эта очень сложная, принимая во внимание мое болезненное состояние, возраст и запутанные дела. Меня лично не может волновать потеря имущества, но я очень беспокоюсь за положение, в котором оставляю мою семью. Моя дорогая и обожаемая дочь, верный спутник моей ранней жизни и попечительница старости, и ее дети, выросшие на моих глазах, могут очутиться в безвыходном положении и это омрачает мое состояние. Меня не страшит наступающий конец. Я готов умереть, дописав это письмо, но меня волнует положение, в котором очутилась наша семья и то обстоятельство, что я не могу ей быть полезен...

Как бы я мог справиться без тебя с окружающими меня трудностями. Возникли они отчасти в результате моего неумелого хозяйничанья, отчасти от того, что я посвятил свою жизнь служению

моей стране. Но основная причина кроется в неустойчивости нашей валюты и продолжительной депрессии в области сельского хозяйства. Я мог бы расплатиться с долгами и спасти еще поместья Монтиселло и Бедфорд. Но если нельзя будет продать землю, уплатить долги станет невозможным».

Несколько дней спустя, легислатура дала Джефферсону разрешение продать часть своей земли с молотка. Против этого постановления голосовало всего несколько человек. Но постановление это оказалось ненужным. Когда новость о тяжелом положении Мудреца из Монтиселло распространилась по всей стране, со всех концов Союза стали поступать предложения о помощи. Тяжелое положение автора Декларации независимости произвело на страну огромное впечатление. Повсюду состоялись многолюдные собрания, как на Юге, так и на Севере.* Ораторы заявляли, что выселение старого патриота из его дома явится национальным позором. В городе Нью Йорке было немедленно собрано 8.500 долларов, в Филадельфии — 5.000, граждане Балтимора дали 3.000 долларов. Другие города последовали их примеру.

Эти добровольные подарки произвели огромное впечатление на большого Джефферсона. В свое время он отказался от подарка штата, но на этот раз дело обстояло иначе. Это было, говорил Джефферсон, «искреннее и безоговорочное признание в любви». Так это и было. Было

* В городе Нью-Йорке, мэр Филип Хон заявил на многолюдном собрании о необходимости «принять меры для освобождения от долгов мистера Джефферсона». Другое большое собрание состоялось в историческом зале Бостона «Фаней» для сбора средств «по оказанию помощи мистеру Джефферсону». Большой митинг состоялся также в Ричмонде. См. «Найлс Уикли Рэджистэр», от 6 мая 1826 г., стр. 172 и от 17 июня, стр. 281.

это также величайшей наградой, когда либо им полученной — доказательство его веры в народную добродетель и в преданность его народным интересам. «Я истратил в три раза больше денег и всю свою жизнь посвятил своим соотечественникам», говорил Джефферсон, «а теперь они благородно выступили вперед и сделали, что могли, чтобы вознаградить меня и спасти старого слугу от того, чтобы его не выгнали, подобно собаке, из дому».

13

В феврале 1826 года с Джефферсоном приключился сильный припадок дизентерии. Он намеренно преуменьшал свои страдания, чтобы не волновать семью. Он не мог преодолеть своего отвращения к искусственному питанию и не разрешал никому из родных сидеть в его комнате, когда он спал. Чтобы успокоить свою волновавшуюся семью, он пытался не лежать и передвигаться по дому и даже совершать короткие прогулки верхом. Он хотел доказать, что болезнь его не представляет опасности.

Но сам он знал, что наступает конец. В середине марта он составил завещание и написал весь документ собственной рукой, удивительно ясным и точным почерком. Большую часть своего недвижимого имущества он завещал своим двум внукам — Франсису Эппесу и Томасу Джефферсону Рандольфу. Последнему он завещал также все свои бумаги. В приписке к завещанию упоминались следующие распоряжения:

Палка из кости с золотым набалдашником «моему другу Джемсу Мадисону... как знак искренней и горячей дружбы, которая почти полвека объединяла нас на почве одинаковых принципов и в

преследовании целей, которые, по нашему мнению, должны были принести максимальное благо нашей стране». Свою библиотеку (собранную им после продажи первой библиотеки Конгрессу) — Виргинскому университету. Каждому внуку — золотые часы. Девочки должны были их получить в 16 лет, мальчики — в 21 год. Особенно щедрым Джефферсон оказался в отношении своих слуг-негров:

«Я завещаю моему хорошему, доброму и верному слуге Буруэлу — свободу и 300 долларов для покупки необходимых вещей, чтобы начать собственное дело маляра и стекольщика или использовать эти деньги по собственному усмотрению. Моим хорошим слугам Джону Хемингсу и Джоэ Фоссету я даю свободу через год после моей смерти: и каждому из них все оборудование их мастерских; и я завещаю, чтобы каждому из этих трех слуг было бы построено на моей земле по удобному деревянному бараку, которые находились бы недалеко от местожительства их жен».

Несмотря на то, что Джефферсон с трудом мог передвигаться, ум его сохранил полную ясность. Он много читал, особенно греческих драматургов (в оригинале) и Библию. Речь его оставалась такой же оживленной, как обычно.

К концу июня в состоянии Джефферсона произошло заметное ухудшение. Он часто вспоминал революционные события и смотрел смерти спокойно в глаза. «Не думай, пожалуйста», говорил он своему внуку, «что меня волнует наступающая развязка; я сравниваю себя со старыми часами, механизм которых изнашивается и они скоро должны остановиться». Врачу он сказал: «Через несколько часов, доктор, все будет кончено».

Разбуженный шумом в комнате, Джефферсон

решил, что к нему пришел священник Хатч, настоятель местной церкви. «Я не имею возражений против свидания с ним», сказал бывший президент, «как с хорошим соседом». Значение этих слов было ясно: он не имел возражений против Хатча, как соседа, но не желал его посещения в качестве священника.

Последним посетителем оказался Генри Ли, сын генерала Генри Ли. Марта Рандольф сказала ему, что свидание с отцом невозможно, но Джефферсон распорядился впустить этого гостя. Ли был поражен энергией и разговорчивостью больного человека. «Он говорил о выходе реки Джемс из берегов и о причиненных этим бедствием разрушениях... Затем он перешел к университету, говорил о полезности этого учреждения... хвалил профессоров и выражал удовлетворение успехами студентов».

После этого разговор коснулся близости смерти. Джефферсон говорил об этом совершенно спокойно, «как человек, которому предстоит попасть под дождь, — событие — нежелательное, но которого не следует бояться». Все еще в роли хозяина, Джефферсон предложил своему гостю остаться на обед. Ли не согласился. «Вы должны обедать здесь», сказал Джефферсон с недовольством в голосе, «моя болезнь не имеет никакого значения».

2 июля он решил проститься с семьей и позвал всех к себе в комнату. Говорил он очень спокойно, как будто покидал их, отправляясь в короткое путешествие. Будьте добродетельными, лояльными, верными — таковы были последние наставления Джефферсона. Один из маленьких внуков, мальчик восьми лет, был очевидно, поражен торжественностью сцены. Умиравший Джефферсон повернулся к старшему брату мальчика и с

улыбкой сказал: «Джордж не понимает, что все это значит».

Со своей любимой дочерью Мартой он трогательно простился отдельно. Сделано это было в форме короткой поэмы, которую он вручил ей в маленькой шкатулке:

«ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ ОТ Т. Д. М. Р.

Не надо слез, друзья! Кончаю с жизнью счеты —
Не страшно, что конец земным приходит снам;
Я к предкам ухожу, к тем дальним берегам,
Где вспыхнут все мечты и рухнут все заботы
Последнее прости всем близким и любимым.
Я дочери моей последний вздох отдам,
С ним отнесу в тот мир — и в руки передам
Ее любовь двум встречным серафимам».

Он спал всю ночь и, когда проснулся, заметил: «Сегодня четвертое июля». Но было только — третье. Ему во что бы то ни стало хотелось дожить до 4 июля. Когда к нему утром пришел доктор Роблей Дунглисон, чтобы дать лекарство (тинктура опиума), Джефферсон сказал приглушенным и еле слышным голосом: «Как, доктор, вы все еще здесь?» Затем он спросил: «Сегодня четвертое июля?» Доктор Дунглисон ответил: «День этот скоро наступит».

В ночь с 3 на 4 июля он большей частью бредил. Джефферсон вспоминал о каких-то своих предложениях, упоминал комитет общественной безопасности и кого-то предостерегал. 4 июля в 11 часов утра, не отходивший от постели больного внук его — Томас Джефферсон Рандольф, — заметил, что Джефферсон потерял сознание.

Скончался он два часа спустя, в 12 часов 50 минут дня Четвертого июля 1826 года. В этот

день исполнилось ровно 50 лет после провозглашения Декларации независимости.

Кончина Джефферсона совпала с торжественным празднованием Соединенными Штатами пятидесятой годовщины своей независимости. И когда Джефферсон умирал сотни тысяч народа слушали речи, посвященные этому великому событию. В каждом городе звонили колокола и гремели пушки.

В тот же день, в гор. Квинси, Массачусетс, умирал Джон Адамс. Он не знал, что его друга из Монтиселло не было уже в живых. «Томас Джефферсон пережил меня», с этими словами умер Адамс.

Выдался дождливый день, когда останки Томаса Джефферсона были преданы земле рядом с могилой его жены. Он сам написал для себя эпитафию. Нашли ее в ящике его письменного стола. Посетители Монтиселло могут прочесть слова, выгравированные на обелиске из серого гранита на могиле Джефферсона:

Здесь похоронен
ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН
автор
Декларации
Американской Независимости
и
Статута
об установлении
религиозной свободы в
Виргинии
и
Отец
Виргинского Университета

Это все, чем его должны были поминать.

Из бесчисленных знаков внимания, оказанных

скончавшемуся патриоту, нижеследующий является, пожалуй, наиболее характерным:

Морской министр Сэмюель Л. Саутхард распорядился, чтобы каждая верфь и каждое судно отметило кончину «почтенного Патриарха Революции» пушечным салютом из 21 выстрела и приспущенным в течение недели флагом.

А наиболее верные слова по адресу Томаса Джефферсона были произнесены Джемсом Мадисоном:

«...он живет и будет жить в памяти и в сердцах людей, как светочь науки, как приверженец свободы, как пример патриотизма и как благодетель человечества».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5
глава первая	
Юность	7
глава вторая	
Ученик	11
глава третья	
Адвокат	24
глава четвертая	
Бунтовщик	39
глава пятая	
Законодатель	54
глава шестая	
Губернатор	69
глава седьмая	
Философ	84
глава восьмая	
Посол	92
глава девятая	
Зритель	108

глава десятая	
Государственный секретарь	119
глава одиннадцатая	
Вице-президент	162
глава двенадцатая	
Кандидат	184
глава тринадцатая	
Президент	206
глава четырнадцатая	
Мудрец	263

Книги издательства «Телекс»

- С. П. Мельгунов «Красный террор в России»**
1-е изд. — 1979, совместно с изд-вом «BRANDY», 2-е изд. — 1989
- З. Гиппиус «Петербургские дневники»**
1-е изд. — 1982, совместно с изд-вом «Орфей», 2-е изд. — 1990
- Л. Еневский «Катынь-1940»**
1-е изд. — 1983, 2-е изд. — 1985, 3-е изд. — 1987
- «СССР-Германия, 1939»**
1-е изд. — 1983, 2-е изд. — 1989
- «СССР-Германия, 1939-1941»**
1-е изд. — 1983, 2-е изд. — 1989
- С. П. Мельгунов «Золотой немецкий ключ большевиков»**
1-е изд. — 1985, 2-е изд. — 1989
- «Убийство Столыпина. Свидетельства и документы»**
1-е изд. — 1986, 2-е изд. — 1989
- Даниэл О. Грэм «Космический щит»**
1988
- «Хрущев о Сталине»**
1-е изд. — 1988, 2-е изд. — 1989
- Коран — 1989**
- П. А. Столыпин — «Речи, 1906-1911» — 1990**
- «Большевики, 1903-1916» — 1990**
- А. Голдберг — Американские профсоюзы — 1990**

Сборники «Телекс»

- №1 «Западная пресса о важнейших событиях в мире»**
(январь 1981)
- № 2 «Западная пресса о важнейших событиях в мире»**
(ноябрь 1981)
- № 3 «Кризис детанта. Американские ученые о политике разрядки международной напряженности»**
(1982)
- № 4 «С позиции силы. Почему Запад, желая мира, готовится к войне»**
(1982)
- № 5 «Рональд Рейган о внешней политике США. Речи, заявления, интервью президента США за 1981-1983 гг.»**
(1983)